

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

Ж У Р Н А Л Ъ

СЛОВЕСНОСТИ, ТЕАТРА, ПОВОСТЕЙ и МУЗЫКИ,

НА 1831 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Егоромъ Аладынымъ.

Т О М Ъ I.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДЕЛЬНАГО КОРПУСА
ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1831 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ шѣмъ, чпобы по напечатаніи представле-
ны были въ Ценсурный Комитетъ *три*
экземпляра.**

С.-Петербургъ, 9 Декабря 1850 года.

Ценсоръ *П. Гаевскій.*

С.-ПЕТЕРБУРГСКІИ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ИСПОЛНИСКІЯ ГОРЫ.

Изъ разсказовъ путешественника.

(Соч. *О. М. Солова.*)

— „Вы уже знаете,“ продолжалъ нашъ разсказчикъ, „что я всегда любилъ находить въ дилижансѣ кого нибудь изъ тѣхъ любезныхъ говоруновъ, которыхъ, къ счастью путешественниковъ, очень много разъѣзжаетъ по бѣлу свѣту.

Опъ нихъ-то узнаёмъ мы все старинныя преданія, все народныя повѣрья, коихъ не сыщешь ни въ какихъ древнихъ лѣтописяхъ, ни въ какихъ розысканіяхъ археологовъ. Во Франціи мнѣ было истинное раздолье въ дилижансахъ: почти день опмѣчалъ я чернымъ крестикомъ въ записной моей книжкѣ, когда мнѣ не удавалось въ почтовой каретѣ нагласнѣ на какого нибудь словоохотнаго попушечика, который бы высказалъ мнѣ или мѣстную старину того края, или занимательныя анекдоты о своихъ землякахъ и современникахъ, или подробности своей собственной жизни. Въ Англіи и Германіи, дилижансовые

спутники не столько обходительны, или переведу вамъ Французское выраженіе, которое лучше пояснитъ мою мысль—не столько *сообщительны* (*communicatifs*): по дорогамъ прехъ соединенныхъ Королевствъ мнѣ чаще всего случалось сидѣть въ дилижансѣ съ разъѣздными прикащиками купеческихъ коншоръ (*com-mis-voageurs*, какъ называютъ ихъ Французы); а эти люди говорятъ только между собою, и по почтѣ всегда о поргфвыхъ своихъ сдѣлкахъ, о погарахъ, о богатыхъ купеческихъ домахъ и о банкротствахъ, что не слишкомъ занимательно для чужеземца. Нѣмецкіе путешественники по большей части молчатъ, да курятъ табакъ, или курятъ табакъ, да молчатъ, если не сѣдуются съ кѣмъ либо изъ своихъ земляковъ и сосѣдей, съ которыми бы могли они разговориться о посѣвѣ и урожаѣ, о домашнихъ своихъ дѣлахъ, о коровѣ *Мальхенъ* да о баранѣ *Гауцъ*. Правда, когда мнѣ удавалось разшевелить Англичанина или Нѣмца, особливо если между спутниками попадался мнѣ человекъ образованный и свѣдущій — тогда я смѣло могъ надѣяться, что рассказы польются рѣкою и что ихъ наберется порядочный запасъ не на одну спанцію. Не всѣ молчаливые люди бываютъ таковы по природѣ или по охотѣ: инымъ изъ нихъ спобитъ только развязать свой языкъ—онъ и пойдетъ на многіе часы работать безъ умолку.

Такъ посчастливилось мнѣ прокашпиться по всей Богеміи въ общеспѣвъ весьма пріятныхъ спутниковъ. Мы познакомились еще на водахъ, въ Карлсбадѣ. Любезнымъ моимъ слушаателямъ навѣрное извѣстно, какъ скоро и охотно сближаются между собою посѣщители цѣлебныхъ водъ. Одинъ мой пріятель, по же пупешественникъ, называешь шакія знакомства *водными*; но я признаю это названіе въ одномъ только смыслѣ: въ томъ, что они скоропечны, какъ вода. На примѣръ здѣсь, въ Карлсбадѣ, я коротко познакомился съ однимъ Австрійскимъ Барономъ и молодою, миловидною его супругой; съ однимъ Богемцемъ, спраспнымъ любителемъ музыки, пылкимъ двадцати-лѣшнимъ юношею, у котораго въ жилахъ пещетъ жаркая кровь Славянская; съ однимъ Французомъ, *проектёромъ* и подагрикомъ, но у котораго ни спекуляціи, ни подагра, ни сорокъ пять лѣтъ, не испробили врожденной веселости и въспренности; наконецъ, съ однимъ Археологомъ изъ Лейпцига, пожилымъ Нѣмцемъ, котораго имени, право, не упомяну, и попому спану его вездѣ называешь просто Археологомъ. Когда прошла пора пить цѣлительныя воды, мы всё условились еще на нѣсколько времени не разлучаться, и, чтобы продлить наше знакомство, придумали вмѣстѣ объѣхать всю Богемію. Долго

было бы рассказывать вамъ о всемъ нашемъ путешествіи, и приводить всѣ случаи, въ которыхъ спутникъ нашъ Археологъ былъ намъ полезенъ своими неизящными свѣдѣніями въ древностяхъ тамошняго края: каждое селеніе, каждый холмикъ, ручеекъ, полянка—приводили ему на мысль историческія воспоминанія, коими онъ весьма охотно дѣлился съ нами. Мнѣ даже казалось иногда, что Археологъ нашъ, за неимѣніемъ запасныхъ свѣдѣній о какомъ-либо мало-замѣчательномъ мѣстѣ, подъ часъ ихъ импровизировалъ. Но мнѣ какая была до того нужда? рассказы его меня занимали и забавляли, и я внутренне благодарилъ судьбу, что она послала намъ въ спутники такого рѣчислаго Нѣмца.

Черезъ нѣсколько дней нашего медленнаго спрансированія, мы добрались наконецъ до Исполинскихъ горъ (Riesengebirge). Я видалъ многія горы, повыше этихъ Исполиновъ, но рѣдко видалъ изъ нихъ столько живописія. Мы любовались дикими красотою сихъ громадъ, нарочно ѣздили смотрѣть самый высокій *пикъ* этого горнаго хребта, возвышающійся почти на пять шельковъ футовъ надъ землею поверхностью; и спутница наша, молодая Баронесса, промолвилась, что желала бы знать происхожденіе названія: *Исполинскія горы*.

— «Это не мудро отгадать и безъ всякихъ историческихъ изслѣдованій,» сказалъ

мужъ ея: „спѣишь только взглянушь на нихъ чпобы пояснишь себѣ, почему народная молва изспари дала имъ такое названіе.

— »Со всѣмъ нѣтъ,« возразилъ нашъ Археологъ, видимо не довольный тѣмъ, что другой мѣшался въ такія объясненія, копорыя онъ исключительно присвоивалъ себѣ. »Горы сіи въ древности назывались *Судетали* (Sudetes); а Исполинскими назвали ихъ съ той поры, какъ Чехи, нынѣшніе Богемцы, поселились около нихъ; и это названіе дано имъ по особому случаю.

— »Разскажете же намъ объ этомъ,« подхвапили, въ одинъ голосъ, Баронесса, Французъ, молодой Богемецъ и я.

— »Съ охотою!« отвѣчалъ Археологъ, поднявъ брови и посмопрѣвъ на серебряную свою табакерку, бывшую у него тогда въ рукѣ, такимъ взоромъ, копорый ясно выражалъ какое-то гордое сознаніе собственнаго достоинства. »Если почтенные мои спутники, продолжалъ онъ, поведя пыпливый взглядъ на нашихъ лицамъ, — »если почтенные мои спутники непременно этого желаютъ, то я готовъ сообщить имъ историческое преданіе о томъ, что касается до здѣшнихъ горъ.«

Мы всѣ повѣрили нашу просьбу; Баронъ лукаво улыбаясь, по же приспалъ къ намъ; и Археологъ, посмопрѣвъ минуты двѣ на обильный сукномъ верхъ почтовой карсшы, какъ

будто бы опшуда вызывалъ историческія свои воспоминанія, началъ свой разсказъ.

»Въ древнія времена почной эпохи не могу теперь сказанъ опредѣлительно: намаяшь начала мнѣ измѣняшь; замѣчу только, что Богемцы жили уже тогда у подножія Судетовъ и что городъ Прага еще въ то время не существовалъ И такъ, въ древнія времена, стоялъ на половинѣ эпого высокаго пика, называемаго пшѣ Ризенкоппе или Шнейкоппе,—огромный и крѣпкій замокъ, среди дремучаго, непроходимаго лѣса, сквозь который пролегла къ замку только узкая тропинка по крутому скату. Въ немъ жилъ необыкновеннаго роста и страннаго вида Исполнѣ, доспойный обитатель эпихъ высокихъ и дикихъ горъ; имя его было Мрачиславъ. Никто не зналъ, откуда и когда зашелъ онъ въ Судетскія горы, и какъ онъ построилъ этотъ замокъ, въ которомъ жилъ онъ одинъ, какъ сова въ дуплѣ; а суевѣрное просполодіе даже думало, что это гномъ *Рюбецаль*, наскуча подземнымъ своимъ жильемъ и малымъ ростомъ, вздумалъ проказить по свѣшу въ образѣ великана. Какъ бы то ни было, а окрестные жители боялись его, какъ чорна, и не безъ причины. Вообразите себѣ огромное пуловище, въ полторы сажени вышиною, съ широкою косматою грудью, съ длинными жи-

лишними руками, съ длинными тяжелыми ногами, которыми великанъ шагаль шакъ далеко, что опережалъ скачки самой рѣзвой дикой козы; вообразише себѣ, что на шакое пуловище взмощена пребольшая голова, съ щетиными рыжими волосами, съ выпучившимися, налишными кровью глазами, съ спрашнымъ распворявшимся до ушей рпомъ, черезъ который перегибался уродливый носъ шакой величины, что исполинъ могъ бы, въ случаѣ нужды, почесашь имъ свой подбородокъ. Таково было физическое безобразіе нашего великана: нравственное и шого было опвращительнѣе. Мрачиславъ былъ золь, жѣсцокъ, зависпливъ, склоненъ къ грабительству, къ пьянству и обжорству; а что хуже всего—крайне падокъ къ прекрасному полу. Окружные замки и селенія много терпѣли опъ его буйства и звѣрства, и никто не хотѣлъ селиться вновь близъ Исполиновой горы.

»Недалско опъ горъ находился одинъ замокъ, или, лучше сказашь, цѣлый городокъ, принадлежавшій одному владѣльцу, Почебушу. Замокъ эшопъ споялъ на неприступномъ мѣстѣ, окопанъ былъ широкими и глубокими рвами, въ копорые проведена была вода, и обнесенъ высокими, зубчатыми стѣнами, по угламъ копорыхъ построены были крѣкія башни. Эшихъ башень, какъ обыкновенно водился, было чешыре: восшочная, западная,

южная и сѣверная. Въ зѣмкѣ, кромѣ самого Почебуша и его семейства, помѣщались всѣ многочисленные его вассалы. И день и ночь сильный караулъ спорожилъ на башняхъ и на стѣнахъ зѣмка, и при малѣйшей опасности, рогъ часоваго шрубиль превогу: въ одно мгновение всѣ жители зѣмка, подъ предводительствомъ самого Почебуша, разсыпались по стѣнамъ, съ луками и стрѣлами, съ пращами, копьями, палицами, и отражали нападеніе, какъ бы ни грозенъ былъ непріятель. Мрачиславъ зналъ это и съ досадою видѣлъ, что не могъ ни силою, ни хитростію одолѣть крѣпкаго зѣмка Почебушова. Часно великанъ подходилъ къ зѣмку изъ роши, прилетавшей почти къ самому наружному рву, и, пришаясь за деревьями, высматривалъ по цѣлымъ часамъ: но по стѣнамъ и на башняхъ безпрестанно бродили часовые, ворота были заперты и мосты подняты; а когда и опускались, то съ Почебушомъ выѣзжала такая густая толпа сильныхъ вѣпязей и хорошо вооруженныхъ вассаловъ, что Мрачиславу, хотѣ и великану, нельзя бѣ было одному со всѣми управиться. Тогда онъ обыкновенно уходилъ въ свой зѣмокъ, и только прескѣ опѣ тяжелой его поступи раздавался по лѣсу. Въ другое время, вѣщечно выжидая нѣсколько часовъ сряду, онъ выходилъ изъ терпѣнія, и съ бѣшенствомъ схватилъ большой камень, пускалъ

его изо всей силы въ замокъ Почебушовъ; а послѣ хохопалъ неисповымъ смѣхомъ, радуясь тому, что успѣлъ пробудить въ замкѣ напрасную тревогу.

»Не богатство Почебушово влекло Мрачи-слава къ замку: нѣтъ! его манила красота Любуши, единственной дочери владѣльца. Не подумайте, почтенные мои слушатели, чтобъ эша Любуша была та самая, которая когда-то царствовала въ Богеміи, и которой городъ Прага обязанъ своимъ существованіемъ. Такого грубаго анахронизма я не сдѣлаю, и васъ не стану вводить въ заблужденіе на счетъ исторической достоверности. А если нужны вамъ дальнѣйшія объясненія, основанныя на фактахъ, такъ вотъ они: Королева Любуша (*) была дочь Кракуса II и вышла въ замужество за Преоремила; а Почебушова дочь.... Но вы узнаете о ней послѣ изъ моего разсказа. Теперь скажу вамъ только, что молва о красоте Любуши не напрасно пробуждала по всемъ концамъ Богеміи и даже въ самыхъ дальнихъ предѣлахъ Германіи: Любуша была высока и стройна, какъ юный тополь; волосы ея были черны, какъ бороново крыло, глаза свѣтлы, какъ яркія звѣздочки, лице бѣло, какъ лилея и румяно, какъ роза По крайней мѣрѣ такъ воспѣвали о ней всѣ поэты пог-

(*) Немцы, по неопороченному выговору, называютъ ее Либусса (Libussa). *Прил. Сов.*

дашняго времени; а на вкусъ эгихъ людей можно положишься безъ дальняго размышленія. Рыцари Богемскіе и Германскіе полноми спекались въ замокъ Почебушовъ, пировали съ опцемъ и увивались около дочери; но прелесипная Любуша холодными глазами смотрѣла на всѣхъ своихъ обожашелей. На одного только взоръ ея упалъ съ нѣжнымъ выраженіемъ любви и участія, опъ одного только вспыхивалъ жаркій румянецъ на щекахъ ея и къ одному только неслись ея шайныя вздохи,—и эпопъ одинъ былъ юный Ранюмиръ, Богемецъ не знашнаго рода, безъ богапства и даже безъ рыцарскаго достоинства; но любовь не всегда влсаешъ въ сердце женское изъ-подъ рыцарской перевязи, изъ-подъ шлема пернашаго и блестящихъ лапъ: Эпа испина больше всего подпверждаешся въ наше время, когда уже не носяпъ ни лапъ, ни шлемовъ, ни желѣзныхъ рукавицъ, и любовь все таки господспвуешъ надъ сердцами, хопя, можешъ быть, и не въ такой силѣ.

»Не такъ, видно, думалъ Почебушиъ на спарости. Онъ гордился шѣмъ, что знаинѣйшіе рыцари искали руки его дочери, и уже нѣсколько разъ пренупалъ къ Любушиъ съ требованіемъ, чтообъ она выбрала кого нибудь изъ эгихъ рыцарей своимъ господиномъ и власпшителемъ (*seigneur et maître*), какъ говаривали въ спарину, или шоварищемъ своей

жизни, какъ говорихся въ наше время. Не повѣривъ извѣпливымъ опговоркамъ и мнимому равнодушію своей дочери, старшій Почебунтъ началъ за нею присматривать, и къ своей крайней досадѣ подмѣшилъ, какъ ся взоры встрѣчались со взорами Рапомира, какъ оба они въ эти минуты краснѣли до ушей и вздохи ихъ, неволью вырываясь, лепѣли на встрѣчу другъ другу. Сердце Почебуново запылало негодованіемъ, и онъ, вѣрно, въ пощъ же мигъ указалъ бы Рапомиру дорогу изъ своего замка, когда бы не считалъ шакого поспунка нарушеніемъ госпепрїимства, которое въ погдашніе вѣки свѣпо наблюдалось народами: Славянскаго и Тевпонскаго поколѣній. Но онъ не вовсе скрылъ внупреннее свое движеніе и бросилъ на Рапомира шакой взглядъ, кошорый ясно все высказалъ бѣдному юпощѣ. Въ пощъ же вечеръ, послѣ ужина, Рапомиръ подошелъ къ Почебушу, благодарилъ его за ласки и хлѣбосольство и объявилъ, что хочетъ побродить по свѣпу, поискать приключеній и выслужить себѣ рыцарское званіе. Почебунтъ простилися съ нимъ очень холодно и съ насмѣшливымъ видомъ пожелавъ ему успѣховъ во всѣхъ его предпрїятіяхъ, прибавилъ, чтообъ онъ не медилъ выполненіемъ благихъ своихъ намѣреній и не лишалъ бы долѣ вселенную молвы о знаменишихъ своихъ подвигахъ. Рапомиръ проглотилъ пилюлю, какъ умѣлъ, за-

шайль въ душѣ своей досаду и распалелъ съ надменнымъ опцемъ своей возлюбленной.

»Прелесная Любуша догадалась, что ей скоро должно было просииться съ любимцемъ ея сердца; въ раздумьи остановилась она подъ сводами зámка, по которымъ Рапомиру слѣдовало проходить, разспавшись съ Почебушомъ, Трепешъ сердца издалека еще сказалъ юношѣ кого здѣсь встрѣчалъ онъ, въ пишинѣ ночной, при слабомъ блескѣ доплѣвавшего свѣспильника. Здѣсь-то юноша и дѣва впервые признались другъ другу въ любви; кляпвъ они еще не знали, и можешъ бышь, упвердили взаимные свои обѣты упопрѣблявшеюся тогда у Славянскихъ народовъ скрѣпою: *кто изъ насъ измѣнитъ—тому да будетъ стыдно*. Но пылкая Любуша симъ не ограничилась: она непременно хотѣла просииться еще однажды съ своимъ любезнымъ и для того съ нимъ условилась, чтобъ онъ на разсвѣтѣ дожидался ея въ роцѣ, за стѣнами зámка. Въ старинныя времена, мамы и няни играли весьма важную роль при молодыхъ Принцессахъ и знапныхъ дѣвицахъ, и были именно шѣмъ, чѣмъ нынѣ горничныя во Французской комедіи, иногда и въ большомъ свѣспѣ: повѣренными всѣхъ шайнъ и почными исполнительницами всѣхъ порученій, какія даюпся безъ огласки. Я могъ бы, въ подпверженіе этой придворной должности древнихъ мамушекъ и нянюшекъ, сослаться

на исторію или на Французскую трагедію; могъ бы пустишься даже въ длинныя изслѣдованія о мамѣ Федры, о козѣ Амалоев, вскормившей Юпитера, о Барцеѣ, нянѣ Дидоны, или мамѣ покойнаго супруга ея Сихея, и о Кенпаврѣ Херонѣ, который по же служилъ вмѣсто няни Ахиллу, но это слишкомъ далеко занесло бы насъ изъ среднихъ вѣковъ въ самую глубину древности. Между шѣмъ, напоминаніе о мамахъ и няняхъ ведетъ насъ къ тому, что и у прекрасной Любуши была по же мама и вмѣстѣ повѣренная чувствъ и желаній, спарая Кафка, и что ей-то открылась юная дѣва въ любви своей къ Рапомиру и въ томъ, что хотѣла бы съ нимъ проспиться за городскими стѣнами; но не знала, какъ обмануть спражу и выбраться изъ зѣмка. Мама утѣшительница указала ей на самое надежное средство—золото, и приняла на себя заботу подкупить спражу, споявшую у городскихъ воровъ. Золото и въ погдашніе суровые вѣки смягчало сердца людей еще вѣрнѣе, нежели слезы красавицы, или привѣпчивая улыбка придворнаго. Что обѣщала спарая Кафка своей вскормленницѣ, то и сдѣлалось: спража, по выѣздѣ юнаго Рапомира изъ зѣмка, забыла поднять мостъ и запереть ворота; даже, какъ можно подумать, на томъ часѣ ослѣпла и оглохла, потому что не видѣла и не слышала, когда Любуша скорыми и легкими шагами

промелькнула въ воропа, перебѣжала черезъ подъемный мостъ и скрылась въ рощѣ. Рапомиръ уже шамъ ожидалъ ея: онъ былъ въ вороненыхъ лапахъ и шлемѣ, съ широкимъ и длиннымъ мечемъ при бедрѣ; правою рукою опирался онъ на тяжелую булаву съ зубчатою маковкой, а на лѣвой держалъ огромный щипъ, завѣшенный черною пиканью, попомучю, видно, не рѣшался еще выбрать ни герба, ни девиза, или можетъ быть и по другимъ какимъ причинамъ, о копорыхъ на тошъ разъ Любуша не довѣдывалась. И до того ли ей было!

»Рапомиръ и Любуша съли на мураву, въ пѣни развѣсиспаго дерева, и нѣсколько минутъ хранили молчаніе—вѣроятно отъ полноты ощущеній, копорыя волновали ихъ души. Наконецъ, юноша первый началъ говорить голосомъ не твердымъ, но сладоспнымъ для слуха милой его подруги.

— »Родисель тввой, прелеспная Любуша, сказалъ онъ, разгадалъ тайну сердець нашихъ прежде, нежели мы осмѣлились опкрышься въ ней другъ другу. Онъ покаралъ меня за минутное мое блаженство тяжкимъ своимъ презрѣніемъ; онъ давалъ мнѣ почувствовать своими намеками, что я не рыцарь, не значень родомъ и не богатъ, и слѣдовательно не достоинъ руки твоей . . . Жизнь или смерть: Рыцарское званіе и слава громкихъ подвиговъ,

кои дадутъ мнѣ право на руку милой Любуши, или славный конецъ скоромленнаго существованія, искупленный тяжелыми ударами, копорые посыплю я на сильныхъ, злыхъ выпазей и на спрашныхъ великановъ, утѣшителей чловѣчества. Вотъ что сказалъ я себѣ вчера, когда суровый опецъ пвой язвительными своими насмѣшками заставлялъ меня нягоспнюю цѣною планишь ему за временное госспрїимство, копорымъ я пользовался въ его замкѣ. Прощай, милая, незабвенная Любуша. Ёду ко двору Хлодова Французскаго: тамъ, сказываютъ, часпо бываютъ Рыцарскія попѣхи; тамъ попомки Амадисовъ, Эспландіановъ и Галаоровъ перевѣдываются *въ жливый оружіемъ* (armes courtoises) и приобръщаютъ себѣ славу безсмертную. Тамъ, посреди усыпанной пескомъ загородки, предъ глазами Хлодова и Клопильды спану я вызывать на бой всѣхъ и всякаго и оспоривать первенство красопы пвоей надъ красопю всѣхъ Принцессъ и знаменитыхъ дѣвъ Франціи, Испаліи и Германіи. Чувствую, что не найду себѣ пропивника! Любовь придасть мнѣ силу сверхъ-чловѣческую, и она же мнѣ ручается за успѣхъ! Всѣ рыцари, копорые пропивъ меня выѣдутъ съ копьемъ въ рукѣ — вмигъ будутъ ползати по песку и прогнати у меня пощады, заклиная пвоимъ именемъ.

— »Даруй по Небо!« примолвила Любуша со вздохомъ.

— »Опшуда,« продолжалъ Рапомиръ; нѣсколько смутясь отъ присловья Любушина, — »опшправлюсь я по свѣшу съ перевязью рыцарскою, копорую повяжешь мнѣ черезъ плечо сама Королева Клопильда, и спану искашь приключеній, карашь исполиновъ и колдуновъ, разрушаешь ихъ чародѣйства и замки Бароновъ-грабителей, освобождаешь заколдованныхъ Принцессъ и заключенныхъ въ башни красавицъ

— »Только сдѣлай одолженіе, не поднимай въ такихъ случаяхъ забрала своего шлема и не схватывай покрывала съ освобожденныхъ красавицъ,« опять со вздохомъ примолвила Любуша.

— »Повѣрь, милая,« отвѣчалъ Рапомиръ съ легкимъ укоромъ »образъ твой неразлучно будетъ со мною; онъ будетъ носиться передъ моими глазами на полѣ битвы и на пирахъ веселыхъ; въ чужеземныхъ Принцессахъ и благодарныхъ за подвиги мои дѣвахъ—буду я воображать твои, только твои черты. Могу ли я видѣть, могу ли замѣчать другихъ, когда ты, одна ты живешь въ моемъ сердцѣ?

— »Но послушай, мой другъ, мой Рапомиръ, моя слава, мое блаженство! Уже ли ты думаешь, что мнѣ не тяжко съ тобою разстаться, изчисляешь вздохами каждую минуту раз-

луки, помилъся въ спраспномъ, но часто обманчивомъ ожиданіи, сохнушь и увдашь опъ тоски и слезъ? . . . О! возьми меня съ собою! Пуспъ жестокій опецъ поздно разкапся, чпо своенравно хоптъль разлучитъ два сердца, созданныя другъ для друга Я буду для шебя все, буду швоею подругой, швоимъ оруженосцемъ: въ одеждѣ юноши, съ кольчугой на груди и съ опущеннымъ налпчникомъ шлема, меня никто не узнаепъ Я спану дѣлпшь съ шобою опасности, нужду и голодъ, охраняшь швой сонъ, заступашъ шебя своею грудью опъ ударовъ вражескихъ Возьми, возьми меня съ собою!

— »Ныпъ, безцѣнная, мпзая Любуша! не испушай швоего Рапомира и не мани его легкимъ полученіемъ шѣхъ благъ, копорыхъ обладаніемъ должно опсрочпшь. Чпо подумаешъ о мнѣ опецъ швой? чпо скажушь о шебѣ злые языки сосѣдніе и спранствующіе рыцари, копорыми шеперь полонъ вашъ замокъ? . . . Я хочу, по окончаніи моихъ подвиговъ, явпшься къ швоему родпщелю, какъ честпный и благородный рыцаръ, и опкрыпшо шребовашъ руки швоей, въ награду за славныя мои дѣла; желалъ бы даже, передъ лицемъ швоимъ и Почебушовымъ, вспунпшь въ соспззаніе со всѣми швоими обожашелами, со всѣми посппоронными рыцарями, копорые на шу пору будушь

госпнть у васъ. Тогда бы я съ бою взялъ согласіе опца нвоего

— »Ты правъ, мой Рапомиръ!« сказала пнхнмъ голосомъ Любуша, склоннвъ прелесннуню свою голову на грудь юноши и закрьвъ свѣщныя глаза свои руками. Мнупы двѣ провсли они въ молчаніи; юноша смонрѣлъ съ выраженіемъ нѣжной спраспн на лице дѣвы, блѣдное и подернутое тонкнмъ облакомъ печали. Наконечъ Любуша, какъ бы опоннсь, вдругъ вспала, и снявъ съ груди своей шннуню перевязъ, подала ее Рапомиру. Юноша осьпалъ перевязъ поцѣлуями въ то время, какъ мнлая дѣва говорила ему:

— »На, возьми эпо въ знакъ памянпн. Я давно угадывала нвое намѣреніе и сама вышнвала для тебѣ эпу перевязъ: я не хочу, чпобы поспороннля красавнца надѣла на тебѣ свои цвѣпна и свой девнзъ.—Скрой до времени перевязъ подъ своими лапами, пока не завоесшь себѣ права, носнть ее сверхъ лапъ.... Но чаще, сколько можно чаще поспанпрнвай на нее и прочнпывай девнзъ.«

»Рапомиръ развернулъ перевязъ и прочель вышншыя на ней краснымъ шелкомъ слова: *Вѣрная любовь до гроба*

»Здѣсь, почтенныя слушателн, вы можете бынть спроснше у меня: на какомъ языкѣ и какими буквами слова сіа были вышншы? Можсшь бынть пакже замѣннше мнѣ, что у

Славянскихъ племень не было еще тогда букваря, и что вообще рыцари и дамы того вѣка были не слишкомъ грамотныя. — На это скажу вамъ, что хроники ничего не говорятъ о семъ обстоятельстве, и не упоминаютъ даже, на Славянскомъ ли, на Нѣмецкомъ ли языкѣ, и руническими ли, Еврейскими или Греческими буквами былъ написанъ девизъ Любуши. А если хроники не говорятъ объ этомъ, то Археологу не на что сослаться съ достоверностію. Впрочемъ, основательныя розысканія о семъ предметѣ можете вы прочесть въ особой диссертаціи, которую я теперь сочиняю и намѣренъ издать къ будущей Лейпцигской ярмаркѣ. Диссертація сія будетъ написана на Латинскомъ языкѣ и займетъ собою до 300 страницъ, форматъ in 4°.

Нѣмецъ нашъ понюхалъ шабаку и посмотрѣлъ на насъ съ какимъ-то спраннымъ выраженіемъ лица. Трудно было опгадать, правду ли онъ говорилъ, или обѣщанная имъ диссертація была только мистификація. Помолчавъ съ минутой, онъ продолжалъ свой разсказъ.

»Между нѣмъ, борзый конь Рапомировъ грызъ удила и билъ копытомъ землю ошъ неперпѣнія. »Пора, пора, добрый мой товарищъ!« сказалъ будущій Рыцарь. Любовники обнялись, потомъ отошли другъ ошъ друга — потомъ снова бросались другъ другу въ объ-

тія—еще однажды; но за прешымъ разомъ, Рапомиръ посѣбно вскочилъ на коня, пропянулъ къ своей милой руку въ знакъ прощанія, и полетѣлъ стрѣлою вдоль по лѣсу; а Любуша оспалась на мѣстѣ, смотря вслѣдъ за своимъ любезнымъ. Скоро онъ скрылся изъ глазъ, скоро и пѣль улеглась за нимъ, но милая дѣва все еще спояла, все надѣялась еще хопъ однажды увидѣшь изъ-за деревъезъ бѣлыя перья его шлема, хопъ услышатъ спукъ копынтъ его коня Вдругъ кто-то схватилъ ее за плеча: Любуша вздрогнула; оглянулась—и увидѣла себя въ рукахъ спрашнаго Мрачислава! Бѣдная Почебушова дочь вскрикнула и упала безъ памяти на землю; но звѣровидный исполинъ безъ всякой жалости схватилъ ее въ охапку, взбросилъ себѣ на плеча и понесъ ее, какъ носильщики паскаютъ мѣшки съ мукою. Радуюсь своей добычѣ, хищникъ скорыми шагами пустился въ свой замокъ и тамъ заперъ несчастную свою плѣнницу въ самой опдаленной и самой богатой комнатѣ, копорую издавна уже, въ дерзкихъ мечпахъ своихъ, назначалъ ей жилищемъ. Черезъ нѣсколько времени, когда, по разчисленію Мрачислава, Любуша должна была почувствоваться, онъ вошелъ къ ней въ комнату, и новый вопль дѣвы, и новое безпамятство ея были слѣдствіемъ эпого вторичнаго посѣщенія.

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

П ъ с н я.

[Музыка, соч. П. Макарова, въ концѣ сей книжки.]

Вокругъ себя лучъ радости свѣтъ-тѣнь,
 Въ шебѣ дары ума и красоты,
 И если кто душой моею владѣеть —

Ахъ, это ты!.

Твой взглядъ любви насъ покоряетъ волю,
 Тебя узнать — есть полюбивъ себя; —
 Но если кто пачею побой всѣхъ боль, —

Ахъ, это я!..

Какъ мотылекъ, я вѣрный лишь веселью,
 Любилъ порхать съ измѣной на цвѣты:
 Теперь одна моихъ всѣхъ мыслей цѣлю —

И это ты!

Скажи: „люблю!“ — къ чему мнѣ блага свѣта!
 Скажи: „люблю!“ — кто счастливей меня!
 Но если кто спрадаетъ безъ отвѣта, —

Ахъ, это я!..

Кн. В-ий.

Д у ш а ю н о ш н.

„Если я умру, покуда —
 Гдѣ найдешь мой прахъ приюсть?..
 Миръ желанный обрѣту я
 Тамъ, гдѣ ліліи цвѣтуть,
 Розы пышно распустились!
 Въ праздникъ, шумною полною,
 Дѣвы намъ всегда рѣзвились:
 И, блистая красотою,

Вы, какъ прежде, приходите,
 Вся съ вѣнками на власахъ;
 Но, красавицы не рвите
 Тамъ цвѣповъ, гдѣ скрытъ мой прахъ!^{ка}
 — Близокъ праздникъ — и весною,
 Какъ лилея разцвѣли,
 Дѣвы шумною полною
 Плещь вѣнки свои пришли...
 Видишь дѣва молодая,
 Вотъ одна пышнѣй цвѣплетъ;
 Сорвала ее, играя,
 И въ вѣнокъ лилею вьептъ!
 „Она гонимъ! она всѣхъ свѣтлѣ!“^{ка}
 Горделиво говоришь.
 „Слушай, дочь моя, лилея,
 Чѣмъ въ вѣнкѣ пивомъ блещишь,
 Не цвѣшокъ!.. въ селеннѣ эпомъ
 Помнишь юношу?.. нѣтъ льпомъ
 Рано въ гробъ его свела —
 Помнишь ли — попка лихая?..
 А теперь душа младая
 Надъ могилой разцвѣла!..

Ротчевъ.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

1.) *Пользка въ Германію. Романъ въ письмахъ. Издавъ Николаемъ Гречемъ.* Двѣ части. С. Петербургъ 1831 года. Въ типографіи Издашеля въ 8 д. л.

„На уединенныхъ прогулкахъ по аллеямъ Елагина острова (пишетъ Ник. Ив. Гречъ въ письмѣ, при коемъ посвящилъ онъ сей романъ О. В. Булгарину) *вздумалъ* я небывалыя похождения, изложилъ ихъ въ письмахъ, и такимъ образомъ составились два томика.

„Составляя планъ моей повѣсти (продолжаетъ Г. Гречъ) я вздумалъ коснуться струны у насъ еще непронупной: правовъ и обычаевъ Петербургскихъ Нѣмцевъ.“

Николай Ивановичъ коснулся этой струны и она издала самые вѣрные звуки. Какъ вѣрно схвачены имъ черты нѣкоторыхъ Русскихъ Нѣмцевъ! Какъ живо описаны имъ: семейный бытъ почтеннаго Миллера, похороны Аптекаря, балъ готовящагося въ банкроты купца Кибница. Нѣтъ Г. Гречъ мы не вѣримъ, чпобъ эштъ картины были *вздуманы*: нѣтъ онъ списаны вами съ натуры!

2) *Герани, или Кастильская гестъ,* Трагедія В. Гюго. пер. Ротчевъ. С. П. бургъ. Въ типографіи Карла Крайя. 1830. Въ 8 д. л. 116 стр.

Немвѣрный успѣхъ эпюй романшической трагедіи, въ Парижѣ, довелъ тамошнихъ классиковъ-самозванцевъ до того, чшо они не словами, а кулаками стали доказывать всѣмъ кшо, шого искалъ, шчшоже-

ство романтизма. Въ представленія эпои піэсыг театръ прещаль опть многолюдства. *Браво!* и свистъ, или смѣняли другъ друга, или раздавались дружно. Красоты сценическія, щедро въ сей трагедіи рассыпаныя, оппѣвляюпел иногда несообразностями. Характеры Герпани, Донъ Карлоса, Донъ Гомеца и Донны Соль изображены рѣзко, театралью, но не всегда опчестисто. Авторъ, испощивъ въ первыхъ чепырехъ акпахъ эффектны, осушилъ послѣдній акпъ. Но за всемъ эпимъ *Герпани*, если онъ когда будептъ представлень на С.-Петербургскомъ театръ, заслушипъ справедливое одобреніе нашей образованной Публики.

Г. *Ротгевъ*, переводя эпю трагедію, не посрамилъ себя въ единоборствѣ съ ея Авпоромъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Бллана, Опера въ прехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго (*la Dame blanche*) музыка соч. Г. Боэльдье. (представленіе на большемъ театръ 19 Декабря 1830 года.)

Боэльдье написалъ извѣстныя на нашей сценѣ оперы: *Калифъ Багдадскій*, *Юанпъ Парижскій* и *новый Помпъщикъ*. *Бллана* впмела въ вѣнокъ его еще лавровый листокъ. Эпо произведеніе *Боэльдье* извѣстно не только людямъ, занимающимся музыкаю, но даже и ограничившимъ свое земное поприще копильонами и француз-

скою кадрилию. Мотивы изъ *Бланы* одушевляютъ и эти танцы. Музыка *Болды* всегда аналогируетъ своей поэмѣ. У него не встрѣтите Крестоносца, изъясняющаго спраданія любви, звуками вальса.

Въ оперѣ *Бланы* явились нынѣ въ первый разъ: Г-жа *Биркина* и Г. *Блшеницовъ*. Двѣ крайности! Желая стапью сію окончить чѣмъ нибудь пріятнымъ, поговоримъ прежде о Г. *Блшеницовѣ*. Наружные средства этого актера-пѣвца, извѣсны уже читателямъ изъ рецензій Сѣверной Пчелы, о первомъ его дебютѣ. Они могутъ теперь судить, каковъ былъ Жоржъ, молодой Англійскій Офицеръ, олицетворенный Г. *Блшеницовымъ*. Неумѣне ни ходить по сценѣ, ни спать, ни сѣсть, неловкость въ жестахъ, невѣрность и усиленіе въ пѣніи, и несносная дикція (онъ роль свою прочелъ, какъ говоришься, отъ доски до доски, однимъ топомъ свысока, какъ будно рацею), не оставляли Г. *Блшеницова* ни на минушу, и подали худое мнѣніе: о вкусѣ прекрасной и умной Фанни, которая влюбилась въ такого Жоржа. Можетъ быть насъ упрекнуть въ строгомъ опзывѣ объ искусствѣ Г. *Блшеницова*, какъ объ искусствѣ молодаго артиста. Но упрекъ сей не останется на душѣ нашей, потому что вышерѣченный *Блшеницовъ* играетъ уже на рваныхъ Русскихъ театрахъ болѣе десяти лѣтъ. Кажется, было время понаучиться театральнѣ любви. Если же онъ чувствуетъ себя въ состояніи вознаграждать потерянное, то совѣдуемъ ему поспѣшить въ эпомъ: любовни-

чанье въ пятьдесятъ лѣтъ. будетъ совѣстно. Если же Г. *Бьисцову* нуженъ образецъ въ стараніи постигать и выполнять какъ должно свои роли, то мы укажемъ ему на Г. *Шелаява* м. Онъ паланомъ своимъ, пріобрѣтшимъ ему вниманіе Публики обязанъ не случаю, не природѣ, но пламенному епремленію къ усовершенствованію себя въ своемъ искусствѣ.

Г-жа *Биркина* въ роль Фанни снова утвердила насъ въ хорошемъ мнѣніи о еценическихъ ея способностяхъ. Прекрасный дуэтъ во 2-мъ актѣ, (не смотря, что пѣлъ съ нею Г. *Бьисцовъ*) она выполнила съ своей стороны весьма удачно. Арія же, пропѣтая ею въ этомъ же актѣ, заслужила проекраціей апплодисменты.

Вслѣдъ за симъ мы получили и другую статью о томъ же самомъ спектаклѣ, и представляемъ ее здѣсь на судъ образованной Публики, какъ образчикъ столкловенія лѣпной разныхъ лицъ, на одной тогѣ дурнаго, или хорошаго. Изд. С. п. б. Вѣсп.

Музыка *Бьланги*, сочинена Г. *Бозльдье*, и есть одно изъ прекраснѣйшихъ его произведеній. Доказательствомъ сему служить то, что мотивы ея, услаждая слухъ и душу, западаютъ въ память.

Въ нынѣшнее представленіе *Бьланги*, мы видѣли въ роляхъ: Фанни Г-жу *Биркину* и Жоржа Г. *Бьисцова*. Г-жа *Биркина* и роль и парцію свою выполнила къ совершенному удовольствію Публики. Рукоплесканія и *фора* служили наградою стараніямъ Г-жи *Бир-*

киной, съ конми она занимается своимъ искусствомъ. Каждая новая роль ея есть новое доказательство усовершенствованія ея таланта.

Прочитавъ отзывъ *Сверной Пчелы* о первомъ дебютѣ на Петербургской сценѣ пѣвца Нижегородскаго театра Г. *Блищенкова*, мы упрекнули Г. Рецензента въ излишней строгости къ забъзему артисту; но, видѣвъ Г. *Блищенкова* впервые въ роль Жоржа, каемся въ нашемъ упрекѣ. Это не актеръ, не пѣвецъ, а какой-то сценическій междуумокъ. Поетъ онъ и невѣрно и съ большимъ напряженіемъ, играетъ точно такъ, какъ бывало игравали на полковыхъ театрахъ о сваяпкахъ, или о масляницѣ, гренадеры-актеры, то есть, читаешь роль свою безъ толку по толкамъ, размахиваешь руками и вверхъ и внизъ, и вправо и влево. Однимъ словомъ, если эпозъ Нижегородскій артистъ, (славившійся же, какъ мы слышали, въ своемъ *Муравейникѣ* лѣтъ двѣнадцать), не перемѣнится, или, лучше сказать, не переродится талантомъ и наружностью, (что дѣло впрочемъ не возможное!) то не видашь намъ въ немъ на сценѣ любовника, для ампуа котораго онъ сюда выписанъ, или вывезенъ изъ Нижняго-Новгорода.

С М Ъ С Ъ.

З А К Л А Д Ъ.

(ИСТИННОЕ ПРОИЗШЕСТВИЕ.)

„Скоро полночь Андрей! поставь цѣльные свѣчи въ новые шандалы Потомъ подай мнѣ новый фракъ Да не забудь самъ надѣшь праздничное платье.“ —

Такъ говорилъ на канунѣ 1 Января *Лёмина* слугѣ своему, въ надеждѣ встрѣпить новый годъ въ пріятельской бесѣдѣ. Было девять часовъ вечера. Добрый слуга поспѣшилъ выполнить приказанія своего господина, и былъ уже готовъ отвѣчать каждому гостю положительнымъ: *дома-съ*, когда раздался въ передней звонъ колокольчика. Двери настежь. Три щеголя, какъ вороны, влетѣли въ квартиру *Лёмина*, который важно сидѣлъ въ кабинетѣ своемъ за книгою, будто бы чишая ее, и ничего не слыша.

Въ наше время многіе слѣдуютъ старинному обычаю, проводить послѣдніе часы года въ кругу семейномъ или дружескомъ: опъ того, что въ жизни большей части людей, какъ въ модномъ романѣ, шолько завязка происшествій бываетъ занимательна; и почти каждый, поропясь опередить Сашурна на дорогѣ къ вѣчности, начинаеъ новый годъ лучше, нежели оканчивается.

Это краткое отступленіе необходимо для того, чтобъ предупредить читателя въ пользу *Лёмина*, который, свято почитая старину, не отсту-

паеіть и опть современныхъ обыкновеній. Не желая бытъ выключенымъ изъ числа *любезныхъ* людей, онъ пригласилъ къ себѣ пріятелей на вечеръ 31 Декабря, а для *тома* и въ новый годъ, украсилъ себя и квартиру свою обновками, копорыя, будь сказано между нами, пріобрѣлъ онъ на счетъ будущихъ благъ своихъ, а не настоящихъ.

У людей пламенныхъ — вечера начинаются почти всегда пуншемъ. Зная это, чипашель согласился, что Лѣлинъ, подчуя гостей своихъ, былъ очень любезенъ въ ихъ мнѣніи.

Гдѣ четверо, тамъ и бостонъ. Послѣ бостона, копорый, какъ дѣло кабинетное, кончился дружескимъ расчетомъ, игроки закурили трубки и, въ ожиданіи 1 часа, завели рѣчь; для оживленія бесѣды, поддержали ее, потомъ начали другую и ш. д. Изъ всѣхъ ихъ разговоровъ сообщу одинъ, не такъ обыкновенный, и любопытный, не по предмету, но по послѣдствію.

„Знаете ли, господа, говорилъ Лѣлинъ пріятелямъ, смотря на часы, которые показывали три четверти двѣнадцатаго.

„Знаете ли, какая мысль родилась теперь въ умъ моемъ?“

— „Вопть забавникъ! сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, копорого назову *Пригудиньмъ*.

„Хочетъ, чтобъ знали, о чемъ онъ думаетъ!“

— Вѣрно ни о чемъ, съ улыбкою подхватилъ другой.

— Если тайна, сказалъ претій: можешь ея скрыть отъ насъ. Если нѣтъ; за чѣмъ дѣло спойтъ? говори.

— „*Лёлинъ*. У друзей не можешь быть тайны. Послушайте! Каждый изъ насъ долженъ будетъ завтра дѣлать поздравительныя визиты къ Начальникамъ, — родственникамъ, знакомымъ: слѣдственно можешь получить запасъ новостей для будущаго нашего свиданія. А какъ новый годъ всегда ознаменовывается новостями: то согласитесь замѣчать, между прочимъ, какіе новые образцы характеровъ представитъ намъ общество.

Пригудинъ. Ты полагаешь, что въ одну ночь люди могутъ переродиться. Ошибаешься другъ мой.

Лёлинъ. Переродиться они не могутъ, а могутъ перемѣниться въ характерахъ и поступкахъ, или лучше, благонамѣренныя — сдѣлать новыя добрыя дѣла, пустыя — быть основательнѣе и т. д.

Пригудинъ, обращаясь къ прочимъ. Вы согласны съ мнѣніемъ Лёлина?

Одинъ. Почпи.

Другой. По крайней мѣрѣ надобно желать, чтобы было по его мнѣнію.

Пригудинъ. Это несбыточное дѣло.

Лёлинъ, съ улыбкою протягивая къ Пригудину руку. Бьюсь объ закладъ, что завтра все пойдетъ на новый ладъ.

Пригудинъ. Что пари?

Лёлинъ. 500 рублѣй.

Пригудинъ. Это много, но я согласенъ, (ударяетъ по рукѣ Лелина.)

Лелинъ, обращаясь къ прочимъ. Господа, будьте свидѣтелями: я утверждаю, что съ новаго года богачи будутъ ласковы въ обращеніи съ бѣдными, которые перестанутъ передъ ними унижаться; скупые будутъ щедры, опцы взыскательны, дѣпи почпительны, любовники счастливы; красавицы оспорожены, журналисты скромны и проч. и проч. Однимъ словомъ, все будетъ къ лучшему.

Пригудинъ, (все еще держа Лелина за руку) не прозакладуй пяни сотъ!

Лелинъ, (къ прочимъ) господа, разнимайте!

Лишь только свидѣтели этого пари, исполнили желаніе спорившихъ, часы ударили двѣнадцать. Тогда явился услужливый Андрей съ подносомъ, на которомъ стояли чепыре бокала съ Шампанскимъ.

„Прошу покорно, господа!“ еказалъ Лелинъ пріятелямъ: начать новый годъ взаимнымъ пожеланіемъ здоровья.

Гости, какъ водится, не отказались отъ предложенія гостепріимнаго хозяина. Проведя въ разговорахъ еще часть, они откланялись Лелину, который, провожая ихъ до передней, говорилъ: „Пригудинъ, не забудь о пари; а вы, господа, будьте при развязкѣ. Завтра въ 11 часовъ вечера я дома.“

Утро смѣнило ночь. Петербургъ закипѣлъ суешами,

которыя примѣнно сократили первый день поваго года.

Уединенно сидѣлъ Лелинъ въ своемъ кабинетѣ, докуривая трубку. Душевная радость изображалась на лицѣ его. Передъ нимъ, на столѣ, лежалъ испи- санный листокъ гербовой бумаги—безмолвный свидѣ- стель его восторга. — Ровно въ 11 часовъ прѣхалъ къ нему Причудинъ.

„Здравствуй, братъ, удамая голова!“ сказалъ онъ Лелину, войдя въ кабинетъ. Что подѣлываешь?

Лелинъ, (улыбаясь.) Докуриваю трубку.

Причудинъ. А я, прѣхалъ къ тебѣ за проигран- ными шобою деньгами.

Лелинъ. Очень радъ швоему посѣщенію.

Причудинъ. Помнишь ли вчерашній закладъ? свидѣ- тели его — сѣй часъ прѣдуть сюда и подтвердятъ истину моихъ мыслей.

Лелинъ, (подавая ему гербовой листъ.) Счастіе съ шобою: ты выигралъ пари. Эпошь вексель слу- жипъ доказательствомъ шого, что истина на швоей сторонѣ. Возьми его!

Причудинъ. Не понимаю тебя.

Лелинъ. Согласись. Если бъ я зашлпилъ тебѣ деньгами, это была бы новость; потому что я, какъ ты знаешь, плачу всегда векселями; и тогда закладъ былъ бы шобою не со всѣмъ выигранъ.

Развязка кончена. Остальное въ бесѣдѣ Лелина съ Причудинымъ, которыхъ общество увеличилось свидѣтелями вчерашняго спора,—очень обыкновенно.

Н. Л.

ИЗВѢСТІЕ.

Наша сиротствующая опера оплакиваетъ теперь новую потерю: она лишилась первой своей пѣвицы. Въ прошедшую субботу, 27 числа истекшаго Декабря, скончалась здѣсь въ С. Петербургѣ, Г-жа Иванова.

Е. А.

Гравированный заглавный виѣсетъ къ 1-му тому С. Петербургскаго Вѣстника, будетъ приложенъ при одной изъ слѣдующихъ книжекъ сего Журнала;

СОДЕРЖАНІЕ № I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Исполнискія горы; соч. *О. М. Солова*. СТИХОТВОРЕНІЯ. Пѣсня; соч. *И. В—го*. Душа юноши; соч. *А. Г. Ротчева*. БИБЛИОГРАФІЯ. Поездка въ Германію, романъ въ 2-хъ частяхъ. -- Гернани, трагедія въ 3 дѣйств. РУССКІЙ ТЕАТРЪ. Бллана, опера въ 5-хъ дѣйств. СМѢСЬ. Закладъ, истинное происшествіе. ИЗВѢСТІЕ. НОТЫ.

П Ъ С Н Я .

Слова К. В.

Муз. П. Макарова.

PIANO.

Во кругше

- бя лучь радости свѣшлѣешь тебѣ да -

ры у-ма и красо-шы и ес-ли

The first system of the musical score consists of a vocal line on a single staff and a piano accompaniment on two staves. The vocal line begins with a treble clef and a key signature of one flat (B-flat). The lyrics are written below the notes. The piano accompaniment features a steady eighth-note pattern in the right hand and a more rhythmic bass line in the left hand.

кто душой моей владѣешь Ахъ!э-шо

The second system continues the musical score. The vocal line and piano accompaniment maintain the same style as the first system. The lyrics are written below the vocal staff. The piano accompaniment includes some chordal textures and moving lines in both hands.

шы! Ахъ!э-шо шы! швой взлядь люб-

The third system concludes the musical score on this page. The vocal line and piano accompaniment continue. The lyrics are written below the vocal staff. The piano accompaniment features a dynamic marking 'P' (piano) in the right hand. The system ends with a fermata over the final notes.

- ви насъ покарешъ во - лѣ, себя у -

pp

Detailed description: This system contains the first two staves of music. The top staff is a vocal line in a single treble clef, starting with a dynamic marking of *pp* (pianissimo). The bottom staff is a piano accompaniment in a grand staff (treble and bass clefs). The key signature has one flat (B-flat), and the time signature is 4/4. The music consists of eighth and sixteenth notes, with some slurs and accents.

- знашь ешь полюбишь себя по ес - ли

Detailed description: This system contains the second two staves of music. The top staff is a vocal line in a single treble clef. The bottom staff is a piano accompaniment in a grand staff. The key signature remains one flat (B-flat), and the time signature is 4/4. The piano accompaniment features a steady eighth-note accompaniment in the right hand and a bass line in the left hand.

кшо плѣненъ шабой всѣхъ бо - лѣ, ахъ! э - шо

Detailed description: This system contains the final two staves of music. The top staff is a vocal line in a single treble clef, ending with a dynamic marking of *pp*. The bottom staff is a piano accompaniment in a grand staff. The key signature changes to two flats (B-flat and E-flat) in the final measure. The time signature is 4/4. The piano accompaniment features a steady eighth-note accompaniment in the right hand and a bass line in the left hand.

я! ахь! э-шо я! —

The first system of the musical score consists of a vocal line and piano accompaniment. The vocal line is written in a single staff with a treble clef and a key signature of one flat (B-flat). It begins with a whole note 'я!', followed by a half note 'ахь!', and then a series of eighth notes: 'э-шо я!'. The piano accompaniment is written in two staves (treble and bass clefs) with a key signature of one flat. The right hand features a melodic line with eighth and sixteenth notes, while the left hand provides a harmonic accompaniment with chords and single notes.

The second system continues the musical score. The vocal line is mostly silent, indicated by a whole rest. The piano accompaniment continues with a rhythmic pattern of chords and single notes in both hands. The right hand has a melodic line with accents and slurs, while the left hand maintains a steady accompaniment.

The third system concludes the musical score. The vocal line is silent, marked with a whole rest. The piano accompaniment continues with a rhythmic pattern of chords and single notes in both hands. The right hand has a melodic line with accents and slurs, while the left hand maintains a steady accompaniment. The system ends with a double bar line and repeat signs in both staves.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ИСПОДИНСКІЯ ГОРЫ.

Изъ разсказовъ путешественника.

(Продолженіе.)

Но великанъ разсчитывалъ, что этому будетъ же когда либо конецъ, и для того опять ее оставилъ одну. Въ пренѣе свое посѣщеніе, онъ заспалъ Любушу, сидѣвшую на поспелѣ и горько плакавшую. Исполнитъ почелъ за приличное придасть самый умильный взоръ воловьимъ своимъ глазамъ, вызвать на лице свое какую-то гадкую и смѣшную ужимку, вмѣсто улыбки; и смягчить свой голосъ, который онъ того сдѣлался немного поприличнѣе медвѣжьяго рева. И вотъ, что онъ сказалъ юной красавицѣ, послѣ всѣхъ сихъ усилій поправившись ей дикими своими приманками:

— «О чемъ ты плачешь, ясная моя звѣздочка? Здѣсь тебѣ ни въ чемъ не будетъ недоставка, а попрошивъ того, все у тебѣ явится, чего ты ни пожелаешь. Замокъ мой проешоренъ и крѣпокъ: есть гдѣ поразгуляшь-

ся безъ всякой опасности. Нарядовъ у себя найдешь ты столько, что и внучкамъ швонмъ не износишь ихъ; а для забавы, я наловилъ тебѣ въ лѣсу разныхъ пѣвчихъ птицъ и принесъ пару маленькихъ медвѣжатъ, копорыхъ выучу я плясать и пѣть подъ мой голосъ. Здѣсь ты, послѣ меня, полная госпожа всему: только не спарайся уйши,—и полюби меня...

— «Полюбишь тебѣ! изверга, урода, копорый гаже всего на свѣтѣ!» вскрикнула Любуша и съ отчаянїя бросилась нѣжными своими руками рвать рыжую бороду и царапать краснобурия, скуласыя щеки великана.

— «О, такъ вопъ какова ты, голубушка!» взревѣлъ онъ спрашнымъ голосомъ и, сверкнувъ глазами, схватилъ бѣдную Любушу за обѣ руки и поднялъ ее на воздухъ, какъ перышко.

— «Убѣй меня, гнусное чудовище!» кричала ему Любуша задыхающимся голосомъ: убѣй меня! лучше лежать въ землѣ, чѣмъ видѣть тебя поминушно и жить подъ одною кровлей съ побою!

— «Вздоръ, моя красавица, я не убью тебѣ; а посажу тебѣ въ другое жилье, гдѣ ты волею и неволею присмирѣешь. И не такія, какъ ты, дѣлались у меня ручными.» Послѣ сей рѣчи, Мрачиславъ опнесъ Любушу въ сѣверную башню, спрашное жилище, освѣщенное однимъ только маленькимъ круглымъ

окошкомъ, которое обращено было къ лѣсной пропинкѣ. Туда приносилъ онъ ей каждый день пищу, уговаривалъ ее смрипъся и все не терялъ звѣрской своей надежды, что наконецъ одиночество, скука и спраданія склоняшъ къ нему непреклонную красавицу. Здѣсь по бѣдная Любуша отъ раняго ушра до поздней ночи сиживала подъ окномъ, мечпала о Рапомирѣ и свободѣ, смопрѣла беземънно на пропинку и ждала со спрахомъ и надеждой, что когда нибудь милый ея избавитель дознаешъ о мѣстѣ ея заключенія и вырветъ ее изъ рукъ свирѣпаго Мрачислава. Такъ ушывали дни, недѣли, мѣсяцы — но не приходилъ милый избавитель!

»Между пѣмъ, въ зѣмкѣ Почебуновомъ, въ день похищенія Любуши сдѣлалаеъ ужасная тревога. Старый владѣлецъ зѣмка, щещно дожидавшисъ цѣлое ушро своей дочери, вышелъ наконецъ изъ шерпѣнтя и самъ пошелъ въ ея комнату. Тамъ нашелъ онъ только маму ея, Кафку, которая заливалась слезами и, увидѣвъ своего господина, бросилась ему въ ноги и во всемъ призналась. Почебушъ закипѣлъ гнѣвомъ: шощасъ велѣлъ запереть спарую Кафку въ мрачную, подземную пемницу, а спражей-измѣнниковъ повѣсилъ на воропахъ зѣмка. Тогда же разослалъ онъ всѣхъ своихъ оруженосцевъ и конныхъ вассаловъ по всѣмъ дорогамъ, и самъ съ однимъ опрядомъ опспра-

вился по той дорогѣ, которая пролегла чрезъ рощу, гдѣ, по признанію Кафки, Любуша и Рапомиръ должны были свидѣться. Но прежде сего вошелъ онъ въ большую комнату замка, гдѣ за цѣлыми жареными баранами, за медвѣжьими и веприными окороками и за огромными ворохами разной дичи, пировали пріѣзжіе рыцари и другіе гости Почебушovy, запивая сыпные куски мяса виномъ и пивомъ изъ оправленныхъ въ серебро и золото бычачьихъ или шурьихъ роговъ.

— «Храбрые рыцари! дорогіе мои госпи!» проговорилъ Почебушъ опривисшымъ голосомъ, поропливо входя въ комнату: «дочь моя, похищена, и похищитель ея—дерзкій Рапомиръ, бѣдный и безродный юноша, котораго я угощалъ и покоилъ въ своемъ замкѣ. Права гостепріимства нарушены; но преступникъ тяжкими мученіями поплашится мнѣ за свое безстыдство и неслыханную свою вину. Тотъ изъ васъ, кто поймаетъ наглаго Рапомира съ преступною моею дочерью и привезетъ его ко мнѣ живаго, будетъ наследникомъ всего моего имѣнія и . . . и получитъ руку моей дочери.»

»Рыцари взглянулись между собою, иные даже сдѣлали какую-то двусмысленную ужимку, и хранили молчаніе. Почебушъ, не дожидаясь отвѣта, вышелъ изъ комнаты, сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ любимымъ оруженосцемъ и

опборными вассалами, пустился во всю прыть изъ воротъ зámка. По уходъ его, между рыцарями поднялся тихій ропотъ, опъ копорого раздавался гулъ по всемъ угламъ; ропотъ сей скоро превратился въ шумъ и крикъ, въ громкія изъявленія досады и даже въ не всемъ починительныя выраженія на счетъ Любуши и Рапомира; самый спарикъ Почебушъ не былъ пощаженъ за послабу, копорую давалъ онъ своей дочери, вопреки погдашнимъ обычаямъ. Все рыцари кликали своихъ оруженосцевъ, приказывали имъ сѣдлать лошадей и готовиться къ опъѣзду, и чрезъ полчаса, замокъ опушълъ почти совершенно. Одни изъ рыцарей погнались за Рапомромъ, другіе, махнувъ рукою, пустились въ иныхъ мѣстахъ искать невѣстъ и роскошныхъ пировъ, и каждый изъ нихъ съ негодованіемъ ворчалъ себѣ подъ носъ.

»Поиски Почебушовы, его вассаловъ и усердныхъ рыцарей были напрасны: нигдѣ не открыли ни слѣдовъ Рапомира, и ни опъ кого не могли узнать ни слова о Любушѣ; она какъ будто въ воду канула! Въ поискъ и досадъ возвратился старій владѣлецъ въ свой зámокъ, въ копоромъ уже не нашелъ онъ веселыхъ госшей; ибо шѣ изъ рыцарей, кои не могли отыскать Любуши и мнимаго ея похинишеля, не почли за пужное ѣхать обратно въ зámокъ Почебушовъ съ порожними

руками: ихъ не манила больше надежда обѣщанной награды. Молва о побѣгѣ Любуши скоро повсюду разѣялась. Нѣсколько десятковъ постороннихъ людей: рыцарей, ихъ оруженосцевъ и другой челяди, которыхъ языкомъ ничто не связывало—въ короткое время разнесли ее по всемъ концамъ Богеміи, даже и по другимъ соседнимъ областямъ. Дорога въ замокъ Почебушовъ какъ будто бы съ шѣхъ поръ заглохла для спранствующихъ выпязей. Черная грусть и не менѣе убійственная скука, залегли въ сердцѣ стараго Почебуша: съ горя и досады, вздумалъ онъ одинъ осушить весь поппъ запасъ вина и пива, который у него заготовленъ былъ для домашняго обихода и которымъ могъ бы онъ съ избыткомъ подчивать госпей своихъ круглый годъ или и больше. Это привело его *ближе къ цѣли*, какъ говаривалъ одинъ поэпъ, не помню какой спраны. Скажу ленѣе: старый Почебушъ запивалъ свое горе до шѣхъ поръ, пока въ одинъ вечеръ записалъ его на цѣлую вѣчностъ, или снесъ на поштъ свѣпъ, чпобы шамъ его размыкать вмѣспѣ съ почтенными своими предками. Старика похоронили съ должною честью въ родовомъ подвалѣ, и туштъ добрые сосѣди и старинные пріятели вполсѣдніе попиrowали, въ замкѣ Почебуша, совершая разгульную, шумную прирзу по усопшемъ владѣльцѣ. Скоро сыскались два наслед-

ника къ оставшемуся послѣ него замку и прочему имуществу: оба они предъявили права свои и доказывали близость родства своего въ двѣнадцатомъ колѣнѣ, и ни одинъ изъ нихъ не признавалъ другаго ни родней, ни наслѣдникомъ Почебушовымъ. Въ погдашнія, полудикія времена, такого рода тяжбы обыкновенно рѣшались силою оружія, и оба наслѣдника дрались въ нѣсколькихъ сшибкахъ до послѣдней крайности, пока, наконецъ, обезсилѣвъ сами отъ многихъ ранъ и разперявъ почти всѣхъ вассаловъ, не вздумали мириться и любовно раздѣлить между собою замокъ. Но эпоть миръ былъ хуже всякой ссоры. Одинъ изъ новыхъ владѣльцевъ хотѣлъ опдѣлить спѣною свой учаснокъ замка, другой мѣшалъ ему въ томъ; а сей, съ досады, подкапывалъ и разбивалъ спѣны и спроенія въ учаснкѣ своего пропивника, котораго плашилъ ему пою же монешой. Кончили они тѣмъ, что сами разрушили свой замокъ, и перегрызлись, какъ пауки, на его развалинахъ. Такова была плачевная судьба древняго замка Почебушова. Спараніемъ послѣднихъ его владѣльцевъ, изгладились даже и самые признаки того мѣста, гдѣ онъ когда-то возвышался; ибо разбишья и подрышья спѣны, рухнувъ завалили рвы и сравняли ихъ съ окружною почвой. Время довершило оспальное.

„Что же дѣлалъ въ это время юный Рапомиръ? не ужели въ самомъ дѣлѣ пропалъ онъ безъ вѣсти? Нѣтъ! будущій нашъ рыцарь, не подозрѣвая тѣхъ печальныхъ событій, которыя по опѣздѣ его совершились въ замкѣ Почебушовомъ, скакалъ во весь опоръ за геройскими подвигами и славой. Въ немногіе дни прибылъ онъ ко двору Хлодовей и Клопильды, безъ дальнихъ приключеній. Я говорю: безъ дальнихъ приключеній, попому, что вспрѣпнившійся съ нимъ на пупи онъ не считалъ за важныя: онъ только разрубилъ мечемъ своимъ голову одному неуступчивому рыцарю, охранявшему какой-то мостъ и не дававшему пропуска нашему спраннику; сполкнулъ въ глубокую пропасть другаго и съ конемъ его, за то, что сей неучпивецъ не хотѣлъ поспориться на узкой горной пропикѣ, и разбилъ своей булавою ворота одного запустѣлаго замка, который показался ему очарованнымъ. По пословицѣ: *на ловца и зѣбрь бѣжитъ* (*) Рапомиръ нашелъ въ древней Лютеціи, или нынѣшнемъ Парижѣ, толпу славнѣйшихъ рыцарей изъ всѣхъ концовъ Европы. Хлодовей праздновалъ тогда счастливое разпроспраненіе своего Государства и правосудную свою жестокость, съ какою онъ своеручно разрубилъ шопоромъ

[*] Разумѣется, что здѣсь Нѣмецъ мой сказалъ пословицу Нѣмецкую, кошорую оемѣляя я замѣнилъ этою Русскою, по сходству значенія. *Примыч. Русскаго разказчика,*

голову принцевъ Ранакарія и Рикарїя, ближнихъ своихъ родспивенниковъ, копорые ни въ чемъ не были передъ нимъ виноваты, или по крайней мѣрѣ, вся вина ихъ соспола въ томъ, чѣмъ Лафоппеневъ волкъ обвинялъ ягненка. Въ ознаменованіе сей черпы родспивеннаго правосудїя, назначенъ былъ при дворѣ Французскомъ большой турниръ, и объявлено было чрезъ публичныхъ крикуновъ или герольдовъ, за неимѣніемъ въ то время газетъ, что всякой прїѣзжій рыцарь могъ учаспвоватъ въ этомъ турнирѣ, не предъявляя своихъ правъ и не открывая своего герба и девиза. Можно вообразить, какъ обрадовался Рапомиръ такому объявленію. Въ день турнира, явился онъ у загородки, на ворономъ конѣ, въ черныхъ доспѣхахъ, со щитомъ, завѣшеннымъ черною шканыю. Двѣнадцать самыхъ сильныхъ випязей были имъ вышиблены изъ сѣдла, и герольды а за ними народная толпа, громко провозгласили побѣдителя безвѣснаго, чернаго рыцаря. Хлодовой и Клопильда, сидя на возвышенныхъ, богато убранныхъ подмосткахъ, къ копорымъ вели двадцать четыре спуени, приказали предспа-вить себя побѣдоноснаго незнакомца. „Кто ты шаковъ, храбрый рыцарь, откуда ты и кто твоя дама?“ ласково спросила у него Королева Клопильда. Тогда Рапомиръ, взопедъ на прешню спуени, преклонилъ колѣна и уничиженно признался, что онъ еще не рыцарь и что

у него не было дамы при дворѣ Французскомъ.“
 Такой отличной воинъ самъ начинаешъ свой
 родъ, и рыцарь по праву, если не порожденію,
 сказалъ ему Хлодовой со всею любезностью
 Королей Французскихъ: „Но я хочу возбудишь
 зависть во всѣхъ другихъ Государяхъ, двою-
 родныхъ моихъ брашьяхъ, (*) шѣмъ, что я
 возвелъ въ рыцарское званіе достойнѣйшаго изъ
 современныхъ раноборцевъ.“ —

При сихъ словахъ, Король, принявъ свой мечъ
 изъ рукъ оруженосца, ударилъ имъ Рапомира
 по плечу, попомъ далъ новому рыцарю поцѣ-
 луй, чѣмъ и совершился весь обрядъ посвященія.
 Хроники не говорятъ, были ль въ этотъ день
 надѣны на Рапомира золотыя шпоры и кто
 ихъ надѣвалъ. Но о томъ, что слѣдовало за
 посвященіемъ его въ рыцарское званіе, о пирахъ,
 копорые даны были при Французскомъ дворѣ
 послѣ шурнира и на копорыхъ Рапомиръ бралъ
 первенство надъ всѣми другими рыцарями, —
 говорятъ онъ подробно. Бошъ что я почитаю
 за нужное пересказашъ изъ нихъ вамъ, мило-
 стивые Государя.

„Когда Рапомиръ, принявъ ударъ и поцѣлуй
 отъ Хлодовой, всталъ на ноги, то Королева
 Клошильда сказала ему:

— „Ты объявилъ, рыцарь, что у тебя нѣтъ
 дамы. Теперь ты можешь выбрать ее изъ всѣхъ

[*] Mes cousins. Такъ обыкновенно называютъ Французскіе Ко-
 роли другихъ Христіанскихъ Государей.

прекраснѣйшихъ дамъ, составляющихъ дворъ нашъ.

— „Извините меня, Государыня“ отвѣчалъ новый рыцарь; „я сказалъ только Вашему Величеству, что у меня здѣсь нѣтъ дамы. Но я ношу ее въ моемъ сердцѣ, а данную мнѣ отъ нея перевязь — у сердца.“ сказавъ сіе, онъ вынулъ изъ подъ нагрудника перевязь Любуши и подалъ ее Королевѣ. Клопильда вспала съ мѣсна и Рапомиръ снова спалъ передъ нею на колѣна. Перевязь была на немъ повязана рукою самой Королевы, шакъ, что вышитый краснымъ шелкомъ девизъ: *сѣрная любовь до гроба*, лежалъ у него съ праваго плеча черезъ всю грудь и оканчивался послѣднимъ словомъ надъ самымъ сердцемъ выпязя. Рапомиръ съ изъявленіями самой искренней благодарности поцѣловалъ руку Клопильды, возложившую на него цвѣпá и девизъ его любезной; и съ эной минушы, онъ спалъ дышащъ новою жизнью: часть сладостнѣйшихъ его мечпаній и надеждъ исполнилась, — онъ былъ рыцаремъ!

»Оппировавъ при дворѣ Хлодовесвомъ и приобрѣтя себѣ общую любовь и уваженіе отъ рыцарей и прекрасныхъ дамъ двора его, Рапомиръ опкланялся Королю и Королевѣ, и пустился за поискомъ приключеній. Два года спранспивовалъ онъ по Франціи, Испаніи, Италіи, Нѣмецкимъ землямъ, Литвѣ и Польшѣ, и вездѣ оснавлялъ по себѣ неиз-

гладимые слѣды славныхъ подвиговъ, вездѣ яв-
 лялся бичемъ злыхъ людей и защитникомъ угне-
 щенной невинности. Наконецъ онъ вспомнилъ,
 что время его опыта уже кончилось, что
 онъ уже довольно наполнилъ свѣтъ молвою
 своего имени, и что тамъ, за дальними
 горами Богемскими, ждала его милая, вѣр-
 ная Любуша; ибо онъ твердо вѣровалъ въ ея
 поспоянство и ему никакъ не приходило въ
 голову, чтобы она могла измѣнить ему и пе-
 редать другому свою руку и сердце. Рапо-
 миръ немедленно поскакалъ шуда, куда вле-
 кли его сильное чувство любви и воображе-
 ніе, разпалившееся огнѣмъ одного воспоминанія
 о прелестяхъ Любуши. Въ немногіе дни, былъ
 уже онъ у предѣловъ Богеміи; до замка По-
 чебунова оставался ему только одинъ ры-
 царскій переѣздъ. Вы знаете, почтенные мои
 слушатели, что у древнихъ рыцарей было и
 здоровье желѣзное, какъ лапы, шлемы и про-
 чіе доспѣхи, въ коихъ они были закованы;
 вы знаете, что всѣ они, отъ Амадиса Галь-
 скаго до Донъ-Кихота Ла-Манхскаго вклю-
 чительно, могли скакать нѣсколько дней и но-
 чей сряду безъ отдыха, не чувствуя ни устал-
 лости, ни голода, ни жажды, ни всѣхъ подоб-
 ныхъ слабостей, коихъ нынѣ подвержены
 мы, хилые выродки погданнаго крѣпкошъ-
 лаго чловѣчества. Кони рыцарей были такъ
 же безуспѣльны, какъ сами всадники, и ни

пшались по болъшей часни воздухомъ. Жалъ, что со всемъ испребилась сія превосходная порода коней, опмѣнно рослыхъ, сильныхъ, быстрыхъ, неупомимыхъ, одаренныхъ почти челоуѣческимъ умомъ, а что всего лучше, споль неубыточныхъ для прокормленія! Не говорю уже, что нѣкошорые избранные изъ числа рыцарей носились на Ипогрифахъ, на Рабиканахъ, воздушныхъ коняхъ; но гдѣ теперь найти такихъ лошадей, какъ Злапогрифъ, Балрдъ и кобылица Альфанца? Что передъ ними Тромпешеры и все другіе Англійскіе скакуны? что ихъ мѣрный, чопорный галонъ передъ буйнымъ, огненнымъ бѣгомъ коня рыцарскихъ временъ? все равно, что полетъ мухи передъ полетомъ горнаго вихря. Таковъ былъ конь и нашего Рапомира: мудро ли, что онъ проскакалъ въ три или чешыре дня шакое пространство, какого пылъ самый проворный кабинетъ-курьеръ не проскачетъ и въ двѣ недѣли, особливо по Нѣмецкимъ почтовымъ дорогамъ?

»Не упомасніе, не зной солнечный и не проспонародныя доуки голода и жажды, приостановили быстрый бѣгъ нашего выпязя: пѣшь! онъ въ мысляхъ припоминалъ все свои приключенія, все свои подвиги, чтобы дать въ нихъ полный отчетъ старому гордецу Почебушу, когда спашепъ у него шребовашь руки его дочери; и для того фхалъ ши-

хою спушью по одной пріятной лѣсной дорожкѣ въ Силезіи. Въ памлпи его оживлялись черты всѣхъ красавицъ, копорыхъ встрѣчалъ онъ по свѣпу, освобождалъ опгъ злыхъ похитителей или оказывалъ имъ помощь и услугу въ разныхъ случаяхъ. Рапомиръ мысленно сравнивалъ ихъ прелести съ прелестями Любуши; и, сказанъ ли правду? сіи сравненія не всегда были въ пользу его милой. Вдругъ онъ слышалъ за собою конскій топотъ; оглянулся и увидѣлъ: на спашномъ, бѣломъ конѣ ѣхала женщина, копорой легкой, стройный станъ прекрасно рисовался на лазури окружавашаго воздуха. Невольно рыцаръ зашянулъ поводъ своего коня, и незнакомка скоро съ нимъ поравнялась, сопровождаемая полною хорошо вооруженныхъ людей, и, какъ замѣрно было, ея вассаловъ.

— „Добрый пупъ, пригожій рыцаръ!“ сказала незнакомая пупешественница съ такимъ взоромъ и улыбкой, копорые разшопили бы вѣчные льды Гренландіи. Рыцаръ взглянулъ на нее — и онѣмѣлъ опгъ изумленія. Ея лице, цвѣтущее юносью, полношого здоровья и самую приманчивою свѣжестью; правильность, соразмѣрность каждой черты, плѣняющія и удивляющія въ цѣломъ, какъ высокій идеаль всего прекраснаго; ея болшіе, голубые глаза, свѣтившіеся тихимъ огнемъ чувства и переливавшіе живительную свою теплоту въ ду-

шу всякаго, кпо сморрять на нихъ; ся блѣ-
 курые, подобныя шончайшему льну волосы, у-
 падавшіе локонами изъ подъ головнаго убора и
 вившіеся, какъ легкій дымъ, по плечамъ кра-
 савицы . . . , словомъ, въ ней было все то, что
 Винкельманъ высказалъ намъ о превосходнѣй-
 шихъ древнихъ статуяхъ Греческихъ богинь,
 или что молодые наши поэты говорятъ намъ
 о мечтательныхъ дѣвахъ любви, предмѣсахъ
 юной ихъ сирасии. Долго Рашимиръ не могъ
 опомниться и опвѣчать на ласковый привѣтъ
 плѣнительной незнакомки; наконецъ онъ собра-
 ся съ духомъ, проговорилъ почти несвязное,
 но пламенное изъясненіе благодарности, и
 пожиралъ глазами черты лица красавицы, ко-
 торыя, какъ волшебный манисманъ, приковы-
 вавали къ себѣ его взоръ и все силы душевныя.
 Можетъ быть и воображеніе нашего рыцаря,
 уже прежде подготовленное мечтами о красо-
 тѣ другихъ женщинъ, довершило очарованіе;
 и господство Любуши въ сердцѣ его сдѣлалось
 съ этой поры весьма и весьма шанко . .

— „День очень жарокъ!“ сказала незнакомка
 черезъ нѣсколько минушъ, которая, видно,
 скучала безмолвіемъ новаго своего спутника и
 думала, что съ нимъ разговоръ должно начи-
 нать обыкновеннымъ прислуномъ — о погодѣ.
 „Вы, рыцарь, конечно проѣхали сего дня боль-
 шое пространство и чувствуете необходимость
 отдохнушъ и подкрѣпите себѣ пицею?“

— „Мнѣ должно ошдохнуть полько ошть тревоги, кошорую посѣдали во мнѣ прелесшныя ваши взоры,“ ошвѣчалъ Рапомиръ, у коего языкъ вдругъ развязался; „а силы мой подкрѣпляются шѣмъ живишельнымъ учасніемъ, кошпорого вы меня удостоиваете.“

Незнакомка улыбулась снова плѣнительною своею улыбукой и молвила: »Я не знала до сихъ поръ за собою такихъ прошивоположныхъ способностей—сѣяшь тревогу глазами и подкрѣпляешь силу языкомъ въ одно и шже время.

— »Можетъ бышь, вы не знаете или не хотите знать силы вашихъ прелестей, «со вздохомъ сказалъ Рапомиръ; „но шощь, надъ кѣмъ онѣ испытываютъ волшебное свое дѣйствіе, узнаете ес шяжкимъ для сердца своего опытомъ.

— »Ахъ, если эшощь опышь спалъ шяжелъ, то не смоприте на меня, рыцарь; или лучше я сама опущу покрывало на лице свое.

— »Эшо бы значило по же, что порадовать дневнымъ свѣшомъ проглянувшого слѣнца, и снова ослѣпить его.

— »Вы шутите, Рыцарь. Мнѣ кажется, что первый мой взглядъ произвелъ въ васъ со всѣмъ не такое сильное впечатлѣніе, какъ вы спараспесь меня увѣршь.

— »Развѣ можно увѣрять въ шощь, чего не чувствуетъ? . . . Нѣтъ! такое разногласіе словъ и сердца мнѣ вовсе незнакомо. Я.

могъ вамъ показаться нѣмымъ, и даже опчисти глупымъ, пошому чпо не вдругъ опвѣчалъ на первыя ваши слова; но глаза мои вѣрно краснорѣчивѣе передали вамъ то, что происходило въ душѣ моей.

— „Можешъ бышь; я согласна вѣрить вамъ на слово, рыцарь, хотя, признаюсь, сама того не замѣшила. Я часто бываю крайне расбѣянна и худо понимаю языкъ взоровъ, ибо никогда почти не смотрю въ глаза тому, съ кѣмъ говорю. Но мы слишкомъ далеко опбились отъ того, что подало поводъ къ этому разговору. Я хотѣла предложить вамъ, рыцарь, остановиться здѣсь на часъ и дать опдыхъ нашимъ конямъ, между шѣмъ какъ сами мы и провожаные мои, освѣжимся въ тѣни этихъ деревьевъ отъ палящаго зноя. Надѣюсь, вы не откажешесь шакже опвѣдать дорожныхъ моихъ припасовъ.“

„На чпо не согласился бы Рапомиръ, чпобы продлить всрѣчу свою съ очаровательною незнакомкой! Въ эту минушу подъѣзжали они къ пріятной лужайкѣ, расплавленной муравчашымъ ковромъ подъ тѣнью густыхъ липъ, копорья были тогда въ полномъ цвѣту и разливали въ воздухъ сладоспный свой запахъ. Рапомиръ мигомъ соскочилъ съ коня, подалъ руку незнакомкѣ и шихо спушилъ ее на землю. Суепливые прислужники ее тотчасъ приготовили для нихъ сыпный обѣдъ, и ры-

царь ѣлъ и пилъ шѣмъ охотнѣе, что прекрасная его спутница угощала его весьма спараллельно и сама подавала ему хорошій примѣръ для подражанія.

„Въ продолженіе обѣда, незнакомка еще болѣе обворожила рыцаря. Любезность, умъ, непришворное чувство и непринужденная веселость, попеременно и свободно блискали въ ея рѣчахъ и опсвѣчивались въ ея взорахъ и выраженіи лица. Сими быспрыми переходами отъ одного впечатлѣнія къ другому, сею неожиданною мѣною разнообразныхъ ощущеній, она искусно опутывала сердце рыцаря и налагала на него розовыя цѣпи. Каждое движеніе красавицы имѣло необыкновенную прелесть и благородство въ глазахъ изумленнаго Рапомира, который забылъ все минувшее управилъ всякую мысль о будущемъ и наслаждался только настоящею минутой, не вникая въ самого себя и едва смутно постигая, что съ нимъ происходило.

„По желанію прекрасной незнакомки, рыцарь открылъ ей свое имя. „А, такъ вы-то Рапомиръ, рыцарь чернаго щита?“ сказала она съ выраженіемъ удовольствія. „Спрашивая васъ объ имени, я хотѣла вмѣстѣ просить васъ, разсказать мнѣ ваши приключенія, Теперь вижу, что сія просьба была бы излишняя: громкая молва уже разнесла повсюду вѣсть о вашихъ подвигахъ. Но вы также

имѣете право спросить, кто такая нескромная и любопытная незнакомка, разъѣзжающая по дорогамъ и своенравно выпунившая въ разговоръ съ проѣзжимъ рыцаремъ, кошорый безъ того, можетъ быть, не обратилъ бы на нее вниманія? Вижу, что вы только изъ вѣжливости не хопили мнѣ съ самаго начала сдѣлать сей вопросъ; но я сама изъ благодарности за вниманіе ваше къ слабой, неопытной дѣвушкѣ, должна предупредить ваше желаніе. Имя мое Владимила, я дочь Косябы, богатаго и знашнаго владѣльца, въ Богеміи, по ту сторону Судетскихъ горъ. Опець мой уже около года боленъ шяжкою немощью, онъ кошорой опнялись у него руки и ноги. Всѣ пособія врачей, всѣ маинственныя знанія чародѣевъ оставались щепенными; наконецъ я узнала, что въ здѣшнихъ мѣстахъ на границѣ Силезіи, живеть одинъ мудрый волхвъ, искусный въ леченіи всѣхъ болѣзней, онъ кошорыхъ спраждеть человекство. Я знала всю опасность сего пупи, знала, что тамъ, на высочайшихъ горахъ Судетскаго хребта, обинаеть спрашный испоинъ Мрачиславъ, прослывшій болѣе всего припѣсницелемъ нашего пола; и для того не рѣшилась опкровенно проситья у моего родителя: онъ навѣрное опказалъ бы мнѣ. Но я положила у себя на сердце, непременно самой ѣхать къ волхву, и купишь у него, во что бы ни спало, изцѣленіе оп-

цу моему. Я употребила хитрость, — и, признаюсь, для пользы добраго моего опца я обманула его: выпросилась къ одной родственницѣ, живущей въ недалекомъ отъ насъ разстояніи; а чтобы не подать подозрѣнія о настоящемъ моемъ намѣреніи, взяла съ собою не весьма многочисленную свипу проводниковъ. Но я поплапилась сильнымъ страхомъ за мою отважность, проѣзжая мимо вершинъ Судепскаго хребта, хопя, къ счастью, поѣздъ нашъ не былъ замѣченъ великаномъ: мнѣ поминутно казалось, будто бы Мрачиславъ гонится за нами; каждый высокій пѣнь сломленнаго вѣтромъ дерева, пугаль меня. Не смотря на то, мы благополучно проѣхали Судепы; я опыскала почпениаго волхва, жителя уединенной долины; онъ дѣлалъ заклинанія, далъ мнѣ палисманъ и увѣрилъ меня, что по приѣздѣ моемъ въ замокъ, я найду родителя моего совершенно здоровымъ. Я спрашивала его о возвращномъ пути своемъ, и онъ въ загадочномъ своемъ отвѣтѣ сказалъ мнѣ, что черный щипъ прикроетъ меня отъ всякихъ бѣдъ, и

— „И что же, прекрасная Владимила? вскричала неперпѣливый Рапомиръ.

— „Оспальнаго я не разслушала или не поняла,“ ошвѣчала Владимила, покраснѣвъ и пошупя глаза въ землю. „Я сказала уже вамъ рыцарь, что отвѣтъ волхва былъ загадоч-

ный. . . . Теперь опъ васъ зависить,“ при-
 молвила она, взглянувъ на Рапомира съ умиль-
 ною улыбкой, „оправдать предсказаніе вол-
 хва о черномъ щипѣ. . . .“

„Само по себѣ разумѣется, что Рапомиръ
 не дѣлалъ на это возраженій: какъ могъ онъ
 идти противъ рѣшенія могущаго чародѣя,
 копорого почиталъ заложникомъ самихъ су-
 дебъ? Онъ даже охотно вызвался проводить
 прелестную свою спутницу до замка ея оп-
 ца, и опшуда уже возвратился къ жилищу
 Любуши, къ кошорой, какъ честный и бла-
 городской рыцарь, онъ все еще упорно хо-
 тѣлъ хранишь вѣрность, на зло прорица-
 ніямъ волхва и силъ прелестей Владими-
 ныхъ. Переѣздъ ихъ черезъ горы Судетскія
 совершился безъ всякихъ приключеній: видно
 Мрачиславъ тогда или спалъ, или занятъ
 былъ другимъ дѣломъ; или, довольный преж-
 нею своєю добычей, не искалъ больше новыхъ.
 Наконецъ, рыцарь и прекрасная спутница его
 пріѣхали въ замокъ Косябы, гдѣ Владимила къ
 неописанной своей радости нашла родителя
 своего совершенно исцѣлившимся, съ пою бод-
 роснію и крѣпостію силъ, какими обладаетъ
 человѣкъ въ пятьдесятъ лѣтъ, наслаждаю-
 щійся полнымъ своимъ здоровьемъ и никогда
 не испытавшій сильныхъ потрясеній. Влад-
 имила въ восторгъ упала въ объятія своего
 опца; радостныя слезы, какъ чистая роса,

заблестали на длинныхъ ея ресницахъ. Косяба не зналъ еще причины скорого, нечаяннаго своего изцѣленія и приписывалъ его чуду; но Владимила во всемъ ему призналась и разсказавъ всѣ подробности своего путешествія, представила ему Рапомира, какъ защитника и храниителя своего въ продолженіе пупи. При имени Рапомира, Косяба изъявилъ искренные знаки удовольствія, что ему предназначался случай узнать споль знаменитаго рыцаря, и просилъ его продлить сколько можно свое пребываніе въ замкѣ, которій, по словамъ отца Владимилы, долженъ былъ гордиться и славиться присутствіемъ такого дорогаго гостя.

— „Чѣмъ же я оплачу тебѣ за всѣ нѣжныя твои обо мнѣ попеченія, милая, безцѣнная моя дочь?“ говорилъ Косяба, прижавъ снова Владимилу къ своему сердцу. „Ты принесла мнѣ такую жерпву, на которую немногія изъ твоего пола могли бы отважиться. Я и теперь еще трепещу, воображая опасности, которыми ты подвергалась для того, чтобы возвратить здравію твоему отцу. Требуя опять меня какого хочешь воздаянія и вѣрь, что все, чего бы ты ни попросила, будетъ еще слабою оплатою за сдѣланное для меня злобою.“

— „Прійдетъ время, родитель мой, когда я, можетъ быть, напомню тебѣ о милоспи-

вѣмъ швоемъ обѣщаніи;“ сказала Владиміла—и легкая краска пробѣжала по прелестному лицу ея. „Теперь же, не проглядывая вдаль будущаго, позволь мнѣ наслаждаться нынѣшнимъ моимъ блаженствомъ, когда я вижу, что здоровье снова тебя лелѣетъ въ живительныхъ своихъ объятіяхъ.

— „Будь по швоему желанію. Но я хочу праздновать сегодня при радости, копорыми небо меня ущедрило: благополучное швое возвращеніе, пріѣздъ красы и чести всего рыцарства въ мой замокъ и вмѣстѣ избавленіе мое опъ тяжкой и долговременной болѣзни.“ Сказалъ—и по слову его гонцы полѣзли во всѣ окружные замки и по всѣмъ большимъ дорогамъ, зазывая сосѣднихъ владѣльцевъ и спранспивующихъ рыцарей. Пиръ зашумѣлъ въ огромномъ замкѣ богатаго Косябы; полпа владѣльцевъ, прекраснѣйшихъ женщинъ и юныхъ цвѣтущихъ дѣвъ, рыцарей, ихъ оруженосцевъ и разныхъ прислужниковъ, скоро наполнили и оживили веселымъ говоромъ своды сего зданія, копорое не задолго предъ шѣмъ вмѣщало въ себѣ только молчаливый одръ болѣзни и унылыхъ вассаловъ больнаго владѣльца. Но кпо между всѣми прелестными женами и дочерьми владѣльцевъ блистаетъ, какъ яркая планета между другими свѣтилами ночи? кпо замѣчаетъ красоту прекраснѣйшихъ? Эшо юная

Владимила. Кого всѣ рыцари признаютъ славою и украшеніемъ своего званія, кто собираетъ искреннюю и единомушную дань удивленія и почестей? Это храбрый Рапомиръ. Общій шопотъ госпей уже назначилъ ихъ другъ для друга, и Рапомиръ подмѣшилъ взгляды, сопровождавшіе сей шопотъ и слѣдившіе въ одно время за нимъ и Владимилой. И вовсе не самолюбивый человекъ догадался бы, о чемъ шло дѣло; а нашъ Рапомиръ, какъ мы его знаемъ, не былъ чуждъ самолюбія. Эпотъ шопотъ, эти украдкой бросаемыя взгляды общеспва, наполняли его сердце жаромъ какой-то гордой надежды, и больше, и больше шумавили въ его памяти образъ Любуши.

Три дня праздновалъ добрый Косяба свои радости. Нѣкоторые злые языки изъ госпей его пишкомъ говорили, что госпе-пріимный ихъ хозяинъ радъ былъ случаю попиравать попому, что во время болѣзни своей волею и неволею долженъ былъ во многомъ себѣ опказывать; такъ будто бы, по выздоровленіи, онъ разомъ хотѣлъ нагнасть время, поперянное для удовольствій. Но мы не станемъ въ эпотъ подражать злоязычникамъ, и охопнѣе согласимся думать, что намѣренія хлѣбосола-владѣльца были самыя чистыя. Но всему бываетъ конецъ: такъ и длинная наша повѣсть когда нибудь окончится; такъ и пиры въ замкѣ Богемца кон-

чились; госпи развѣхались и Косяба оспался только съ своею дочерью и Рапомиромъ. Тогда начались новыя наслажденія для нашего рыцаря: уединенныя прогулки съ прелестною Владимилой, прогулки, во время коихъ разговоръ былъ непрерывною мѣною душевныхъ чувствъ и восторговъ, поминупно пробуждаемыхъ даже такими причинами, кои показались бы мѣлочными для равнодушнаго наблюдателя.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Къ III—ву.

Ты мой пріятель задушевной,
 Мы поэтически живемъ,
 Мы вольно учимся и пьемъ,
 Мы разсуждаемъ ежедневно
 Объ идеальномъ и благомъ;
 Однакожъ дѣло не о томъ!
 Скажи: кого порою ночи
 Твои привѣтспивуютъ мечны,
 Чьи возмущительныя очи
 Звѣздами называешь ты?
 „Она мила, она далѣко,
 Она измѣнишь!“ такъ не разъ
 Тебя впревожнть сердца глаетъ
 Въ часы печали одинокой.
 Опскройся мнѣ! какъ, пы, мой другъ,
 Любви я знаю самовластье,

Пусть охладить мое участие
 Твой соблазнительный педугъ;
 Знакомый съ дѣвами и свѣтомъ,
 Тебя утѣшу я вполне
 Иль романтическимъ совѣтомъ,
 Или посланьемъ о вишѣ!

Языковъ.

Б а с н я .

На розу бабочка присла, опдохнула,
 Попрыгала, вспорхнула—
 И не ворошится ужь вновь:
 А я подумалъ: вопшь любовь!

Норовъ.

Б И Б Л І О Г Р А Ф І Я .

3) *Борисъ Годуновъ*. С. П. бургъ. Въ типографіи
 Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1851 года.
 142 стр. въ 8 д. л.

Молва, предшествовавшая новому, умственному наслажденію читающей нашей Публики—осуществилась. *Борисъ Годуновъ*—твореніе снова вѣнчающее любимца образованныхъ—*Пушкина*, вышло изъ печати. Оно посвящено драгоценной для Россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина, гений коего вдохнулъ въ Пушкина сей трудъ.

Предоставляя либературнымъ *Хавропьямъ* (*) отрывать въ эпосѣ творенія недосапки, скажемъ, что

поэзія *Бориса Годунова* должна проникнуть наслажде-
ніемъ душу благородную, чуждую щепетильныхъ раз-
счетовъ зависти!

Много сценъ въ *Борисъ Годуновъ* прекрасныхъ,
[жаль только, что нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ
коротки, или слишкомъ сокращены] но сцены, отъ
коихъ, вѣрно бы не отказался и Шекспиръ, суть: въ
*жортьмъ на Литовской границѣ, въ замкѣ воеводы Миши-
ка, и на площади передъ соборомъ Московскимъ*. Въ
этой послѣдней сценѣ лице юродиваго обращаетъ на
себя особенное вниманіе читателя. Чтобъ подѣлится
ся сколько нибудь удовольствіемъ съ пѣми, кому еще
не случилось прочитать *Годунова*, выпишемъ здѣсь
разсказъ слѣпца-паслуха, переданный *Борису Патриар-
хомъ*:

„Въ младыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ, я ослѣтъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лѣчился
И зельемъ и пайнымъ нашептаньемъ,
Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладезей священныхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи —

(*) Смол. Басню Крылова: *Свилья*, оканчивающуюся слѣдую-
щими стихами:

Не дай Богъ никого сравнейшемъ мнѣ обидѣтъ!
Но какъ же кришка Хавроньей не называешь
Который, что ни спанель разбираешь,
Имѣетъ даръ одно худое видѣнь.

Прил. Изд. С. п. б. Вѣстника.

Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья,
 Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
 И къ пнмъ своей привыкъ, и даже сны
 Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
 А снился мнѣ только звуки. Разъ
 Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣпскій голосъ
 Мнѣ говоритъ: вспань, дѣдушка, поди
 Ты въ Угличъ градъ, въ соборъ Преображенья;
 Тамъ помолись пны надъ моею могилой:
 Богъ милоспнивъ и я псбя прощу.
 Но кно же ты? спросилъ я дѣпскій голосъ.
 Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
 Пріалъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ.
 И я теперь великій чудотворецъ.
 Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ.
 Чпожь! можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
 Мнѣ позднсе даруетъ изцѣленье.
 Пойду — и въ пунь отправился далекій.
 Вотъ Углича достигъ я, прихожу
 Въ свяпый соборъ, и слушаю объдню
 И, разгорясь душой усердной, плачу,
 Такъ сладостно, какъ будпо слѣпоша
 Изъ глазъ моихъ слезами выпекала.
 Когда народъ спалъ выходить, я внуку
 Сказалъ: Иванъ веди меня на гробъ
 Царевича Димитрія. И мальчикъ
 Повелъ меня — и шолько передъ гробомъ
 Я шихую молитву сотворилъ
 Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
 И Божій свѣшъ, и внука, и могилку.“

С М Ъ С Ъ.

ГЛУБОКОМЫСЛЕННЫЕ доводы Г. *Габакука Пулпера*, чистителя сапоговъ при Дворѣ Японскаго Императора, о томъ, что нашъ желудокъ, есть средоточіе вселенной.

(Изъ *Циокке*.)

Послѣ вопроса: „*что будемъ сегодня псть?*“ никакой другой вопросъ не можетъ быть важнѣе для человѣческаго рода, погю: „*гдѣ именно средоточіе вселенной?*“

Нѣкоторые утверждаютъ ошибочно, что оно въ срединѣ земнаго шара; другіе думаютъ, что солнце, есть средоточіе вселенной; я говорю, что не солнце, а нашъ желудокъ!

Ничего иныя легче, какъ доказать это.

Каждый школьникъ знаетъ уже, что вселенная безконечна; и такъ, куда бы не занесли меня мои ноги, я все останусь въ срединѣ безконечной вселенной, мой желудокъ въ срединѣ моего тѣла, слѣдовательно, оптьто и есть средоточіе вселенной. Это ясно, какъ солнце.

Я движусь около моего желудка. Скопы и люди движущя около меня: солнце, мѣсяць и звѣзды около всѣхъ насъ. Слѣдовательно, желудокъ истинное средоточіе всего, со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу.

Разсмотрѣвъ подробнѣе это обстоятельство, мы найдемъ, что желудокъ нашъ играетъ главную роль въ свѣтѣ и все, что ни случаетъ ся, случаетъ ся, большею

частію, въ угоду ему, случалось такъ прежде и впредь
будеть случаться.

Все, что на землѣ ходитъ, летаетъ, плаваешь и
расплетъ: быки и коровы, рыбы и ппицы, плоды и
правы, вино и вода—все ходитъ, летаетъ, плаваешь
и расплетъ для горшка или коспрюли, отъ горшка
или коспрюли передается рпу, отъ рта желудка.

Для кого, еще въ дѣтствѣ мучимъ мы себя, съ упра
до вечера въ школь? И потомъ опять, съ упра до
вечера, на полѣ, въ канцеляріи, на крышѣ, въ погребѣ,
за прялкою, за барабаномъ, въ лѣсу, на водѣ, у наковальни, и такъ далѣе? Для кого не щадимъ мы споль-
внихъ спудовъ и работаемъ въ попѣ лица?—Для чего
забоимся, крушимся, думаемъ день и ночь? — Чшо
выпѣсплетъ изъ груди нашей сполько вздоховъ?—Не
одна ли забота о пищѣ причиною всему? . . А пища
нужна не для руки, не для ноги, но сполько для же-
желудка!

Это незамѣтно, для каждаго изъ насъ, средопо-
чѣ вселенной можно назвать главною пружиною въ
машинѣ челоѳческихъ дѣйствій. Солдатъ идетъ въ
сраженіе; морякъ вѣрлется обманчивой спихии и
плыветъ въ опдаленные края, ученый читаетъ и пи-
шетъ толспныя книги, рудокопъ спускается въ же-
лудокъ земли, паспухъ всходитъ на вершины Альповъ,
музыкантъ деретъ смычкомъ по контрбасу, кучеръ
бьетъ лошадей, танцмейстеръ пляшетъ минуэты и
вальсы, все для того, что такъ угодно желудку.

Ему угодно, и этого довольно! Онъ командуетъ, какъ капралъ и не позволяетъ себѣ прошиворъчить. Прикажутъ онъ и повинуются всѣ большіе и малые властелины; Императоры, Короли, Султаны, Герцоги, Князья, Графы и пому подобныя, столь же униженно, какъ послѣдній нищій и ему подобныя, Ни скипетръ, ни посохъ не могутъ заспавишь его молчать.

Я увѣренъ, что многіе большіе господа, многіе ученые господа, многіе сладенькіе господчики не захотятъ признать этого деспота, возсѣдающаго на своемъ тронѣ въ подреберной пещерѣ, благороднѣйшимъ членомъ человѣческаго тѣла. Не благороднѣе ли голова, не благороднѣе ли сердце, нежели желудокъ? скажутъ они.

Пустое! Не для головы и сердца, нѣтъ, только для желудка копили вы деньги. Не для головы и сердца становитесь вы адвокатами, докторами, писателями, барабанщиками, щепочниками и такъ далѣе.

Въ самой женитьбѣ, гдѣ и сердце имѣетъ свой годъ, прежде всего дѣло идетъ о желудкѣ. Сперва изустно и писменно устроиваютъ принадлежности желудка, не спрашивая много словъ о принадлежностяхъ сердца. Первые вопросы: есть ли у него имѣніе? разумѣетъ ли онъ свое ремесло? Сколько въ годъ получаетъ онъ дохода?—Потомъ приказываютъ бѣдному сердцу исполнять свадебный контрактъ.

Что касается до спора о степеняхъ достоинства желудка и головы, то объ этомъ не стоитъ и говорить. Безъ желудка не можетъ обойтись ни одинъ человекъ, а сколько есть на свѣтѣ людей, которые и безъ головы живутъ себѣ да поживаютъ. Иногда вовсе излишне имѣть голову, Вотъ почему, большая часть родителей прежде всего хлопочутъ о томъ, чтобы пособрать денегъ своимъ дѣтямъ, не находя большой нужды въ духовной для нихъ пищѣ; и къ че-

му? Даситъ Богъ мѣсто, даситъ и разумъ для мѣста!

Подумайте, чтобы спалось тогда съ цѣлымъ свѣтомъ; еслибъ не было у насъ желудка, этого мощнаго влѣстелина всѣхъ существъ; этого погонщика лѣниваго человѣчества? Что спалось бы тогда, еслибъ мы не чувствовали ни голода ни жажды? Я говорю вамъ, тогда въ одну недѣлю остановились бы часы вселенной. Медйки и поршнные, поселяне и прахтирицики, издатели альманаховъ и сапожники, однимъ словомъ; всѣ ученые и неученые переспали бы работать. Всѣ дни были бы воскресные и табельные дни. Всякой сидѣлъ бы дома; пѣжебъ и войны не было бы даже въ поминѣ. Всѣ ружья; перья; молотки; плуги; пилы, книги; шарелки; ложки и прочее и прочее, валялись бы въ пыли и стали бы совершенно бесполезными вещами въ свѣтѣ. Цѣлые народы плясали бы опъ скуки; гуляли по бульварамъ; или смотря на звѣзды въ небѣ, зазвались бы до смерти.

Воинъ доказательства; что желудокъ есть средоточіе вселенной и главная пружина человѣческихъ дѣйствій; Только неблагодарные стыдящя сознашся въ этомъ. Но повѣрьте мнѣ, если кто говоритъ вамъ: я дѣлаю то и то изъ любви къ ближнему, или изъ любви къ чести и тому подобное, то подъ именами ближняго и чести опъ разумѣетъ свой желудокъ, а ничто другое.

И памъ; славному слава!

Перев. Издат.

О Т Ъ И З Д А Т Е Л Я .

Для пользы Русской Литературы, мы умалчиваемъ о причинѣ, по которой спашья *О. М. Солови*, подъ названіемъ *Испоминскій горы*, являеся въ одно и то же время въ Литературной газетѣ и въ С. Петербургскомъ Вѣспникѣ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Со 2 Генваря 1851 года издася въ С.-Петербур-
бургъ: С.-Петербургскій Вѣстникъ, Журналъ Сло-
весности, Театра, Новостей и Музыки.

Въ составъ сего Журнала входятъ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. а) *Проза.* Въ семъ
отдѣленіи помѣщаются оригинальныя и переводныя
повѣсти, опрывки изъ романовъ, путешествій, раз-
говоровъ и проч. б) *Стихотворенія.* Цѣлыя піэсы и
опрывки изъ Прэмъ, Трагедій, Комедій, Водевйлей и
проч.

II. БИБЛИОГРАФІЯ. Извѣстія о новыхъ Русскихъ
книгахъ, съ безпристрастными на нихъ замѣчаніями.

III. ТЕАТРЪ. Перечень Русскихъ спектаклей, съ
краткими сужденіями о новыхъ піесахъ, и объ црѣ
въ опыхъ актеровъ. Иногда будутъ помѣщаться из-
вѣстія о спектакляхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ.

IV. СМѢСЬ. Анекдоты, мысли, замѣчанія, письма
и статьи о нравахъ.

V. НОВОСТИ. Сюда входятъ извѣстія о ново-
стяхъ, заслуживающихъ вниманіе.

VI. МУЗЫКА. При книжкахъ Пестербургскаго
Вѣстника будутъ поны, преимущественно, для Фор-
тепіано и пѣнія.

Издатель, не обѣщая многого въ объявленіи, упо-
требитъ все стараніе, чпобъ сдѣлать Журналъ свой
занимательнымъ и достойнымъ вниманія образовав-
ной публики.

Письма къ издателю С.-Петербургскаго Вѣстника
благоволятъ адресовать въ книжный магазинъ А. Ф.
Смирдина.

С.-Петербургскій Вѣстникъ будетъ выходить два раза въ недѣлю: по вторникамъ и пятницамъ брошюрами, около двухъ печатныхъ листовъ въ 8 д. л. тринадцать NN: составляющъ одинъ томъ; а восемь томовъ полное годовое изданіе:

Подписная цѣна за 104 книжки, въ С.-Петербургѣ 40 рублей, съ пересылкою въ другіе города и съ доставленіемъ въ дома 50 рублей. Подписка принимается здѣсь, въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Смирдина, И. В. Слепина и во всѣхъ книжныхъ лавкахъ; въ Москвѣ, въ Университетской книжной лавкѣ А. С. Ширяева. Иногородные благоволяющъ адресоваться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго почтамта:

Издатель *Егоръ Аладьинъ.*

Особы и мѣста, получившія безденежно двѣ книжки С. Пепербургскаго Въспника, если пожелаютъ получать Журналъ сей въ печеніи всего 1831 года, благоволяше относиться съ требованіями своими во всѣ книжныя лавки, или къ издапелю, живущему Липейной части 2-го квартіала, близъ церкви Симеона, въ домъ кѹнца Михѣева, подѣ Но. 154; а Иногородные въ Газетную Экспедицію С. Пепербургскаго почштамта.

СОДЕРЖАНІЕ Но II.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Исполнскія геры, О. М. Сожова. *Стихотворенія:* Къ III—ву, Языкова. Басня, Норова. БИБЛИОГРАФІЯ. Борисъ Годуновъ, сочиненіе Александра Пушкина. СМѢСЬ. Глубокомысленные доводы Г. Габакука Пумпера, о томъ, что нашъ желудокъ естъ средоточіе вселенной. ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ. ОБЪЯВЛЕНІЕ. НОТЫ.

Печатать позволяется.

С.-Пепербургъ, 5 Генваря 1831 года.

Ценсоръ II. Гасвскій.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ИСПОЛИНСКІЯ ГОРЫ.

Изъ разсказовъ путешественника.

(Окончаніе.)

»Въ одну изъ сихъ прогулокъ, Владимила спросила у Рапомира, что значить девизъ на его перевязи: *вѣрная любовь до гроба?* Лице Рапомира вспыхнуло; онъ смутился, но сказалъ, хопя и съ крайнимъ насиліемъ самому себѣ, всю правду о первой своей спрасни къ Любушѣ, о взаимныхъ объѣмахъ своихъ и обо всемъ, что намъ уже извѣстно.

— »И вы не спѣшите, рыцарь, къ вашей любезной?« сказала Владимила такимъ голосомъ, въ которомъ, не смотря на все ея старанія скрыть пайныя движенія своей души, обнаруживался упрекъ оекорбленнаго самолюбія.

— »Я спѣшилъ къ ней, когда встрѣчился съ вами въ дорогѣ,« отвѣчалъ Рапомиръ. »По долгу спраншвующаго рыцаря, взялъ я оберегати и защищати васъ. Оспальное также

вамъ извѣстно: родителъ вашъ уговорилъ меня оспашься нѣсколько дней въ его замкъ, отъ чего я также не могъ опказашься. Но завтра я разпрошусь съ вами и съ эшимъ гостепрїимнымъ замкомъ; завтра вы увидите, что я свяпо соблюотъ на сердць и въ душѣ девизъ мой перевязи, какъ долгъ прсбуетъ отъ всякаго рыцаря, непосыдно носящаго высокое свое званіе Какова бы ни была жерпва, приносимая мною сему долгу; но я надѣюсь, что не подамъ вамъ повода перемѣнить доброе ваше мнѣніе о рыцарѣ чернаго щипа Еслибъ я смѣлъ также надѣяшьяся,» прибавилъ онъ перерывающимъ голосомъ и въ сильномъ душевномъ волненіи, «что вы не совсѣмъ изгоните меня изъ вашей памяти; по сіе было бы для меня нѣкопорою замѣной счаспїи, о копоромъ уже не смѣю я мечпашь» Рыцаръ склонилъ голову на грудь свою и только вздохи его дополнили недоговоренную имъ рѣчь.

„Сердце Владимилы было процуно и на глазахъ ея блеснули слезы. — „Повзжайте рыцаръ,“ сказала она. „будьте вѣрны той, которая прїобрѣла первую любовь вашу; будьте счаспливы съ нею А я я вѣчнымъ дѣвствомъ искупно нѣсколько дней сдоспнѣйшей мечпы и вотъ памятникъ, копорый я вамъ гоповлю въ моемъ сердць“ прибавила она шоропливо — и легкая блѣд-

поспѣ смѣнила въ щекахъ ея розы румянца. Рапомиръ съ жаромъ схватилъ ея руку и вскрикнулъ такъ; чпо бѣдная Владимла вздрогнула:

— «Объщайте мнѣ только, чпо если я чрезъ десять дней возвращусь къ вамъ, по вы не разрушите пріятнѣйшихъ надеждъ моихъ — получите руку и сердце ваше. — Возвращеніе мое будетъ значить, чпо дѣва первой любви моей нашла счастье съ другимъ, или чпо я привѣсилъ вѣнокъ изъ цвѣтговъ къ ея могилѣ
Объщайте мнѣ это»

„Объщаніе было дано, и рыцарь простился съ прелестною Владимлой, которая не знала болѣе опъ него душевныхъ своихъ чувствованій. Не такъ легко было Рыцарю отдѣлаться опъ гостепрійнаго и благодарнаго Косябы. Старый владѣлецъ сначала и слышать не хотѣлъ о скоромъ опѣздѣ Рапомира, уговаривалъ его остаться еще нѣсколько времени, намекалъ ему о предсказаніи волхва, давалъ ему выразумѣть, чпо черный щитъ, по словамъ прорицателя, долженъ былъ навсегда оградить Владимлу опъ бѣдствій и превращеній жизни, и чпо смыслъ эпихъ таинственныхъ словъ согласенъ былъ съ общимъ желаніемъ отца и дочери. Наконецъ, видя непреклонную Рапомирову твердость—въ кощору, можетъ быть, опчаспи вмѣшивалось и упрямство самолюбія — отецъ Владимлы предложилъ ему по, въ чемъ рыцарь взялъ

передъ тѣмъ обѣщаніе съ его дочери; по
естъ, чѣобы, когда цѣль Рапомирова пуше-
шесствія не исполнится, онъ возвратился бы
въ замокъ Косябы и оправдалъ предвѣщаніе
чародѣя.

»Рано поушру, нашъ рыцарь ѣхалъ по доро-
гѣ къ замку Почебушову. Онъ не лепѣлъ уже
съ прежнею бодростью и поспѣшностью: по-
груженный въ грустные свои мечты, въ без-
вѣстность будущаго, онъ бросилъ поводъ на
шею вѣрному своему коню и далъ ему волю
везти себя, куда и какъ онъ хотѣлъ. Ни пре-
леснь лѣшняго упра, ни красоты дикой, но
богачей природы, ни пѣніе раннихъ пичекъ,
кои привѣспивовали восходящее солнце—ни-
что не развлекало Рапомира: онъ ничего не
видѣлъ и не слышалъ. Поздно уже опомнилъ
рыцарь, когда увидѣлъ себя совсѣмъ не на
той дорогѣ, по которой ему должно было
ѣхать. Это однако жь не слишкомъ огорчило
его: напрошивъ, онъ находилъ въ сей игрѣ
случая какое-то предвѣспіе, чѣто найдетъ у
цѣли своего пушешесствія совсѣмъ не то, че-
го ожидалъ, и Рапомиръ почти радовался
ошибкѣ своей или своего коня. Солнце сяди-
лось уже за дальними горами, когда Рапо-
миръ, подкрѣпляемый ожившею въ немъ на-
деждою, поворошилъ коня своего въ надлежа-
щій нушь. Бодрѣе и быстрѣе прежняго про-
должалъ онъ свое спранспивованіе, и когда

мраки ночи спускались уже на землю, при-
быль нашъ рыцарь въ нѣ мѣста, гдѣ чаялъ
найши замокъ Почебупа. Но сколько ни ѣз-
дилъ онъ по окрестностямъ, не могъ опыс-
кать замокъ; уже онъ начиналъ думать, что
снова сбился съ шопы, или что горные ду-
хи надъ нимъ проказили и шуманили въ гла-
захъ его предмешы, и безъ шого не явные
подъ шемною пеленою ночи. Вдругъ луна воз-
шла изъ-за мѣсистыхъ горъ и освѣшила раз-
валины. Рапомиръ узналъ 'усадьбу замокъ, и съ
какимъ-шо смутнымъ предчувствіемъ, въ ко-
шоромъ радость мѣшалась съ горесшью, по-
скакалъ въ шу спорону. Привязавъ коня сво-
его къ одному изъ столбовъ, на которыхъ
нѣкогда поддерживался подъемный мостъ, Ра-
помиръ началъ взбираться на развалины, ко-
ихъ камни обрывались и скапывались подъ
его ногами. Поиски его были тщетны: ни
одного живаго существа, ни одного уцѣлѣв-
шаго спроенія не нашелъ онъ между сею гру-
дою каменьевъ. Уже онъ хотѣлъ сойти съ
развалинъ и отправиться по прежнимъ сво-
имъ слѣдамъ, какъ замѣтилъ, въ нѣкошоромъ
отъ себя разстояніи, нѣчто похоже на чело-
вѣка: призракъ сей возвышался надъ огром-
нымъ бугромъ, составившимся изъ рухнув-
шихъ зданій. Рапомиръ пошелъ шуда, обна-
живъ мечъ изъ предосторожности; но при-
эракъ не шрогался съ мѣста и, казалось, не

дѣлалъ пи малѣйшаго движенія. Рыцарь нашъ былъ чуждъ всякаго страха и всѣ опасности считалъ игрушкой; потому онъ отважно приступилъ къ привидѣнью, въ которомъ увидѣлъ онъ, при лунномъ свѣтѣ, женщину, иссохшую, блѣдную, съ глубокими морщинами на лицѣ и съ сѣдыми, разбитыми волосами на головѣ. Привидѣнне вскрикнуло, взглянуло на рыцаря, и къ удивленію его, сказала чашлымъ, могильнымъ голосомъ:

— »Ты ль это, Рапомиръ? Какъ могъ ты прийти въ сіи мѣста, не боясь, что развалины сіи расступятся и поглотятъ тебя, нарушителя госпепрѣимства?»

— »Но кто ты?« вскричалъ рыцарь въ свою очередь: и почему грозить мнѣ карою и придашь мнѣ такое названіе, котораго я не заслуживаю?

— »Я Кафка, несчастная мама Любуши, которую ты похитилъ.

— »Что? я похитилъ Любушу? такъ она похищена?

— »Въ самый день своего отъѣзда изъ замка. Но къ чему приговорство? кого обманывать считаешь ты необходимостью? Теперь нѣтъ уже мстишеля за честь бѣдной дѣвы и за посяганіе госпепрѣимства въ здѣшнемъ замкѣ. Отецъ ея давно лежитъ во гробѣ, и самый сей замокъ, ты видишь, въ развали-

— »Клянусь тебѣ, что не я похитилъ Любушу. Напрошивъ шого, разсказаваясь съ нею въ роцѣ, я положилъ на себя обѣтъ, опкрыто и шоржественно шребовать ея руки у опца ея. Но разскажи мнѣ, что произошло здѣсь по моемъ опбытіи.«

— »Рапомиръ и Кафка. сѣли на грудь камней, и спаруха разсказала рыцарю все что извѣшно ей было съ шой минушы, въ которую разгнѣванный Почебушъ велѣлъ запереть се въ шемницу, до дня разрушенія замка. »Подземная шюрьма моя,« прибавила она, »была забыта по смерти спараго владѣльца. Одинъ только человеклобивый спражъ, сжалась надъ моими сѣдинами и спраданіями, приносилъ мнѣ каждый день скудную пищу заключенниковъ. Въ шу спрашную годину, когда замокъ сей разсыпался опъ междуособія неисповыхъ наследниковъ Почебуша, одна спѣна моей шюрьмы обвалилась, но прочія ипри остались цѣлы. Три дня шомилась я безъ пищи, погребенная заживо въ семь душномъ гробѣ; наконецъ окружные шипелы, привлеченные надеждою богатой добычи, начали разрывать развалины, и думавъ опыскашь скрыпья сокровища въ подвалахъ замка, избавили меня опъ шомипельной смерти. Съ шѣхъ поръ живу я въ бывшей шюрьмѣ моей, оплакиваю гибель сего замка и бывшихъ его владѣльцевъ, гибель, копорой считаю и себя

одною изъ поспороннихъ причинъ. Для сего я осудила себя на произвольное зашворничество подъ сводами сего замка: шуда влѣзаю я подобно дикому звѣрю, узкимъ отверзшемъ, копорое оставлено со времени разрытія сихъ развалинъ. Жипсли сосѣднихъ сель, изъ соспрадаіи, надѣляютъ меня пищею и одждою«

— »Но скажи,« съ жаромъ перервалъ Рапомиръ слова спарухи: »не уже ли съ пѣхъ поръ не доходила до тебя никакая вѣспь о Любушѣ.

— »Увы! я ничего не могла о ней развѣдать въ здѣшнихъ окреспіносіяхъ, и до сего часа считала тебя похищеніемъ милой вскармлиницы. Но теперь какой свѣпъ вдругъ опкрываеіся моимъ глазамъ Такъ шочно! навѣрное спрашній Мрачиславъ унесъ ее въ разбойничье гнѣздо свое.

— »Мрачиславъ! Давно уже я слышу объ эпомъ исполнѣ, отъ копорого терпипъ вся здѣшняя страна. Пора наказашъ эшо чудовище за вѣ его злодѣйшва, за слезы и гореспь многихъ семейспвъ, — и я буду его карашлемъ, я опмшу ему за пѣ оскорбительныя подозрѣніа, копорыми похищеніе Любуши очернило меня въ глазахъ многихъ чеспныхъ людей Гдѣ его жилище?

— »Тамъ, на скапѣ самой высокой изъ горъ Судешскихъ, стоипъ замокъ Мрачислава. Къ

нему ведетъ только узкая, крупная пропашка сквозь чащу леса.

— »Но ты не уже ли рѣшилась погребсти навсегда дни свои въ этихъ грустныхъ развалинахъ? Спуй со мною; можешь бышь, ты доживешь до лучшаго времени

— »Нѣтъ, рыцарь, нѣтъ! Къ чему манишь себя щепными мечтами несбыточнаго счастья? Хилая жизнь моя прикована къ развалинамъ этого замка священнымъ обѣщаньемъ. Здѣсь я впервые открыла глаза; здѣсь я знала счастливейшее время: была любима, потомъ почтена и опличена предъ всеми васалами владѣльца. Здѣсь я взлѣбляла тѣные дни Любуши, видѣла цѣлый рядъ пировъ съ опца и всю нить поржествъ разцвѣтавшей красавицы; и здѣсь же была я хопя невольною, но не менѣе того виновною участницею всѣхъ золь, копорья обрушились надъ этимъ замкомъ Здѣсь я положу спарыя свои кости: имъ не должно знать другой могилы, кромъ сихъ развалинь!»

»Рыцарь, вида упорную рѣшимость спарой мамы, оспавиль ее, и тогда же, при свѣтѣ полной луны, пустился по указанной Кафкою дорогѣ къ замку Мрачиславову. Еще первые лучи солнца не блеснули на деревьяхъ и только передразвѣпный въперокъ началъ перебирать листьями, когда Рапомиръ явился у подошвы заоблачнаго пика Судетскаго и

опыскаль узкую лѣсную пропинку, по которой никакъ нельзя было взбираться верхомъ. Рыцарь ославя вѣрнаго коня своего въ гнѣбнн дѣрѣевѣхъ подѣ горою, пошелъ вверхъ по пропинкѣ, опираясь на булаву свою и цѣпляясь за сучья. Скоро очутился онъ у широкаго обрывистаго рва, непомѣрной глубины, копорымъ окруженъ былъ весь замокъ. Рыцарь оспановился въ раздумьѣ и глазами измѣрять ровъ: перескакнушь чрезъ него не было возможности даже самому сильному коню; спустишься въ него, по крупизнѣ оврага, также было не лзя: рыцарь увязъ бы въ иинѣ и никакъ бы не выбраля на прошивоположную сторону, копорая споль же была круша.

— «Одно средснво остаеся мнѣ,» думаль Раиомиръ, подпершись своею булавою и смотря на высокiя, неприступныя стѣны замка: «одно средснво—запрубишь въ рогъ и вызвашь Мрачислава на бой со мною. Но эпопъ дикой, коварный великанъ не признаесть правъ рыцарснва и не имѣесть ни малѣйшаго пониянiя о законахъ чести: онъ скорѣе запрешся въ своемъ замкѣ еще крѣпче прежняго и будетъ въ меня бросать огромными камнями и цѣлыми бревнами. Говоряшъ, что онъ ворочаетъ въ рукахъ большой дубъ еще гораздо свободнѣе, нежели я эту булаву. И что за радость, безъ славы и даже безъ боя уме-

решь отъ руки урода, который изъ своей засады спанешъ меня бить, чѣмъ попало? Иное дѣло, если бѣ онъ шелъ открытою силой; но этого навѣрное онъ не сдѣлаетъ. Да и знаю ли я навѣрное, что онъ-то именно похитилъ Любушу? Я, какъ ребенокъ, повѣрилъ словамъ полоумной епарухи, которая упрашила послѣдній разсудокъ, живучи въ своей берлогѣ, и которая сама изъясняла мнѣ только свои загадки. Но положимъ, что Любуша точно за этими спѣнами; то кто знаетъ? . . . время одиночество «Оспального онъ не докончилъ, и, довольный своею логикой, рѣшилъ, что безразсудно пускаться въ такую опасность, гдѣ гибель почти явная, а никакого успѣха ожидать было не можно и не должно. Въ слѣдъ за такимъ рѣшеніемъ, онъ спустился съ горы, сѣлъ на коня и поскакалъ во весь опоръ къ замку опца Владимилна.

»Не трудно ему было, по прїѣздѣ туда, сказать правдоподобную и опчаспи даже справедливую отговорку: замокъ Почебуша былъ разрушенъ, что извѣстно было во всей Богеміи; никакихъ слѣдовъ, никакихъ признаковъ того, что спалось съ Любушей, рыцарь не могъ отыскать, хотя изъяслялъ о томъ весьма сильное сожалѣніе, не знаю, искреннее или припворное Короче, не прошло и двухъ недѣль, какъ новые шумы зашумѣли въ зам-

къ гостепріимнаго Кослябы—и эти пиры были даны по случаю бракосочетанія прекрасной Владимилы съ храбрымъ Рапомиромъ, который въ объятіяхъ очаровательной своей супруги скоро утѣшился о потерѣ Любуши.»

— «А вѣрная Любуша?» спросили мы въ одинъ голосъ.

— «Она также утѣшилась и осталась доброю волею въ замкѣ исполиновомъ, хотя Мрачиславъ больше и не сперегъ ея. Преданіе говоритъ, что любобышная и неоспорожная молодежь окрестныхъ селеній часто видала ее на подзорной башнѣ замка, что будто бы Любуша сидѣла тамъ всегда на колыняхъ у великана; что будто бы даже видали, какъ она апласными своими руками гладила ноздреватую рожу Мрачислава, или нѣжными своими пальчиками играла въ жесткихъ, всклокоченныхъ волосахъ рыжей его бороды Не понимаю, какія достоинства имѣла она въ этомъ уродѣ; и то правда, что своенравіе женщины необъяснимо.

— «Благодарю за доброе мнѣніе о насъ,» молвила Баронесса съ видомъ обиженнаго самолюбія.

— «Оно ежели не со всѣмъ лестно, то по крайней мѣрѣ справедливо;» отвѣчалъ Археологъ съ самымъ убійственнымъ хладнокровіемъ.

Баронесса сдѣлала кислую ужимку, но не отвѣчала ни слова.

— «Что жь было послѣ?» спросилъ я.

— «Послѣ было то, ошвѣчалъ Археологъ,« что ошъ прекрасной Любуши и безобразнаго Мрачислава породилось цѣлое племя исполиновъ, ошъ коихъ горы сіи получили нынѣшнее свое названіе. Исполины эши были истиннымъ бичемъ всѣхъ окрестностей; захватывали стада, грабили жителей, помонили ихъ женъ и дочерей; пока наконецъ самые храбрые рыцари и самые сильные Бароны изъ всей Богеміи, Силезіи и Лузации, не собрались поголовнымъ ополченіемъ, не испребили всѣхъ исполиновъ огнемъ и мечемъ и не разорили до основанія гнѣзда ихъ, древняго замка Мрачиславова, ошъ котораго теперь не ошпалось ни камня, попому что всѣ Бароны, рыцари и даже ихъ вассалы, разнесли эши каменья по домамъ, на вѣковѣчную память своего опважнаго похода и знаменипыхъ своихъ подвиговъ. Послѣ сіи каменья, въ печеніи вѣковъ, ушращились, а съ ними и воспоминанія о походѣ, о кошоромъ даже историки ничего не говорили. Одиѣ только горы названіемъ своимъ сохранили память исполиновъ.»

Археологъ нашъ замолчалъ. Слушатели его то же молчали нѣсколько минушъ, и казалось, что у каждаго изъ нихъ (исключая меня) было на умѣ какое-то замѣчаніе. Наконецъ Баронесса первая, лукаво улыбаясь, поз-

дравила Археолога съ удачнымъ выборомъ героинь его повѣсти.

— »Я ихъ не выбиралъ,« опивчалъ Археологъ съ видомъ прѣсподушія; »а нашелъ ихъ такими, каковы онѣ вамъ показались, на безприспращіиныхъ страницахъ древнихъ хроникъ, и въ томъ же видѣ передалъ ихъ моимъ слушателямъ.«

Баронъ замѣпилъ, что преданіе объ испанскихъ горахъ немного длинновато; что оно наполнено такими подробностями, которыя иногда отзываются анахронизмомъ, и что вообще въ немъ мало исторической критики. Молодой нашъ любитель музыки громко досадовалъ на невѣрность Рапомпра и Любуши, и на то, что первый изъ нихъ не оправдалъ подъ конецъ добраго мнѣнія, которое сначала поселилъ онъ о себѣ отважною своею увѣренностію въ собственныхъ достоинствахъ и даже своими подвигами. Я молчалъ, потому что былъ вполне доволенъ разговоромъ и принималъ въ немъ все на чистыя деньги; а весельчакъ нашъ Французъ, не привязываясь ни къ чему въ повѣсти, повелъ спорною весьма остроумною рѣчь объ импровизаторахъ, о стихахъ и разказахъ на заданныя слова, о пріятельскихъ мистификаціяхъ и проч. и проч. Во время всѣхъ остальныхъ замѣчаній, Археологъ нашъ, открывъ пабакерку, медленно перемѣшивалъ въ ней пальцемъ пабакъ и смотрѣлъ въ нее, покусывая себѣ губы; но не говорилъ больше ни слова.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Н Е З А Б У Д Ъ М Е Н Я .

Здѣсь, на брегѣ Финскаго залива,
 Трачу жизнь! . . . Изъ родины пивоей
 Тихій, жаркій въпрѣ душѣ моей
 Въспѣть звукомъ нѣжнаго призыва
 Дѣва милая! не жди меня
 Къ порожеству условленнаго дня!

Я не власень, вѣрь мнѣ, я не волець
 Свѣтлый парусъ счастья подышь:
 Въ небѣ медлишь кормчій — благодать!
 Но чѣмъ спражду, чѣмъ я внайль боленъ, —
 Все сказала я Ангелу любви . . .
 Ты узнаешь все — его зови!

Заклинай его—волшебнымъ словомъ,
 Троекрапнымъ вздохомъ и слезой —
 И услышишь шопотъ пады собой,
 И незримый дымчанымъ покровомъ
 Всю тебя внезапно обовьентъ —
 И про друга слово поведетъ

Огъ паръчьемъ дивнымъ перескажетъ
 Все тебѣ, въ шипящей иници,
 И моей спрдадельской души
 Образъ пламеняющій покажетъ
 Тамъ горнишь и блещетъ, средь огня,
 Эша просьба: *Не забудь меня!*

Баронъ Розенъ.

С Ъ Т О В А Н І Е.

[Музыка, соч. Молганова, въ концѣ сей книжки.]

Прошли шѣ дни, когда внимательной Полинѣ,
 Какъ даръ любви, я пѣсни посвящаль;
 Быль дѣвою любимъ, и счастья богинѣ
 Въ своей душѣ счастливой не пеняль!

Тѣ дни прошли! Моя Полина воспарила
 На небеса! Полины пѣсть со мной! . . .
 Увы! Пѣвцу любви фортуна измѣнила
 Я въ мѣрѣ семь оспался сиропой! . . .

И, о минувшихъ дняхъ мечтая, по неволѣ
 Не престаю пеперь я слезы лишь
 Несчастіе—о нихъ воспоминашь въ сей долѣ,
 Несчастіе—въ душѣ на вѣкъ ихъ испребишь!

О память, замени падежду мнѣ злашую!
 Мнѣ грустно безъ любви дни мрачныя влачить
 Я знаю, съ ней прощусь въ минушу роковую
 Но, ахъ! Полинѣ въ жизни сей могу ли не любить!..

Н. Лутковскій.

~~~~~

Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

4) *Альциона*, Альманахъ на 1831 годъ. Изданъ Барономъ Розеномъ: С.-Петербургъ. Печатано въ типографіи Плюшара. 223 и 91 стр. въ 16 д. л.

Изъ 7 прозаическихъ статей, вошедшихъ въ составъ Альманаха, мы назвали бы лучшею по сея занимательности статью Повѣсть: *Коститинъ Левинъ*,

написанную самимъ Г. Издашелемъ, если бы слоть ея не бѣлъ мѣстами черезъ чуръ непонянно-высокопаренъ. Представимъ доказательства нами сказаннаго: (стр. 43) «ны пѣла горную пѣсню: моя жадная душа повисла на пивохъ пѣжныхъ розовыхъ уснахъ, у испощника гармоніи, упиваясь сладкой струею звуковъ. (стр. 79) «Медленно и пѣжно развязывая узелъ цвѣстной любви, хочу развивать мое чувство» (стр. 86) «Я художникъ: понимаю идеальныя сношенія высшей любви; но они счастливыя лишь тогда, для котораго не было вида на розовый садъ супружества съ ангеломъ!»

Сонъ и странное явленіе въ нравственной природѣ человека. Сія двѣ сцены Э. Н. Глинки пренеполнены высокихъ мыслей, не всѣми досягаемыхъ.

Рыцари храма, соч. В. Пл—на. Это старая погудка на новый ладъ.

Обыкновенный случай, анекдотъ давно извѣстный на Русси: о золотомъ кольцѣ и иукѣ (перемьянованной нынѣ въ осепра) пріятно и замысловато разсказанъ вновь Г. Каргофомъ.

Писательница. Отрывокъ изъ воспоминаній о Германіи. Н. И. Греча. Занимательность разсказа Автора о знакомствѣ его съ Г-жею фонъ-Рекке, сочинительницей писемъ объ Италіи и чисто Русскій языкъ, украшающій разсказъ сей, дающъ означенному отрывку неотъемлемое право на первое мѣсто въ *Альціонтѣ*.

А разсказъ Подпоручика В . . . по всей справедливости долженъ занять и занимаетъ послѣднее въ ней мѣсто.

Изъ *Стихотвореній* мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли: *Разливъ Днѣпра*, Подолинскаго, *Мирологъ* и *Изступленіе* Барона Розена, два посланія Языкова, и къ *милому дитяти* О. Н. Глипки. Сія послѣдняя піэска оканчивается испишно наивными спяшками:

Приди: мнѣ весело тебѣ!

Погладшь, съ лаской, по головкѣ!

М. Алексѣевъ.

5) *Альманахъ анекдотовъ*, 1831. С. П. бургъ. Въ типографіи Пудей сообщенія, стр. 252 въ 16 д.

Г. Зейдель, извѣстный въ литературномъ мірѣ редакціею газетъ, если позволено іпакъ назвать *Бабогку*, издалъ, по прежнему примѣру, и на сей годъ *Альманахъ анекдотовъ*, составленный болышею частію изъ переводовъ самого издателя. Часть помѣщенныхъ въ ономъ *Альманахъ анекдотовъ* принадлежатъ ко времени появленія въ свѣтъ *Курганова писмовника*, а остальные за іпѣмъ анекдоты, (съ небольшимъ изключеніемъ) напечатаны были въ газетѣ Г. Зейделя. Въроянно твердо увѣренный въ то, что газету его почти никто не читаетъ, онъ рѣшился дать гласность важнѣйшимъ спаньямъ, ее составляющимъ, и именно: анекдотамъ. Въ слѣдствіе чего, если мы не ошибаемся, Г. Зейдель издаетъ уже два года помянутый *Альманахъ анекдотовъ*.

М. Алексѣевъ.

Т Е А Т Р Ъ.

Взглядъ на Русскіе спектакли съ 1 по 7
Января 1831 года.

1 Января даны были: на большомъ театрѣ: Комедія *Мужъ и любовникъ*, Р. М. Зотова, а за оными невеликолѣпный балетъ *Альцеста*, съ великолѣпнымъ спектаклемъ. На маломъ театрѣ: Шиллерова трагедія *Коварство и любовь*, въ которой грѣхи переводчика испунались игрою Г. и Г-жи Каратыгиныхъ, да *Карантинъ*, старый, но не устарѣлый водевиль Н. И. Хмельницкаго, привлекли многочисленную публику.—Зрители съ неперпнѣемъ ожидали подыятія завѣса: въ афишахъ было напечатано, что роль *Маршала* играстъ Г-жа *Каратыгина м.* Всѣ дивились такой повинкѣ. Напоследокъ началась, кончилась трагедія, и мы догадались, что въ афишѣ была опечатка: мы не видали Г-жи *Каратыгиной м.*, роль *Маршала* занималъ, Г. *Каратыгинъ м.*

2 числа, за болѣзнію Г. *Самойлова*, опмѣнена дышущая, на нашей сценѣ, талантомъ сего заслуженнаго артиста опера: *Отецъ и дочь*. Въместо оной мы видѣли, на большомъ театрѣ, такъ называемую, *Дочь волшебнаго міра*, переведенную будто бы съ Нѣмецкаго. Въ этой піесѣ, гдѣ

Спиря

Сбитъ чепыре,

А Давидъ

Цянь свалить!

по свидѣтельствѣ Сѣверной Пчелы, Германскіе и Венгерскіе волшебники *проказятъ не путемъ* надъ бѣднымъ Русскимъ крестьяниномъ, заспавляя его говорить не по Русски. Намъ кажется, что эти же волшебники проказятъ и надъ Г. Переводчикомъ *дочери волшебнаго міра*, обличая въ немъ, Г. Переводчикъ совершенное незнаніе языковъ: Русскаго и Нѣмецкаго: самыя простыя и употребительныя въ обществѣ слова исковерканы безъ милосердія: das Mädchen значишь у него дочь, [оно, впрочемъ, и такъ! нельзя же называть дѣвушку сыномъ!] Der Bauer пожалованъ въ вѣпошники, Zufriedenheit переименовано въ спокойствіе, а изъ золы [Asche] сдѣланы пряпки! . . . Последнее опкрышіе не маловажно, однако же, для Гг. Химиковъ и бумажныхъ фабрикантовъ! [Досель пряпки превращали въ золу, а теперь вышереченный переводчикъ обращаетъ золу въ пряпки.] Но довольно, заключимъ замѣчанія наши объ этой пьесѣ, желаніемъ, чтобы какой нибудь благодѣтельный волшебникъ, для пользы Русскаго театра, *перевелъ* у насъ подобныхъ *переводчиковъ!* . . .

3 числа прещалъ двадцати-пяти-градусный морозъ; вотъ почему не играли *Иерока*, а *Жена и должность*, съ комп. не были у должности.

Послѣ *Людмилы*, этой мерзлой драмы, въ которой есть и измѣна какой-то Нѣмецкой Графини, и женскъ-мертвецъ, [спект. 4 Января на б. п.], взглянувъ, 6 числа, на старыхъ знакомцевъ: *Школу злословія* и

Еще Сулатору, [мал. п.], посмѣявшійся съ *Женихомъ двухъ невѣсть*, — полюбовавшись *Пастушкой, старушкой-болшеблицей* — и вздремнувъ отъ стародавнихъ *Сюрпризовъ Татьяны прекрасной*, [пов. п.], мы надѣемся насладиться сегодня бенефисомъ Г. *Каратыгина б. Кривая рука*, извѣстная Кальдеронова трагедія, и комедія *Изора, или бѣшеная*, ожидающъ насъ въ пынѣшнемъ спектаклѣ, о которомъ мы постараемся дасть опчепъ нашимъ читателямъ, въ слѣдующей книжкѣ **С.** Петербургскаго Вѣспника.

7 Января.

Издатель.

С М Ъ С Ъ.

НЕ ХУДО БЫ ВВЕСТИ ЭТО И ВЕЗДѢ!

(Изъ *Цшокке*.)

Тамъ далеко, за Швеціей и Англіей, вблизи холоднаго Ледовитаго моря, вблизи Сѣвернаго полюса, лежить суровая Гренландія, въ сосѣдствѣ коей, не только водятся, но и ловятся тюлени и сельди.

Гренландцы народъ бѣдный, живутъ и одѣваются дурно, науки у нихъ въ упадкѣ; но, не смотря на это, многія изъ благоразумныхъ учрежденій ихъ достойны, и съ нашей стороны, подражанія.

Танцуя и припѣвая, (такъ рассказываютъ мореходцы въ своихъ извѣстіяхъ о Гренландіи), кончаютъ жишели сего острова все споры и ссоры между собою. Если одинъ изъ нихъ считаесть себя обижен-

вымъ опъ друговъ, онъ не даетъ воли своему гнѣву и досадѣ, ибо гнѣвъ, какъ думаютъ Гренландцы, уподобляетъ человека скоту, но въ пищии складывается шуточную пѣсню, повторяетъ ее, въ присутствіи своихъ домашнихъ и въ особенностн женскаго пола до пѣхъ поръ, пока всѣ не затвердятъ ее наизусть. Тогда объявляетъ онъ цѣлому обществу, что хочетъ пѣть на своего пропнвника.

Сей послѣдній попчасть являеться въ назначенное мѣсто, спановиця въ кругъ слушателей, и обиженный поетъ ему, приплясывая подъ барабанъ, такія забавныя испицы, что слушатели помирають со смѣху. Каждую пропштую строфу повторяють домашніе пѣвца.

По окончаніи этой пѣсни, выходитъ впередъ обвиняемый, танцуя и припѣвая опвѣчаетъ на всѣ обвинения, такимъ же смѣшнымъ манеромъ; потомъ обиженный поетъ снова, топъ опровергаетъ его возражительною пѣснью,—и кто удержитъ за собою послѣднее слово, на чьей спорой болѣе смѣющихся; топъ выигрываетъ дѣло. Пропнвники могутъ говорить, разумѣется на распѣвъ, другъ другу самыя горькія испины и самымъ шуточнымъ образомъ, но опшодъ не должны позволять себѣ ни малѣйшей грубости. Большинство голосовъ рѣшаетъ кто правъ, кто виноватъ,—и обѣ партіи становящяся потомъ друзьями.

Польза подобныхъ случаевъ очевидна: одинъ страхъ общественнаго стыда поддерживаеть чорядокъ въ

Гренландіи, сохраняетъ чистоту нравовъ между жителями, [которыхъ, впрочемъ, у насъ считаютъ за полудикихъ], напоминаетъ должникамъ объ уплатѣ, отвращаетъ ложь и злословіе, и проч. и проч.

Такъ какъ мы сами недалеко ушли, съ нашимъ образованіемъ, отъ такъ называемыхъ полудикихъ, а между тѣмъ, любимъ также побранишься и попугаться, то, я полагаю, было бы весьма не худо ввести и у насъ въ обыкновеніе ссориться Гренландскимъ манеромъ. Разумѣется, что въ такихъ обстоятельствахъ мало было бы работы судьямъ и спряччимъ, за то прибавилось бы дѣла учителямъ, музыкантамъ, танцмейстерамъ и сапожникамъ. Сверхъ того, въ наше скучное время, было бы чему и пошутиться.—Смѣхъ полезенъ для здоровья, гнѣвъ же и досада убивственны.

Одна эта выгода уже не бездѣлица. Но сколько еще радостей ожидаетъ насъ, если мы рѣшимся ссориться, впередъ, прямо по Гренландски! Напримѣръ, сколько головъ и кошельковъ уцѣляли бы тогда?

Извѣстно цѣлому свѣту, что наши дамы любятъ, въ свою очередь, побранишься; извѣстно, что онѣ любятъ и пошанцоваться: такъ, для нихъ было бы всего пріятнѣе бранишься по Гренландски потому, что онѣ могли бы и шанцоваться въ то же время.—Мужьямъ-спрадаляцамъ оставалось бы только позаботиться, чтобъ былъ барабанъ или дудка въ запасъ; — жена, вмѣсто того, чтобъ ругаться, кричать и спучать, какъ прежде, пошчасъ погрозила бы своему муженьку менуешомъ или вальсомъ, и запѣла бы ему любую пѣсенку, на примѣръ:

Nocho! Eisi la mi upe

Въ деревняхъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю былъ бы Троицынъ день; а въ городахъ, вмѣсто по-

го, чтобы волочить другъ друга по судамъ,—двѣ пропившія партіи приглашали бы одна другую на балъ или въ въ концертъ—и это значило бы: «поборимся!»

Желательно также, чтобы эту прекрасную манеру ссориться по Гренландски попробовали ввести въ употребленіе и въ арміяхъ.

Какой торжественный видъ, когда бы, на примѣръ, сто тысячъ человекъ пѣхоты и кавалеріи, вмѣсто неучливой пальбы и рукопаннаго боя, заплѣли столюкимъ же своимъ пропившикамъ какую нибудь веселую пѣсню, такъ, что у нихъ и у всѣхъ слушателей трещали бы уши.—Какъ умиленно было бы видѣть еслибъ двѣ арміи, при звукѣ барабановъ и военной музыки, заплясали багаліонами менушты или англезы, потомъ закусили бъ вмѣстѣ по пріятельски, и разошлись по домамъ!

Замѣчательно, однако же, то, что народы, считаемые у насъ за полудикихъ, во многихъ отношеніяхъ, думаютъ и поступаютъ благоразумнѣе, чѣловѣколюбивѣе, нежели мы, считающіе себя людьми образованными, мы, озаренные свѣтомъ Христіанской религіи!

Съ Нѣмецъ. *Егоръ Аладыинъ.*

СО Д Е Р Ж А Н І Е No. III.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Исполнскія горы; соч. *О. М. Солова.* *Стихотворенія:* Не забудь меня; соч. *Барона Розена.* Сътованіе; соч. *Н. Лутковскаго.* БИБЛЮГРАФІЯ. Альціона. Альманахъ Анекдотовъ. ТЕАТРЪ. Взглядъ на Русскіе спектакли съ 1 по 7 Января 1831 года. СМѢСЬ. Не худо бы ввести это и вездѣ. **НОТЫ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 8 Января 1831 года.

Ценсоръ. *П. Гаевскій.*

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

П Ъ В И Ц А.

(П о в ѣ с т ь.)

I.

— „Необыкновенный случай!“ говорилъ Коммерціи Совѣтникъ Вальнау одному изъ своихъ знакомыхъ, встрѣпившись съ нимъ на широкой улицѣ въ Б . . . „Согласишесь сами, что теперь настали худыя времена.“

— „Вы конечно думаете о произшествіяхъ на Сѣверѣ?“ опвѣчалъ знакомый. Не получили ль вы какихъ нибудь извѣстій о шорговлѣ . . . Не сообщили ли вамъ чего, по старой дружбѣ, Министръ Иностранныхъ дѣлъ?..

— „Ахъ, убирайтесь отъ меня съ вашею полипикой; какая мнѣ до нее нужда! . . . Нынѣ, я говорю о произшествіи съ Фіамешпи.

— „Съ пѣвицею?—А что? говоряшь, она поссорилась съ Капельмейстеромъ. —

— „Ахъ, Богъ мой!“ вскричалъ съ удивленіемъ Коммерціи Совѣтникъ: „да въ какой шушубѣ вы живете, когда не знаете о томъ, что дѣлается въ городѣ? . . . Не уже ли не слышали вы ничего о случившемся съ Фіамешпи.

— „По чести, ни слова! . . . Скажите, что такое? —

— „Ну, ни больше, не меньше, какъ только то, что ес въ нынѣшнюю ночь зарѣзали.“

Коммерціи Совѣтникъ въ кругу своихъ знакомыхъ считался за большаго чудака; онъ имѣлъ привычку каждое утро отъ одиннадцати часовъ до самаго обѣда прогуливался по широкой улицѣ, останавливаясь встрѣчнаго и поперечнаго и рассказывать имъ небылицы. Знакомый выслушалъ его очень хладнокровно, и спросивъ съ усмѣшкою: „больше никакихъ новостей сего дня? . . . Право, я бы совѣповалъ вамъ, для будущей нашей встрѣчи, выдумать чтонибудь поумнѣе, а то вы заспавите меня дѣлая большой кругъ, чтобъ миновать эту дорогу, идучи изъ канцеляріи домой.

— „Онъ опять не вѣришь!“ вскричалъ непремѣнный членъ гульбища, „прошу покорно, онъ опять не вѣришь! — Если бы я сказалъ ему, что убили Мароккескаго Императора, такъ онъ бы за это извѣстіе ухватился зубами и цуспился съ нимъ по всему городу; а здѣсь, въ Б . . . умертвили театральную пѣвицу—и еопъ нижно не хочепъ вѣришь, пока не увидишь ея похоронъ.—Нѣшь, дружокъ, это правда, сушая правда!“

— „Помилуйте! подумайте, что вы говорите? . . . вскричалъ знакомый въ изумленіи.

Пѣвица убита? . . умерла, сказали вы? . .
Фіамешши убиша? . . .

— „Сколько извѣстно, она еще не умерла, а находится при послѣднемъ издыханіи.“

— „Но расскажите, ради Бога, за чѣю и кому убить пѣвицу? — развѣ мы живемъ въ Италіи? гдѣ же наша хваленая полиція? . . какъ могло это случиться? —

— „Да не кричите во все горло,“ отвѣчалъ Вальнау.— „Люди выглядываютъ изъ оконъ.— Какъ это могло случиться? говорите вы: въ помѣ-шо и дѣло, что до сихъ поръ никто этого не знаетъ. — Вчера ввечеру была она еще въ редушѣ, — любезна, обворожительна, какъ и всегда; а въ двѣнадцать часовъ ночи вдругъ будящъ нашего Лейбъ-Медика Ланге, говорящъ ему, Синьора Фіамешши умираетъ, ранена въ самое сердце. — Весь городъ говоритъ теперь объ этомъ, и говоритъ, разумѣется, вздоръ.— Никакъ нельзя добраться до испины; на примѣрь, ни въ домъ, ни изъ дому никого не пускаютъ, кромѣ Доктора и служителей пѣвицы.— Объ этомъ и при Дворѣ уже знаютъ.

— „Что вы говорите? . . и вовсе неизвѣстно, какъ это случилось? . . нѣтъ никакихъ слѣдовъ? . . .

— „Очень трудно изъ разныхъ слуховъ и догадокъ вывести вѣрное заключеніе. — Фіамешши, надобно сказать правду, преблаго-

нравная дѣвушка, но таковы-шо нынче иные люди, а особливо женщины! — заговори при нихъ о похвальномъ поведеніи бѣдной пѣвицы, — они пожимаютъ плечами, хошятъ знашь, каково жила она прежде? — Гмъ! каково жила она прежде? Полшора ужь года Фіамешши здѣсь, а ей всего семнадцатой годъ оцъ роду, какую же прежнюю жизнь счишать за нею?

— „Оспавыше ваше вспуленіе,“ неперпѣливо прервалъ знакомый — а говорише дѣло: — не знаютъ, кпо ея убійца? —

— „Я шо-шо и хошѣлъ вамъ сказашь. По эшимъ слухамъ, долженъ быть, какой-нибудь ревнивый обожатель въ ошспавкѣ. — Обснопельспива, однако же, очень спранны. — Говорятъ, вчера въ редушѣ, она разговаривала весьма долго съ одною неизвѣсною никому маскою; вдругъ вздумалось ей уѣхать домой, и нѣкоторые люди, сказывающъ, видѣли, что маска съла съ нею въ карешу. — Больше ничего навѣрное неизвѣстно, но я скоро, скоро узнаю . . . . .“

— „О, вы, имѣете такіе способы — и конечно въ домѣ Фіамешши у васъ. не безъ услужливаго генія — Еспь люди, копорые называющъ васъ городскою хроникою.“

— „Много чести, много чести!“ ошвѣчалъ Коммерціи Совѣтникъ, улыбаясь съ чувствомъ самодовольствія. — На эшошъ разъ, однако же, у меня нѣтъ другихъ шпіоновъ, кромѣ само-

го Лейбъ-Хирурга. Вы конечно замѣтили, что я, прошивъ моего обыкновенія, прохожу не всю длину улицы, а держусь болѣе между Карловою и Фридриховою улицами?

— „Какъ не замѣнить; но я думалъ, что вы парадируете подъ окнами Спасской Со-вѣщницы Барухъ?

— „Оспавъте меня въ покоѣ съ вашею Барухъ! мы уже дня съ три какъ поссорились; это знакомство не нравилось моей женѣ.—А вошь, всякой день около двѣнадцати часовъ проходишь здѣсь въ замокъ Лейбъ-Хирургъ Ланге; и его-то я поджидаю.“

— „Такъ я останусь съ вами,“ сказалъ знакомый: „мнѣ неперпѣливо хочется узнать повѣрѣе приключеніе Фіамешти.—Вы позволите это, Вальнау? —

— „Къ чему безпокоишься, дорогой мой!“ отвѣчалъ шопъ, — „вы обѣдаете всегда въ двѣнадцать часовъ: не дайте же проспунуть вашему супу; сверхъ того Ланге, при васъ, можетъ быть, и не слишкомъ разговорится. Приходите, лучше, послѣ обѣда въ кофейный домъ, тамъ вы все услышите.—Убирайтесь же, вошь онъ показывается изъ-за угла.“

II.

— „Я не считаю рану смертельною,“ — говорилъ Вальнау, Лейбъ-Медикъ Ланге, послѣ нѣкоторыхъ комплиментовъ. „Ударъ, кажется, былъ сдѣланъ неопышною рукою. Фіа-

мешши прищла уже въ себя и выключая слабости, ошъ большой потери крови, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ она въ опасности.

— „Очень радъ,“—отвѣчалъ Коммерціи Совѣтникъ, пожимая доктору руку. „Я провожу васъ до замка, только расскажите мнѣ, ради Бога, чтонибудь пообещательнѣе объ этомъ;—нельзя понять, какъ могли случиться такіа диковинки.

— „Клянусь вамъ,“ отвѣчалъ медикъ, что глубокая шайна покрываетъ все это происшествіе.—Едва только я заснулъ, какъ мой Иванъ будитъ меня, говоря, что весьма, опасно больной имѣетъ нужду въ моей помощи. Я вспаю, одѣваюсь, выхожу въ залъ; память встрѣчаетъ меня блѣдная, дрожащая дѣвушка, которая едва слышнымъ голосомъ проситъ меня, чтобъ я взялъ съ собою все нужное для перевязки. Это меня удивило, однако жъ, мы садимся въ карету, дѣвушка указываетъ дорогу и наконецъ мы оснавливаемся у одного небольшого домика. Тутъ я спрашиваю объ имени больного? . . .

— „Можно себѣ предсавить, какъ вы удивились “ —

— „И почно удивился, когда услышалъ, что это гѣвица Фіамешни! Я зналъ ее только по театру и видѣлъ не болѣе двухъ или трехъ разъ; но эта шайнственность, съ какою меня вызвали изъ дому, и просьбы дѣ-

вушки, признаюсь,—привели меня нѣсколько въ смущеніе.—По маленькой лѣспницѣ взошли мы во второй этажъ; дѣвушка побѣжала впередъ, оставя меня дожидаться въ поѣздахъ; черезъ минупу возвратилась, рыдая и еще блѣднѣе прежняго.—Войдите, Г. Докторъ, сказала она; ахъ, кажется вы опоздали, ей не оставаться въ живыхъ! . . Я вошелъ и ужаснулся . . .

Лейбъ-Медикъ замолчалъ, погрузясь въ мрачную задумчивость. Казалось, что ему представлялось такое зрѣлище, которое онъ тщетно старался изгнать изъ своей памяти.

— „Ну, что вы увидѣли?“ вскричалъ нетерпѣливый его проводникъ: „пожалуйста говорите скорѣе, не оставляйте меня въ неизвѣстности.“

— „Со мною бывали такіе случаи въ жизни,“ продолжалъ Докторъ, собравшись опять съ духомъ, которые иногда меня ужасали, приводили въ трепетъ; но ни что такъ сильно не дѣйствовало на мое сердце, какъ это зрѣлище.—Въ слабо-освѣщенной комнатѣ, лежала на софѣ молодая, блѣдная женщина, передъ нею стояла на колѣняхъ спарая служанка, прижимая планокъ къ ея груди. Я подошелъ ближе; какъ мраморъ бѣлая, какъ прелестный бюстъ, безъ движенія, лежала голова умирающей на подушкѣ;—черные, разсыпавшіеся

по плечамъ локоны, темныя брови и ресницы закрывшихся глазъ, представляли ужасную противоположность съ мертвою блѣдностію лба, лица и шеи. Бѣлая богатая одежда, которая вѣроятно была маскараднымъ ея платьемъ, смочена кровью, кровь на полу—и кровь, казалось, струилась изъ груди ея. Вошь что представилось вдругъ моему взору—и это была пѣвица Фіаметти!

— „Ахъ, Боже, какъ это меня прогаешъ!“ сказала Коммерціи Совѣтникъ, вынимая изъ кармана большой шелковый платокъ, чтобъ оперещь слезы.—„Такъ, точно такъ лежала она съ недѣлю тому назадъ, и именно въ прошедшее воскресенье, въ оперѣ Отелло, гдѣ она играла Дездемону. И тогда эта сцена произвела въ зрителяхъ такое сильное впечатлѣніе, что многіе полагали, будто бы Венеціанскій Мавръ дѣйствительно закололъ ее. Теперь точно такъ и случилось съ нею; какъ это меня прогаешъ! —

— „Полно, полно,“ прервалъ его Медикъ; развѣ вы забыли, что вамъ запрещено бытъ чрезмѣру чувствительнымъ, развѣ опять и насильно хотите приманишь къ себѣ старые ваши припадки? —

— „Правда, правда!“ сказалъ Коммерціи Совѣтникъ, спрятавъ поспѣшно свой платокъ въ карманъ.—„Ваша правда; я, по моему сложенію созданъ не для чувствительности. —

Продолжайте же рассказывать, а я между темъ спану считашь спекла въ окнахъ у Военнаго Министра; вѣдь это помогаеть опть первическихъ припадковъ.“

— „Спарая служанка опняла платокъ, и я съ удивленіемъ замѣнилъ близь самага сердца рану, опть широкаго ножа. Тупъ не было времени для распросовъ, какъ ни вертѣлись они у меня на языкъ; я осмотрѣлъ и перевязалъ рану. Пѣвица во все продолженіе этой перевязки не показывала ни малѣйшаго признака жизни, вдругъ она вздрогнула съ нѣкоторымъ болѣзненнымъ чувствомъ, я велѣлъ ей дань покой и самъ наблюдалъ за ея сномъ.“

— „Но горничная и спарая служанка? — развѣ вы ни о чемъ ихъ не спрашивали? . . .“

— „По старой дружбѣ, я хочу бынъ съ вами опкровеннымъ, Совѣшникъ. Послушайте, когда болная уснула, я рѣшилсь опть потребовать опть женщинъ, чптобы онѣ объяснили мнѣ это происшествіе.“

— „Ну, что же онѣ сказали? . . да, говорите.“

— „Въ двѣнадцатомъ часу Пѣвица возвратилась домой; съ нею была незнакомая маска высокаго роста. При этомъ извѣшніи, женщины, вѣролно, прочли на лицѣ моемъ какое-то подозрѣніе, начали снова плакать и заклинали меня всѣми возможными клятвами,

не думать ничего дурного на счетъ ихъ госпожи; особливо горничная, которая какъ видно начиналась романовъ, божилась мнѣ, что Синьора скромна и невинна, какъ овечка.—

— „И я то же утверждаю!“ вскричалъ разшроганный Коммерціи Совѣтникъ и началъ счищать стекла въ окнахъ дворца, къ кошорому они приближались; и я утверждаю то же: ничего худого нельзя сказать про Фіамешни; она добрая, любезная дѣвушка. Виновапа ли она въ шомъ, что хороша собою и должна жить своимъ талантомъ?

— „Повѣрьте,“ возразилъ Докпоръ Ланге, что врачъ, судя по своему психологическому масштабу, рѣдко ошибается. Одинъ взглядъ на ангельскія черты несчастной дѣвушки, удостовѣрилъ меня въ ея добродѣтели гораздо болѣе, нежели кланцы служанокъ. Но слушайте далѣе. Пѣвица вошла съ знакомцемъ въ ту самую комнату, гдѣ я потомъ нашелъ ее, и приказала горничной удалиться. Сія послѣдняя, вѣроятно, по среднему женщинамъ любопытству и удивленная такимъ познимъ посѣщеніемъ, оспалась за дверьми. Тутъ услышала она голосъ своей госпожи и другой, грубой мужской голосъ; они разговаривали по Французски и довольно жарко. Наконецъ Синьора начала горько плакать, а мужчина изрыгалъ проклятія . . . Вдругъ раздается пронзительный крикъ, горничная

въ испугѣ, поспѣшно отворяешь двери, въ это время маска пробѣгаетъ мимо внизъ по лѣстницѣ. Она слѣдуетъ за незнакомцемъ издали; слышишь стукъ, глухой вопль и стоны; это ее ужасаетъ, она не смѣетъ спустишь впередъ; возвращается къ дверямъ и находить Пѣвицу въ крови. Горничная не знаетъ, на что рѣшишься . . . будишь спарую служанку, оставляетъ ее при госпожѣ, а сама спѣшишь ко мнѣ.

— „Но сама Фіаметти ничего вамъ не сказала? вы ее не спрашивали?“

— „Я потчасъ далъ знать объ этомъ Директору Полиціи,—онъ приказалъ осмоирѣнь всѣхъ гостиницы, всѣхъ уголки въ городѣ; за заспау викно еще не выѣзжалъ и шеперь приняты спрогїя мѣры. Непонятно, какъ могъ скрыться убійца, тогда, какъ двери были заперты, внизу по лѣстницѣ замѣтно много крови, вѣроятно при паденїи, онъ ушибся и ранилъ себя какъ нибудь кивжаломъ. — Фіаметти проснулася сегодня въ десять часовъ и объявила Директору Полиціи, что она вовсе не знаетъ и придумать не можетъ, кто эта маска. Всѣ доктора и хирурги обязаны, въ случаѣ, если позовутъ ихъ къ больному отъ ушиба или раненому, доносить о томъ начальству; можешь бышь эшимъ средствомъ удасться открьшь слѣды убійцы. — Вопъ въ какомъ положенїи шеперь дѣло. Но

я увѣренъ, что шутъ должна быть большая шайна, кошорую не хочетъ открыть Пѣвица; Фіаметти не така женщина, чтобы позволила провожать себя домой незнакомому мужчине. Это же подозрѣваетъ и горничная, кошорая была при допросѣ; ибо, какъ скоро Синьора опоздалась незнаіемъ, то и она ни слова о слышанномъ ею разговорѣ; меня же просила глазами не измѣнишь ей. „Удивительное произшествіе! . . . сказала она, провожая меня съ лѣстницы . . . . но ничто въ свѣтѣ не принудитъ меня измѣнить Синьорѣ . . .“ Правда, она сообщила мнѣ нѣчто такое, что можетъ быть, объяснить дѣло. —

— „Ну, нельзя ли узнать этого, и мнѣ?“ спросилъ Коммерціи Совѣтникъ.— „Вы видите, въ какомъ я нетерпѣніи, говорите же, говорите, не мучьте меня.“

— „Послушайте, Вальнау, подумайте хорошенько;— не живете ли здѣсь въ городѣ, кромѣ васъ, какойнибудь другой Вальнау? не спрашиваетъ ли Вальнау гдѣнибудь? и гдѣ? говорите, гдѣ?“

„Кромѣ меня, ни души здѣсь въ городѣ,“ отвѣчалъ Совѣтникъ. Когда я, восемь лѣтъ тому назадъ, переселился сюда, то очень былъ радъ, что меня зовутъ ни Шварцъ, ни Вейссъ, ни Браунъ, ни Майеръ, ни Миллеръ, ни Бауеръ! оныя эпитеты однофамильцевъ часто терпѣшь

непріятности. Въ Касселѣ я также былъ одинъ одиноконекъ и если не ошибаюсь, то въ цѣломъ Божьемъ свѣтѣ нѣтъ другаго Вальнау, кромѣ моего несчастнаго сына, который помѣшался на музыкѣ, и уѣхалъ въ Америку.— Да за чѣмъ вы, Г. Докшоръ, спрашиваете о моей фамиліи?“

— „Ну, это конечно не вы, Коммерціи Сосѣдникъ; а сынъ вашъ въ Америкѣ? но уже чепвертъь перваго, Принцесса Софія не здорова, а я съ вами заговорился такъ долго; прощайше, au revoir!“

— „Ни съ мѣсна!“ вскричалъ Вальнау, удерживая за руку Докшора. Сообщите мнѣ прежде, что сказала вамъ горничная,

— „Только не болтайте, пріятель! — Последнее слово Фіамешши, когда она погрузилась въ это глубокое безпамятство, было: *Вальнау!*“

(Продолженіе въ слѣдующемъ Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

П ъ с н я.

Что грустенъ онъ, когда со мною
Наединѣ порой сидитъ, —
За чѣмъ споль пышный цвѣтъ ланишь
Кропишься скорбною росой?
Онъ всемъ съ избыткомъ надвлѣнъ, —
Что жъ грустенъ онъ?

Когда рука моя ласкается
 Небрежный шелкъ его кудрей,
 Какъ нѣжно взоръ его очей
 На ласки дѣвы опивѣчаетъ,
 Но скоро слова — омраченъ . . . .
 Что жь грустенъ онъ? . .

М. Деларю.

Р О З О В Ы Й В Ъ Н О К Ъ .

[Музыка, соч. П. Макарова, въ концѣ сей книжки.]

Дышу любовью и прохладой
 Въ тѣни березъ . . .

Но, ахъ! не знаю,

Кому сплетаю

Вѣнокъ изъ розъ.

Люблю Анепу, и Корину

Люблю равно;

И, безъ ропшанья,

Я жду признанья

Опъ нихъ давно!

Когда бь одна изъ дѣвъ прекрасныхъ

Ко мнѣ пришла!

Безъ увѣренья, —

Изъ сожаленья —

Вѣнокъ взяла!

Когда бь? . . . . Но тщешны ожиданья!

Я одинокъ . . .

И самъ не знаю,

Кому сплетаю

Изъ розъ вѣнокъ!

За чѣмъ, красавицы младыя,
 Я васъ узналъ?
 За чѣмъ же нынѣ
 Для васъ, въ долину,
 Цвѣты сбиралъ?

Николай Лутковскій.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

6) *Начертаніе Исторіи Государства Россійскаго*, составленное Профессоромъ Императорскаго Царско-сельскаго Лицея, Иваномъ Кайдановымъ, Спасскимъ Совеѣшникомъ и Кавалеромъ.—Изданіе второе, исправленное. С. п. б. въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія, 1831 года, въ 8 д. л. — Рекомендуемъ эту общепользную и единственную на Русскомъ языкѣ книгу опцамъ семействъ и наставникамъ юношества;—ручашельствомъ за ея достоинство служить то, что она введена въ употребленіе, почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи.

7) *Заря*, альманахъ для юношества, изданъ на 1831 годъ Г. *Марковылъ*, съ шестью хорошо литографированными картинками. С. п. б. въ типографіи Н. Греча, въ 16 д. л.—Эпохъ альманахъ, по слогу и содержанию своему, равно и по умѣренной цѣнѣ, [онъ продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 5 рублей за экз.] едва ли не лучшій изъ всѣхъ альманаховъ, изданныхъ до сего времени, для незрелыхъ читателей.

8) *Молитва Русскаго народа*. С. п. б. въ типографіи Плюшара, 4 страницы въ 4 д. л. За эту изрубленную какимъ-то Г. *И. П.* въ рѣзны прозу, запла-

пили мы разносчикамъ Театральныхъ афишъ одинъ рубль, звонкою ходячесю монетою . . . Въ концѣ сего стихотворенія припечатано, что *сумма, выругенная сими стихотвореніемъ назнагается въ пользу бѣдныхъ, пострадавшихъ отъ холеры!* . . . Цѣль благородная;— но мы совѣтовали бы благородному автору, обратитъ просто подписку въ пользу бѣдныхъ спирадальцевъ отъ холеры, а не мучить бѣдныхъ читателей своєю лишературною холерой! . .

Издатель.

С М Ъ С Ъ.

Д О М А Ш Н І Я   О Б С Т О Я Т Е Л Ъ С Т В А.

Крестыане обыкновенно спрашиваютъ другъ друга, при свиданіи: „*все-ль по старому?*“ — И эшошь вопросъ, нушемъ искренности, ведетъ православныхъ къ другимъ вопросамъ, болѣе или менѣе оригинальнымъ, но не бесполезнымъ. У людей образованныхъ со всѣмъ не по! Два, или многія лица, которымъ волею или неволею случится, на свиданіи, пожать взаимно руки и привѣтствовать другъ друга устарѣлымъ и почти всегда безответнымъ: *здоровъ ли?* (I) начинаютъ бесѣду разговоромъ о *погодѣ* (II). Подумаешь, что

(I) Эшо: „*здоровъ ли?*“ выражаетъ болѣе насмѣшку, нежели участіе. Въ наше время, съ такимъ вопросомъ можно опноситься только къ нѣкоторымъ людямъ, которые и на вопросъ: *не сощелъ ли ты съ ума?*—ответятъ вамъ, не заинаясь: *слава Богу!*—Читатель, вспомните древнихъ Грековъ, которые говорили: *здравствуй* — только на прощаньи.

(II) Древніе Славяне называли погодою *зефиръ*: слѣдственно, повѣтшіе Славяне, или, если угодно, пошомки ихъ—должны изъ одного чесполубія говорить другъ другу: *каковъ зефиръ!*

это Метеорологи, что сужденія ихъ о погодѣ будутъ непремѣнно клониться къ пользѣ просвѣщенія: но на повѣрку выходишь прошивное, и не безъ причины: обыкновенно разсуждаютъ о погодѣ оипъ чего сказать; и погода, а болѣе непогода служившъ всегда началомъ слишкомъ обыкновеннаго разсужденія о такъ называемыхъ *домашнихъ обстоятельствахъ*.

Какое обширное поле представляютъ наблюдатели домашнїя обстоятельства!

Я вельможа. Законъ разума предоставляетъ мнѣ счастье, служба вѣрой и правдой высшей власти, быши ходатаемъ у ней за моихъ подчиненныхъ. На этомъ основывается благополучіе моего семейства, мои домашнїя обстоятельства.

Я подчиненный. Мои домашнїя обязанности зависятъ оипъ исполненія мною обязанностей, говорящихъ за меня предъ начальствомъ, слѣдственно предъ чловѣчествомъ.

Я чловѣкъ недолжностной. Если мои дѣла соотновѣтствуютъ закону чистой совѣсти, я правъ предъ обществомъ, которому принадлежу, и слѣдственно ни я самъ, ни кто-либо изъ постороннихъ не въ правѣ пенять на мои домашнїя обстоятельства.

Я писатель, а писателемъ можно быть во всякомъ званїи. Представляя, предъ цѣлымъ свѣтомъ въ испинѣ просвѣщенія, я исполняю свой долгъ, и дѣйсвую по разуму, какъ въ пользу читателей своихъ, такъ и въ пользу своихъ домашнихъ обстоятельствъ.

„Вѣримъ!“ — говорите вы, почтенные читатели. „Вѣримъ, что такъ должно быть; но бываетъ ли такъ? . . . Покажите намъ испину дѣйсвій, а не правнъ!“ — Извольте.

Дѣло идетъ о *домашнихъ обстоятельствахъ*; а у всякаго свои обстоятельства. Измѣнились ли они со

вчерашняго дня, не знаю; но вотъ въ какихъ обстоя-
тельствахъ видѣлъ я людей до сего дня.

Допытъ *денъги* были для всякаго базую домашнихъ
его обстоятельствъ. Политико-экономы не оши-
баются, утверждая, что благо общества состоитъ
въ его богатствѣ: они стараются о благѣ обществъ
образованныхъ, и, говоря, что сущность обществен-
наго благосостоянія составляютъ *люди и деньги* (1),
указываютъ на купеческую классъ. Въ ли не-
полнители законовъ политическихъ правы въ этомъ
случаѣ? Отвѣчаю: не въ! — И потому именно, что
опъ правилъ политической экономіи нѣкоторые опъ-
дѣляли правила чинной правленности. Сколько ви-
димъ людей, продающихъ, покупающихъ законъ и со-
вѣсть за *наличные*, для улучшения своихъ домашнихъ
обстоятельствъ? Если бъ они слѣдовали мудрому пра-
вилу: *въ потъ лица снеси хлѣбъ свой*, и не отдавались
бы опъ обязанностей своего званія, я сказалъ бы
тогда, что ихъ домашнія обстоятельства прекра-
сны! Но эти господа хотѣли купечествовать, по-
требляя для своихъ домашнихъ обстоятельствъ чу-
жія, и я говорю, что они не правы предъ человѣче-
ствомъ, что Богъ судья имъ.

Допытъ едва ли не въ думаютъ только о себѣ са-
михъ. Полуобразованные заимъваютъ испинныя даро-
ванія, пакъ называемые счастливицы отказываютъ въ
помощи несчастнымъ, и все изъ опасенія разстроить
свои домашнія обстоятельства.

И потому-то видимъ богачей, ввѣряющихъ дѣшей
своихъ выходцамъ, которые воспитываютъ ихъ не для
службы Царской, но для блеска въ свѣтѣ, безъ правилъ

(1) Не выражаются языкомъ Спенсера. Шлецеръ сказалъ:
»предметы Спенсера составляютъ: *люди, земля, произ-
веденіе и деньги* «

Вѣры и нравственности. Причина—ложное мнѣніе самихъ опцевъ о своихъ обязанностяхъ; неминуемое слѣдствіе, разстройство ихъ домашнихъ обстоятельствъ.

Водятся малочинные баричи, живущіе послѣ годовой и двухъ-годовой службы въ наследственныхъ помѣстьяхъ своихъ, на покой. Я увѣренъ, что они оставили службу *по домашнимъ обстоятельствамъ*.

Иные лгутъ, клеветуютъ на другихъ, чѣмъ бы выказать свои способности. Но истина обличаетъ ихъ въ безчестіи и напоминаетъ о домашнихъ ихъ обстоятельствахъ.

Иные судьи (*), по наследственной привычкѣ, собираютъ съ испцовъ дань несправедливости для улучшения своихъ домашнихъ обстоятельствъ, собирая въ то же время дань всеобщаго презрѣнія.

Подчиненные не уважаютъ своихъ начальниковъ: неопытность представляеть имъ все въ превращенномъ видѣ, и дурною службою они лишаютъ себя наслажденія добрыми домашними обстоятельствами.

Вспрѣчаемъ мужей, упрямивающихъ свои домашнія обстоятельства на счетъ женъ своихъ. Вспрѣчаемъ и супруговъ ссорящихся, по счастливыхъ, и супруговъ миролюбивыхъ несчастныхъ въ ихъ домашнихъ обстоятельствахъ.

Есть множество перерзлыхъ невѣстъ и пожилыхъ вдовушекъ, безпрестанно пересуживающихъ домашнія обстоятельства своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Довольно есть и молодежи, которая, не озаривъ умъ свой свѣтомъ истиннаго просвѣщенія, слышитъ сама просвѣщать другихъ словесно и печально: издаетъ Журналы, судитъ и рядитъ о всѣхъ отрасляхъ наукъ

(*) Не одинъ судья. Замѣчаніе Автора ченьгихъ драматическихкихъ пьесъ, которые хранитъ онъ онъ взоровъ людей просвѣщенныхъ въ ожиданіи, когда начнется золотой вѣкъ.

и искусствъ пакъ и сякъ, пренебрегаетъ совѣщаніи людей умныхъ и опытныхъ, выдастъ чужое за свое, надѣвается надъ другими Журналистами за правду; а въ слѣдствіе того терлетъ весь въ обществѣ и, разумѣется, не имѣетъ успѣха ни на трудномъ поприщѣ литературы, ни въ домашнихъ своихъ обстоятельствахъ.

Водятся между литераторами и подражатели безграмотные. Домашнія обстоятельствова гонятъ ихъ къ славъ и деньгамъ; но бичъ критики стояетъ ихъ съ чужаго пути.

Встрѣчаются и поэты, воспѣваюціе весну, не спящая бараньихъ пулуповъ съ поэтическихъ раменъ своихъ, опъ того именно, что на ихъ домашнія обстоятельствова никто не обращаетъ теплаго вниманія.

Но попадаются, хотя и изрѣдка, ревнивели блага общественнаго, умные отцы семействъ, признательные дѣти, истинные слуги опечества, счастливые супруги, отличные и богатые писатели и добродѣтельные богачи. Порадуйтесь этому, и согласитесь, что для каждаго человѣка домашнія обстоятельствова составляютъ важный предметъ въ жизни. И если когда нибудь выведется у насъ обычай начинать бесѣды сужденіемъ о погоды, то трудно, трудно будетъ, при свиданіяхъ, начинать разговоръ прямо съ домашнихъ обстоятельствова.

Н. Лутковскій.

СО Д Е Р Ж А Н І Е No. IV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Пѣвица. [повѣсть.] *Стихотворенія*: Пѣсня; соч. *М. Деларю*. Розовый вѣнокъ, соч. *Н. Лутковскаго*. **БИБЛЮГРАФІЯ**. **СМѢСЬ**. Домашнія обстоятельствова, соч. *Н. Лутковскаго*. **НОТЫ**.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 12 Января 1851 года.

Ценсоръ. *П. Гисевскій.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

П Ъ В И Ц А.

(П о в ѣ с т ь.)

(Продолженіе.)

III.

Еще никогда не видали Коммерціи Совѣтника Вальнау такъ важнымъ и угрюмымъ, какъ въ то время, когда Лейбъ-Медикъ Ланге оспавиль его близь Дворца. Онъ всегда бодро и весело расхаживалъ по улицамъ, и кто зналъ, съ какою пріятною улыбкою кланялся онъ дамамъ и дѣвицамъ, какъ забавно шупилъ съ мущинами и рассказывалъ имъ новоспіи, пошъ бы не вѣрилъ, что Вальнау было шесъдесятъ лѣтъ. По видимому, онъ имѣлъ основательныя причины бытъ въ добромъ расположеніи духа: наживъ разными оборотами значительное имѣніе, онъ оспался доволенъ дарами счастія, переселился въ Б. съ своею женою, и жилъ припѣваючи. У него былъ только одинъ сынъ, которому шарикъ предназначалъ пройти по же

самое поприще, п. е. посвятивъ себя Коммерціи и усовершенствоваться въ ней; но молодой человекъ жилъ въ области звуковъ; музыка составляла для него все; торгъ и обороты отца, казались ему слишкомъ мелкимъ, даже низкимъ занятіемъ. Отецъ былъ крушаго нрава, сынъ такъ же, отецъ легко выходилъ изъ себя, сынъ такъ же, отецъ высказывалъ поспѣшь все, что было у него на душѣ, сынъ такъ же;—мудрено ли, что они не могли ужиться между собою? И когда сыну минуло двадцать лѣтъ, отцу спукнуло пятьдесятъ. — Тупъ вздумалъ онъ жить покойно, передавъ совершенно торговлю своему сыну. И точно, скоро все стало спокойно: ибо въ одну лѣпную ночь сынъ пропалъ изъ дому со всѣми ногами для фортепіано. Черезъ нѣсколько времени очутился онъ въ Англіи, и оттуда писалъ къ домашнимъ, что отправляется въ Америку. — Коммерція Совѣтникъ пожелалъ ему счастливаго пути и уѣхалъ въ Б . . .

Мысль о *шаллоу* музыкантъ, такъ называлъ онъ своего сына, оправдала иногда веселые часы спарика; онъ запретилъ молодому Вальнау казаться себѣ на глаза, и нельзя было ожидать, чтобы онъ ослушался родительскаго приказа. Бывали однако же минуты, что спарикъ начиналъ обвинять себя, сожалѣть своей спирогости; но время,

общество и веселый характеръ, выпесняли такіа печальныя мысли. Онъ жилъ богато и весело, — и кто хотѣлъ видѣть его въ добромъ расположеніи духа, тому стоило только прогуливаться въ *широкой* улицѣ отъ одиннадцати часовъ утра до обѣда. Если вамъ видѣли вы рослаго, сухощаваго мушкетера, кошораго щегольское платье, блестящая лорнетка, хлыстикъ и французская ухватка не очень шли къ его сѣдымъ волосамъ; если вы видѣли этого человека, кланяющагося туда и сюда, поминутно останавливающагося съ шѣмъ, или другимъ, разговаривающаго дѣлая сильныя пѣлдвиженія, то безъ сомнѣнія видѣли вы Коммерціи Совѣтника Вальнау.

Теперь было со всѣмъ иначе. Если рассказъ объ убійствѣ Пѣвицы сдѣлалъ на него большое впечатлѣніе, то послѣднее слово Доктора поразило его, какъ громомъ: „*Вальнау*,“ вскричала Фіаметти, лишаясь чувствъ. Его честное имя произнесено ею въ такихъ сомнительныхъ обстоятельствѣхъ. Колѣна старика дрожали и опказывалиеъ служить ему, голова склонилась на грудь и безпокойныя мысли его превозжили.—*Вальнау*, думалъ онъ, Королевскій Коммерціи Совѣтникъ! что если эта Пѣвица умретъ, и горничная сообщитъ свою тайну Директору Полиціи, откроситъ ему

всѣ обстоятельство дѣла и это ужасное слово?—А чего не надѣлаетъ опытный служитель правосудія, даже изъ одного слова, особливо когда щеславіе подспрекнетъ его блеснувши своею пронизательностію въ такомъ *казульномъ* дѣлѣ? Съ видомъ, исполненнымъ опчаянія навелъ онъ лорнетку на шюрьму, кошорой крыша видна была вдали. Туда, Вальнау! . . . и по по особенной милоспи и въ уваженіе многолѣпныхъ заслугъ. Онъ дышалъ тяжелѣе,—хотѣлъ ослабить галспукъ,—но съ ужасомъ опнялъ назадъ свою руку опъ шеи; на нее, можешъ бышь, наложашъ пеньковое ожерелье, ее, можешъ бышь, поразитъ холодный мечъ палача.

Вспрѣчался ли съ Вальнау кто нибудь изъ знакомыхъ и привѣспивовалъ его легкимъ наклоненіемъ головы, онъ думалъ: „этому все уже извѣспно; какъ онъ на меня смотришь!“ проходилъ ли другой, не поклонившись,—ему казалось всего вѣроянше, что его нарочно не хотяшъ узнавать, не хотяшъ замарашь себя обращеніемъ съ убійцєю; не многого не доспавало, чтобъ и самъ онъ новѣрилъ, что дѣйствительно винованъ въ убійствѣ:—а потому не удивительно, что Вальнау дѣлалъ теперь большой кругъ, лишь бы не проходить домой мимо Полиціи; легко могло спашъся, думалъ онъ, что Директоръ увидѣлъ бы его въ окно и закричалъ бы ему: „почпен-

нѣйшій! не угодно ли пожаловать сюда на пару словъ? а онъ шакъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, чувствовалъ перемѣну въ лицѣ онъ того только, что могли думать, будто онъ тотъ самый, кого обвиняло послѣднее слово Пѣвицы.

Тутъ опять приходило ему въ голову, какъ неприлично для него такое малодушіе; онъ хотѣлъ успокоиться, хотѣлъ считатьъ спекла въ окнахъ окружающихъ домовъ.—Но ему казалось, что дома и улицы вокругъ него вальсировали, а высокая колокольня насмѣшливо ему кланялась.—Ужасъ объялъ его совершенно, онъ почти бѣжалъ и первое его слово, когда онъ; очутившись дома, нѣсколько пришелъ въ себя, было: “ не спрашивалъ ли меня ктонибудь изъ Полицейскихъ?”

IV.

Около вечера, Лейбъ-Медикъ Ланге посѣпилъ свою больную и нашелъ ее, сверхъ чаянія, въ лучшемъ состояніи. Онъ сѣлъ у ея постели и завелъ съ нею разговоръ о несчастномъ случаѣ. Пѣвица облокотилась на подушку и полною, прелестною рукою поддерживала свою прелестную голову. Лице ея было еще блѣдно; но эта самая блѣдность, это истощеніе силъ придавали ей какую-то особенную прелесть. Ея черные глаза нисколько не потеряли того огня, той силы, кошорыя еще со сцены манили къ ней Доктора, не смотря на то,

что онъ былъ человѣкъ разсудительный и уже не въ шѣхъ лѣпахъ, когда воображеніе гоново къ услугамъ красоты; онъ не могъ поняць ошъ чего, не больше какъ правильныя черты лица Фіаметти дыщали такимъ очарованіемъ. Напослѣдокъ проицательный, психологическій взоръ Лейбъ-Медика проникъ эту тайну: чистота души, благородшво чувствъ, блищали на дѣвственномъ челѣ красавицы.

— „Кажется, вы слишкомъ въ меня всматриваетесь, Докпоръ?“ сказала Пѣвица, улыбаясь. — Вы все молчите, задумались и совсемъ забыли о моемъ вопросѣ.— Не уже ли вы боитесь испугать меня, не уже ли я не должна знать, что говорятъ въ городѣ о моемъ несчастіи?

— „Какая вамъ нужда знать все глупыя догадки, копорыя праздные люди изобрѣтають и рассказываютъ другъ другу?— Я вижу на лицѣ вашемъ, какъ въ зеркалѣ, чистоту души, спокойшвіе совѣсти; къ чему же заботишься о свѣшскихъ пересудахъ? —

— „Вы хотите опдѣлаться ошъ меня,“ оиѣчала Фіаметти.— „Какъ, я не должна заботишься о сужденіи свѣша? Живя въ обществѣ, должна быть равнодушною къ тому, что обо мнѣ говорятъ! Или вы думаете, что поному,“ прибавила она серіознѣе, „что я принадлежу къ такому сословію, копорому,

къ сожалѣнію, отказываютъ во многихъ хорошихъ свойствахъ?“

— „Нѣтъ, право нѣтъ! Я всегда слышалъ объ васъ съ хорошей стороны, Фіаметти, о вашей тихой, уединенной жизни; но скажите, къ чему хотите вы знать людскіе пересуды? . . . Какъ врачъ, я не рѣшусь сказать вамъ , . .

— „Прошу васъ, Докторъ, прошу, не мучьте меня долѣе?“ вскричала она.—„Я читаю въ вашихъ глазахъ, что обо мнѣ говорите дурно. За чѣмъ же вы хотите оставить меня въ неизвѣстности, которая для моего спокойствія гораздо опаснѣе самой ужасной истины!“

Это замѣчаніе показалось Медику основательнымъ; сверхъ того, во время его отсутствія, легко могла зайти къ больной какая нибудь словоохотная женщина (а ихъ мало ли въ большомъ городѣ?) и наговорить ей бездну нелѣпостей? Вы знаете здѣшнихъ людей, оповѣчалъ онъ;—Б . . . большой городъ, но, при такихъ новостяхъ, онъ слишкомъ походитъ на маленькій городокъ.—Я не могу скрыть отъ васъ, что вы сдѣлались теперь предметомъ общаго разговора; этому нечего и удивляться; но какъ никто не знаетъ лица достоверно,—то и выдумываютъ странныя пещоріи. На примѣръ, маска, которую

видѣли съ вами въ редуштѣ, и копорая безъ сомнѣнiя зашѣяла это дѣло . . . . .

— „Говорите, говорите скорѣе,“ вскричала Пѣвица въ больномъ безпокойствѣ.

. . . . . „Ее считающъ за вашего прежняго обожашеля,“ продолжалъ Докторъ, которъй былъ знакомъ съ вами въ другомъ городѣ — и теперь изъ ревности хопѣлъ умеривить васъ.

— „Обо мнѣ говорящъ это? какъ я несчастна!“ вскричала она съ чувствомъ сильнаго огорченiя—и слезы перлами заблнспали на прелестныхъ глазахъ ея.— „Какъ жестокiй люди пропивъ бѣдной, беззащитной сироты!— Но, кончите, Докторъ, заклинаю васъ; не скрывайте ошъ меня ничего; въ какомъ городѣ? . . . говорящъ они . . . .“

— „Синьора, я полагаю въ васъ болѣе силы душевной, сказалъ Ланге, безпокоясь, чшобы сильное движенiе не сдѣлало вреда больной; право я уже раскаеваюсь, чшо сказалъ такъ много . . . .

Пѣвица пошчасъ оперла свои слезы. „Я хочу бышь спокойною,“ сказала она съ горькою улыбкой,— „хочу бышь спокойною, какъ днпя; хочу бышь веселою, какъ будпо бы люди, которые шеперь меня осуждающъ, кричали мнѣ въ тысячу голосовъ громкое: *браво!* Рассказывайте же далѣ, любезный, добрый Докторъ!

— „Глушцы, какъ извѣстно, говорящъ шоль-

ко глупости,“ продолжалъ Медикъ сердито; разсказываютъ, будто во время послѣдняго представленія *Отелло*, какой-то иностранецъ, бывшій въ ложѣ перваго яруса, узналъ васъ, будто видѣлъ васъ года два тому назадъ въ Парижѣ, въ одномъ двусмысленномъ домѣ. — Но, Боже мой! что съ вами сдѣлалось? . . вы еще болѣе поблѣднѣли? . .

— „Ничего, это показалось вамъ отъ слабого освѣщенія.—Далѣе, далѣе!“

— „Сначала эта молва разпростиранилась въ высшемъ кругу, потомъ мало по малу сдѣлалась извѣстною въ публикѣ, которая при пеперешнемъ случаѣ старается соединить эти два обстоятельство и заключаетъ по нимъ о прежнихъ отношеніяхъ вашихъ къ убійцѣ.

Въ продолженіи этой рѣчи, смертная блѣдность боролась съ пурпуровымъ румянцемъ на выразительномъ лицѣ больной. Она приподнялась въ подушкахъ, какъ будто, желая не проронить ни одного слова изъ этой ужасной вѣсти;—пламенные взоры ея устремлены были на Доктора. — Она едва дышала; сердце, казалось, перестало биться. — „Все кончено!“ вскричала она, возведя болѣзненный взоръ къ небу; и слезы градомъ покапались изъ глазъ ея . . . . „Все кончено!“ Если бы онъ это слышалъ, то этого было бы уже много для его ревности. — За чѣмъ вчера ис

умерла я! на что спасли мне жизнь! : . Ахъ, шамъ была бы я опять съ моимъ добрымъ родителемъ, съ моею милою машерью; она ушѣшила бы меня, заставила бы забыть злословіе жестокихъ людей!“

Эти загадочныя слова удивили Доктора; онъ хотѣлъ говорить съ больною, хотѣлъ облегчить ея горестъ, хотѣлъ ушѣшать ее... вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и молодой человекъ высокаго роста входилъ въ комнату.—Лице его было прекрасно, но какая-то дикость помрачала эти привлекательныя черты; глаза его сверкали, волосы были въ беспорядкѣ. Въ рукахъ держалъ онъ свертокъ нощи, которымъ черпиль круги въ воздухъ, пока собрался съ силами говорить.— При видѣ незнакомца, Пѣвица громко вскрикнула; Докторъ думалъ, что это отъ страха, но скоро увѣрился въ пропивномъ: пріятная улыбка заиграла на устахъ ея, взоры, сквозь слезы, усремлялись къ нему на встрѣчу, „Карль! вскричала она.“ Карль! наконецъ ты пришелъ взглянуть на меня!

— „Несчастная!“ возопилъ молодой человекъ, пропаянувъ величественно руку, въ которой держалъ нощи: переспань, я не хочу слышать твоего Сиренина голоса, я пришелъ осудить тебя! —

— „О, Карль! какъ можешь ты говорить такъ съ своею Джюзеппою!“ прервала его

Пѣвица, и голосъ ея былъ тихъ и сладокъ, какъ звуки флейшы.

Молодой человекъ хотѣлъ отвѣчать съ трагическимъ жаромъ, но Докторъ, которому она еще казалась опасною для больной, остановилъ его. — „Почтеннѣйшій господинъ Карль,“ сказалъ онъ ему, подставляя табакерку; „не угодно ли вамъ будетъ разсудить, въ какомъ положеніи теперь Синьора, и пожалѣвъ ея слабые нервы!“

Карль важно взглянулъ на Доктора и обративъ противъ него свершокъ ношъ, вскричалъ угрожающимъ голосомъ: „кто ты пачковъ? . . ты, осмѣлившійся противостать моему гнѣву?“

— „Я, Лейбъ-Медикъ Ланге,“ отвѣчалъ сей, закрывая табакерку, и здѣсь въ домъ, до выздоровленія Синьоры, полный хозяинъ.—Прошу васъ, сударь, добрымъ порядкомъ: *volti subito* къ дверямъ, и *presto prestissimo* отсюда на улицу.

— „Оставьте его Докторъ!“ вскричала больная боязливо; не выводите его изъ себя? Карль мой другъ, онъ не сдѣлаетъ мнѣ ни малѣйшаго зла, не смотря на то, что ему рассказали про меня люди.

— „А! ты еще смѣешься надо мною? По знай, яркій лучъ молніи разпоргъ завѣсу, покрывавшую пивую пайцу, озарилъ мракъ, въ которомъ блуждалъ я досель. Теперь откры-

лось то, для чего не долженъ былъ я знать, кто ты и откуда ты?—для, чего заграждала ты мнѣ уста поцѣлуями, когда я спрашивалъ тебя о твоей прежней жизни? . . . Глупецъ! и я позволилъ обворожать себя голосу женщины, не хотѣлъ видѣть, что шумъ скрывались ложь и обманъ; позабылъ, что только въ словѣ мужчины истина и сила!

— „О, Карлъ!“ произнесла больная слабымъ голосомъ: если бы ты зналъ, какъ слова твои для меня ужасны, какъ подозрѣнiе твое для меня убійственно!

— „Не правда ли, сударыня!“ вскричалъ Карлъ съ извншельною улыбкою: Тебѣ хотѣлось бы, что бы твои обожатели были слѣпы; тогда всего бы легче играть ими? . . . Этогожь Парижанинъ, лихой молодець; поймалъ таки свою залезшую пшичку! —

— „Это уже ни на что не похоже, государь мой!“ вскричалъ Докпоръ, схвативъ Карла за воротъ; „сей часъ убирайся отсюда, или я позову людей и велю тебя вывесить!“

— „Я иду!“ вскричалъ Карлъ, оттолкнувъ отъ себя Лейбъ-Медика такъ, что тотъ не хотя сѣлъ въ кресла. „Я иду, Джюзенна, съ тѣмъ, чтобъ никогда не возвращаться. Живи счастливо, нѣтъ! лучше умри, несчастная! сокрой свой стыдъ подъ землею? Но и тамъ, за гробомъ, спросишь встрѣшишься со мною;

вѣчное блаженство было бы для меня безконечною мукою, если бы я долженъ былъ разделять его съ тобою, — съ тобою, которая такъ жестоко оправдала мою любовь, мою жизнь!“ Слезы показались на глазахъ юности; еще разъ взглянулъ онъ на любезную и, рыдая, бросился вонъ изъ комнаты.

— „Догоните его, — приведите назадъ!“ вскричала Пѣвица: ошъ эшого зависить все мое счастье.

— „Ни за что, сударыня,“ возразилъ Докторъ, пропянувшись въ креслахъ,“ эша сцена не должна повторяться снова, я проишу вамъ кое что, принимайте черезъ часъ по двѣ столовыхъ ложки.

Несчастливая упала въ подушки, силы ея истощились и она снова лишилась чувствъ.

Докторъ позвалъ горничную, и съ ея помощію старался привести больную въ память, не забывъ, между тѣмъ, порядкомъ побранить дѣвушку. „Развѣ не приказывалъ я, чшобъ никого, вовсе никого сюда не пускали? . . . а вы позволили ворваться сумасшедшему, который бѣдную госпожу пивую почти дорѣзалъ?“

— „Я право никого не пускала,“ говорила горничная сквозь слезы; „ему же ни какъ не смѣли отказать; сего дня при раза уже посылали мѣня просить его, чшобъ онъ хоть на минутку зашелъ сюда; я даже принуждена

Была сказать, что *она* умираешь и хочешь видѣть его въ послѣдній разъ!“

— „Вошь какъ? . . . а кто-этошь . . . Въ это время больная открыла глаза; она поглядывала то на Домпора, то на дѣвушку, взоры ея блуждали по комнатамъ, и казалось, кого-то искали . . . „Онъ ушелъ, навсегда оставилъ меня . . .“ прошептала она.—„Ахъ, любезный Докторъ, поспѣшите къ Вальнау . . .

— „Помилуйте, что хотите вы отъ моего бѣднаго Совѣтника Коммерціи? Ваше приключеніе и безъ того почти свѣло его съ ума . . .

— „Ахъ, я ошиблась,“ отвѣчала она; „къ незнакомому капельмейстеру прошу идти васъ; онъ называется Валани, и живетъ въ Hôtel de Portugal.“

— „Помнился, я слыхалъ объ немъ,“ сказалъ Докторъ, но что мнѣ у него дѣлать?”

— „Скажите, что я готова объяснить ему все, пусть только придетъ сюда;.. иѣшь я не могу говорить съ нимъ сама. — Докторъ, . . . если бы вы,—я вполне довѣряю вамъ; хочу рассказать вамъ все, а вы расскажете потомъ несчастному; не правда ли?”

— „Къ вашимъ услугамъ; для вашего спокойствія, я готовъ все дѣлать. —

— „Такъ приходите завтра пораньше; сего дня я не въ силахъ говорить болѣе. Прощайте. — Бабуна, подай Доктору его плащокъ.“

Бабета отворила шкафъ и вышула желтый шелковый плапокъ, напрысканный духами.

— „Эпо не мой плапокъ,“ сказалъ Докторъ; я всегда ношу полотняные.

— „Не возможно!“ вскричала дѣвушка; „его нашли ночью на полу, онъ не нашъ, а кромѣ васъ ни кого не было . . .“

Взоры Доктора вспрѣшились со взорами Пѣвицы. „Не потерялъ ли этого платка ктонибудь другой?“ спросилъ онъ, смотря на нее приспально.

— „Покажитесь,“ сказала Фіаметти боязливо; этого не приходило мнѣ въ голову.— Она разсмапривала плапокъ со вниманіемъ и на уголокъ увидѣла начальныя буквы какого-то имени; она перемѣнилась въ лицѣ и задрожала.

— „Кажется, вамъ извѣстенъ этотъ плапокъ?“ продолжалъ Ланге.— „Онъ послужилъ бы къ чемунибудь;—могу ли я взять его съ собою?“

Джюзеппа, казалось боролась сама съ собою; по подавала плапокъ Доктору, по отдергивала его назадъ боязливо.— „Пусть будетъ такъ,“ сказала наконецъ она; „даже если бы злодѣй еще разъ пришелъ сюда, чтобы снова умертвить меня,—я на все рѣшаюсь!— Возьмите, Докторъ;—завтра услышите вы объясненія объ этомъ платкѣ.“

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.
В ъ А л ь б о м ъ.

Не часто ль пягоспною мукой
За откровенныя слова
Души простой и близорукой
Плашилъ мнѣ сльпокъ божества?
Не часто ль послѣ вдохновенья
Оспрадъ возвышенныхъ я ждалъ,
Заранѣ чуждъ наслажденья,
Заранѣ сердцемъ ликоваль —
И только знаки опверженья
Въ глазахъ красавицы чипаль?

Любовь, любовь! я помню живо
Счасливый день, какъ въ первый разъ
Ты сильнымъ пламенемъ зажглась
Въ моей груди самолюбивой:
Тогда всѣ чувства бышя
Въ одно прекрасное сливались;
Онѣ свѣплъли, возвышались
И гордо радовался я!

Н. Языковъ.

Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

9) *Сочиненія, переводы и подражанія, въ стихахъ, Константина Масальскаго.* С. п. б. Въ типографіи Императорской Россійской Академіи. 1831 года, 92 стр. въ 12 д. л.; съ эпитафюмъ изъ *Крылова*:

Не для того, чтообы похвалъ ему хопглось,
И не за что; такъ какъ-то пѣлось.

Не сомнѣваясь въ истиннѣ словъ нашего баснописца, не станемъ разбирати подробно *стихотвореній, переводовъ и подражаній Г. Масальскаго*: они давно извѣстны читающей публикѣ. За исключеніемъ отрывка изъ новой поэмы: *Мицие вътерка* и двухъ-трехъ другихъ пѣсокъ, все остальное было напечатано въ разныхъ Русскихъ журналахъ и альманахахъ.

Е. Васильевъ.

Т Е А Т Р Ъ.

Кровавая рука, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, и *Изора* или *блженая*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представленныя въ первый разъ на большомъ театръ, 7 Января, въ пользу Актера Г. Карапыгина б.

Трагедія, *Кровавая рука* (Don Guilièr), написана Кальдерономъ. Нѣмцы передѣлали ее съ Испанскаго языка для своего театра, а Г. Карапыгинъ перевелъ ее съ Нѣмецкаго для нашей сцены. На Русскій языкъ переложена сія трагедія, по указанію афиши, стихами; а мы скажемъ откровенно объ этомъ переводѣ то, что незамѣяемый и заживо оплакиваемый эпическими музами Башюшковъ, сказалъ объ одномъ стихотворцѣ, издавшемъ свои сочиненія подѣ заглавіемъ *Слъсъ*.

Вопль истинная смѣсь:

Гуль проза и стихи и Авшорская смѣсь!

Достоинство же самой трагедіи читатели наши узнаютъ и изъ краткаго ея содержанія; вопль оно:

Дѣйствіе въ Каспидіи. Въ Менцію, жену Донъ-Гушiera влюбленъ братъ Королевскій, Донъ-Эрикъ. Испушенная ревность Д. Гушiera въ слѣпоствѣ своей нищенъ погибела Д. Менціи. Чпобъ скрыть убійство свое, онъ питаетъ адскій умыселъ: пустить ей кровь изъ всѣхъ жилъ и потомъ сказать, что болѣзнь ея требовала кровопусканія, а что во время сна Менціи перевязки спали съ ея рукъ, а она изнесла кровь. Умыселъ исполненъ. Менціи не спало! Изобличенный убійца лишилъ себя жизни.

Трагедія сія принята была на нашей сценѣ слишкомъ (и дѣльно!) холодно. Несравненная игра Г. Карапыгина б. (Д. Гупіертъ) извлекала рукоплесканія, прерывавшія молчаніе упоминающейся и упомянутой публики. Эпозъ арписпъ-пигмаліонъ одушевилъ свое твореніе. Г. Брялскій сдѣлалъ невозможное: ни безалаберный, можно сказать, комическій характеръ Короля Д. Педро, обративъ серьезное вниманіе зрителей. Д. Энрика игралъ Григорьевъ б. Сценическіе успѣхи сего молодого артиста видимы, и гласно награждаются публикою. По незначительности роли Менція, которую представляла Г-жа Карапыгина б. мы не находимъ нужнымъ говорить о ней, также какъ и о прочихъ артистахъ, бывшихъ въ *Кровавой рукѣ*.

Комедія *Изора* переведена съ Французскаго І. Бенефициантомъ. Игра Г-жи Карапыгиной б. украсила, согрѣла эту холодную піесу, въ которой нѣтъ никакого дѣйствія, кромѣ того: когда сумасшедшій Сельмаръ, не говоря ни слова, бѣгаетъ изъ угла въ уголъ и когда Изора, имъ укушенная [?!], полагая, что ее укусилъ не сумасшедшій, а бѣшеный, приходитъ въ опшчаніе и опъ воображенія доходитъ до бѣшенства. Въ послѣднемъ актѣ комедіи Г-жа Карапыгина б. перешла, казалось, предѣлы искусства: ея мертвыя препенущія губы, мутныя глаза, изрѣдка судорожныя движенія лица, все въ ней показывало бѣшенство, и сердце зрителя препенало за несчастную жертву воображенія.

М. Алексеевъ.

С М Ъ С Б.

АНАКСАГОРОВА ЛАМПА И РУССКАЯ КНЯГИНЯ.

(Изъ Цшокке.)

Периклъ властвовалъ въ Аѳинахъ; Периклъ, о которомъ поэты его времени, пѣли: „его уста суть прокъ божественной *Суады* и всѣхъ ея очарованій!“ Сорокъ лѣтъ, не прибѣгая къ помощи оружія, только силою своего ума и дарованій, умѣлъ онъ властвовать надъ свободными Аѳинами, съ Царскою неограниченностію. Въ то время не знали лучшаго и счастливѣйшаго Полководца, опытнѣйшаго Государственнаго человѣка, величайшаго оратора, кромѣ Перикла. — „Если бы и удалось мнѣ повергнуть его на землю,“ сказалъ однажды кто-то изъ его противниковъ, „а онъ захопѣлъ бы доказать зрителямъ, что не лежать на землѣ,—они повѣрили бы ему!“

Этимъ возвышеннымъ образованіемъ своего духа обязанъ онъ знаменитымъ наставникамъ, копорыхъ имѣлъ въ юности, особенно мудрому Анаксагору; и въ позднѣйшее время Анаксагоръ не рѣдко помогалъ Периклу своими совѣсами въ дѣлахъ публичныхъ. Это было причиною, что когда Периклъ впалъ, на короткое время, въ немилость у Аѳинянъ, и всѣ друзья его были гонимы, то и Анаксагоръ поперпѣлъ равную съ ними участь. Онъ перенесъ это съ свойственнымъ ему спокойствіемъ духа, копорый никогда не смущался земнымъ и преходящимъ.

Никто не могъ охудать ни правотъ, ни дѣяній

мудреца; нельзя было ни въ чемъ обвинить ни его сердца, ни его образа жизни, а потому его познали и убѣжденія вѣрили ему въ пресупленіе. Его обвиняли въ невѣрїи, его, который первый говорилъ Грекамъ о бытіи единого, высочайшаго, невидимаго существа; его называли челоуѣкомъ безъ религіи, потому что онъ презиралъ ученіе жрецовъ съ ихъ богами. Друзья Анаксагора принудили его бѣжать. Аѳиняне заочно приговорили его къ смерти. Анаксагоръ, услышавъ объ этомъ, сказалъ съ улыбкою: „эпопѣ приговоръ давно уже произнесла природа и мнѣ и судьямъ моимъ!“

Онъ удалился въ Лампсакъ, небольшой городокъ при Гелеспонтѣ и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ забвенїи и нуждѣ. Часто перенѣлъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ, но не жаловался. Онъ добровольно отказался отъ нѣхъ небольшихъ удобствъ, которыя могли бы облегчить ему тяжесть преклонныхъ лѣтъ его. Периклъ давно уже былъ снова въ Аѳинахъ первымъ, обожаемымъ и самовластнымъ. Но Периклъ забылъ бѣднаго наставника и не думалъ благодарностию усладить послѣдніе дни почтеннаго спарца. Только тогда, когда услышалъ, что Анаксагоръ похищенъ съ голода умираетъ въ чужбинѣ, что умираетъ челоуѣкъ, которому онъ обязанъ образованіемъ своего ума и сердца, которому онъ обязанъ тѣмъ, чрезъ что могъ вознестись до господства надъ Аѳинами, — только тогда Периклъ съ раскаяніемъ вошелъ въ самаго себя—и послѣдовалъ въ Лампсакъ.

Периклъ вошелъ въ жилище мудреца. Умирающій старецъ, лежалъ въ постелѣ; на столнкѣ горѣла простая глиняная лампа, которая въ темнотѣ разпространяла слабый свѣтъ. Умирающій узналъ своего ученика и привѣтствовалъ его улыбкою. Периклъ былъ неушѣшенъ. Онъ не желалъ ничего болѣе, какъ только бытъ въ состояніи продлитьъ еще на нѣкоторое время жизнь драгоцѣннаго для него мужа.

„Ты опоздалъ, Периклъ!“ сказалъ Анаксагоръ, имѣвшій полное право упрекнутьъ своему ученику недостаткомъ вниманія и благодарности къ наставнику: „ты опоздалъ, Периклъ; если хочешь, чтобы не угасъ свѣтъ лампы, то не должно забывать подливать въ нее масло.“

Едва Анаксагоръ проговорилъ сіи слова, какъ угасло дрожащее пламя лампы и въ то же самое время пламя жизни мудраго. Периклъ вполне предался своему горю. Его раскаяніе было поздно. Онъ никогда не могъ забыть послѣднихъ словъ своего наставника и его лампы. Забывъ необходимое и должное, онъ, какъ случается часію въ свѣтѣ, сдѣлалъ излишнее. Кому при жизни, онъ не далъ пужнаго хлѣба, тому соорудилъ памятники. Надъ гробомъ Анаксагора Периклъ велѣлъ воздвигнуть два жертвенника изъ Паросскаго мрамора; и одинъ изъ нихъ посвящилъ испинѣ, а другой здоровому смыслу.

Прекрасную противоположность этому видимъ мы въ послупкахъ Россійскаго Императора АЛЕКСАНДРА

противъ прежняго своего наставника! Я считаю не нужнымъ говорить здѣсь о нѣжной признательности великаго Государя. Она извѣстна свѣту. Я расскажу другой случай, о которомъ сообщилъ мнѣ одинъ, заслуживающій уваженіе чловѣкъ. Должно представлять свѣту такія нѣжныя черты добродѣтельныхъ чувствъ.

Одинъ Россійскій Княжескій домъ, изъ первѣйшихъ фамилій въ Государствѣ, лѣтъ шестнадцать тому назадъ, поручилъ воспитаніе своихъ дѣтей умной и благородномыслящей Швейцаркѣ. Своими добродѣтелями, которыми такъ хорошо умѣла учить она, которыя такъ хорошо умѣла исполнять сама, и прелестью своего обращенія, наставница снискала себѣ всеобщее уваженіе. — Спусти нѣсколько лѣтъ, она вышла за мужъ, и при этомъ случаѣ, благодарность Княгини В—, обнаружилась самымъ прекраснымъ образомъ. Въ собственномъ домѣ, Княгиня праздновала пышную свадьбу и осыпала добродѣтельную наставницу своими подарками.

Но не долго наслаждалась она счастьемъ жизни. После первыхъ родовъ поселилась въ ней мрачная меланхолія, которую ничто не могло разсѣять и которая угрожала опасностію ея нѣжному сложенію. Врачи присовѣтовали напоследокъ перемѣну климата, возвращеніе въ междугорныя долины родины.

Княгиня не охотно согласилась на разлуку съ любимою больною. Въ самое суровое время года, изъ одной нѣжной привязанности, къ своей воспитательни-

цѣ, она провожала ее болѣе шести сотъ верстѣ, желая наблюдать во время дороги, какое вліяніе будетъ имѣть путешествіе на здоровье спраждущей. Напоследокъ должно было разстаться.—Разлука была самая прогашельная для обѣихъ. Даже въ позднѣйшее время, когда благородная Княгиня вспоминала объ этой минутѣ, ея прелестныя глаза наполнялись слезами.—

Желанія и мольбы Княгини, о сохраненіи драгоценной для нея жизни, не исполнились. Спусти полгода, больная уснула вѣчнымъ спокойнымъ сномъ.

Съ Нѣмецк. *Егоръ Аладьинъ.*

Г Е Н Е А Л О Г І Я.

(Изъ *Цшоокке.*)

Лики, небольшой народецъ въ малой Азіи, по достоверному свидѣтельствію Геродота, [ки. I. глав. 173] не слѣдовали генеалогической меподѣ прочихъ націй, и, какъ полагали они, по весьма основательной причинѣ. Они называли себя не по именамъ своихъ опцовъ, а по именамъ матерей. „Если тамъ одинъ спроситъ другаго: изъ какой фамиліи онъ происходилъ? то сей расскажетъ пошчасъ родословную своей матери, бабки и прабабки.“ Ни одна нація не имѣетъ столь надежнаго родословнаго дерева, и столь вѣрной Генеалогіи.

Пер. *Егоръ Аладьинъ.*

Въ книжномъ и музыкальномъ магазинѣ *Брифа*, въ большой Морской, въ домъ Гуноропуло поступилъ въ продажу:

Album Musical. Pour l'année 1851. Contenant de Romances choisies et beaucoup de nouvelles pièces pour la danse, composées par Mrs. Alabjeff, Doborzynsky, Freitag, Glinka, E. de Küster, Laskowsky, Lewicky, Marcisky, Reinhold, Romanus, Sakoleffsky et pl. a. Prix 15 R.

ИЗВѢСТІЕ.

Третьяго дня, ш. с. 14 числа текущаго мѣсяца, въ 8-мъ часу по полудни, скончался здѣсь любимый всѣми, какъ человекъ и какъ писатель, извѣстный поэтъ нашъ Баронъ Анто́нь Антоновичъ Дельви́гъ.

Издатель.

СОДЕРЖАНІЕ No. V.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Пѣвица. [повѣсть.] *Стихотворенія*: Въ Альбомѣ; соч. *Языкова*. БИБЛИОГРАФІЯ. Сочиненія, переводы и подражанія въ стихахъ, *К. Масальскаго*. ТЕАТРЪ. Трагедія, Кровавая рука; Комедія, Изора. СМѢСЬ. Анаксагорова лампа и Русская Книгиня; Генсалогія. ИЗВѢСТІЕ. НОТЫ.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволится: 15 Января 1851 года.

Ценсоръ *П. Гасвскій*.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

П Ъ В И Ц А.

(П о в ѣ с т ь.)

(Продолженіе.)

V.

Можно себѣ представить, какъ много эпо произшествіе занимало Лейбъ-Медика. Его обширная практика казалась ему теперь столько же тягоспною, сколько прежде была пріятна; визиты больнымъ, копорые ожидали его, мѣшали ему скорѣ видѣться съ Пѣвицею и слышать отъ нея обѣщанныя и такъ неперпѣливо ожидаемыя объясненія.— Впрочемъ, эти тридцать или сорокъ визитовъ, имѣли, съ одной стороны, свою пользу: онъ могъ прислушаться, что говорятъ въ домахъ о Фіамеппи; — и, можетъ быть, узнать что нибудь и о чудномъ обожателѣ ея, Капельмейстерѣ Валани.

Говоря о Пѣвицѣ, всѣ пожимали плечами; и пѣмъ спроче были о ней сужденія, чѣмъ досаднѣе казалась та неизвѣстность, въ копорой оснавалась публика на счетъ подробно-

стей ея приключенія. Зависшницы, (а какая опшличная Пѣвица, если она къ тому же прекрасна и только семнадцати лѣтъ опъ роду, ихъ не имѣешь?) дѣлали самыя злыя замѣчанія; умѣренные говорили: „вопъ каковъ эпопъ народецъ! съ Нѣмкою никогда бы этого не случилось!“ а не многіе едва осмѣливались сожалѣть объ ней. — „Бѣдная дѣвушка!“ думаль Ланге, и рѣшился усердно помогать ей.

О Капельмейстерѣ почти ничего не знали: ни добраго, ни худаго. Извѣстно было, что онъ нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ пріѣхаль въ Б. наняль комнашку въ Hôtel de Portugal, жилъ весьма умѣренно и уединенно, даваль уроки въ пѣннн, занимался музыкой. Многимъ, впрочемъ, казалось въ немъ что то высокопарное, гордое; другіе, напропнвъ, копорымъ онъ извѣстенъ былъ покороче, находили его очень занимательнымъ; рассказывали даже, что его превосходныя свѣденія въ музыкѣ, привлекли въ Hôtel de Portugal многихъ посѣщптелей. Связи же его съ Фіамешнн никому не были извѣстны.

Коммерціи Совѣтника Вальнау нашель докторъ въ постель. Онъ казался чрезвычайно разстроеннымъ, говорилъ едва внншнымъ, дрожащимъ голосомъ множество глупостей о предметахъ, выходившихъ совершенно изъ сферы его понятій. По словамъ жены его, онъ не

спалъ цѣлую ночь, занимаясь чтеніемъ знаменитыхъ юрисповъ и повѣспивованій о невинно осужденныхъ; спопалъ и вздыхалъ. —

Пѣвица Фіамешти, для коппорой, напослѣдокъ, уллучилъ Докпоръ свободное время, была печальна и уныла, какъ будто бы для нея не оставалось уже никакой надежды въ мірѣ. Взоры ея были мрачны, глаза заплаканы. — Рана, сверхъ ожиданія, казалась совершенно неопасною, но съ воспановленіемъ тѣлеснаго здоровья, спрадало ея спокойствіе и здоровье душевное. — Я долго думала, „говорила она,“ и нахожу, что вы, любезный Докпоръ, по весьма спранвому случаю, соединены съ моею судьбою. — Прежде я васъ не знала; признаюсь, мнѣ едва было извѣстно, что въ Б. существуетъ какой нибудь Лейбъ-Медикъ Ланге; — а теперь, когда меня постигло несчастіе, самъ Богъ посылаетъ мнѣ въ васъ шакого добраго и попечительнаго друга.

— „Сударыня,“ отвѣчала Ланге, „во многихъ случаяхъ для врача недовольно пощупать пульсъ лѣвой руки, перевязать рану и прописать микстуру. — Повѣрьте, когда врачъ, сидя у постели больнаго, замѣчаетъ и открываетъ не видимыя раны, тогда онъ дѣлается его другомъ, тогда ему обнаруживается взаимная связь души съ тѣломъ. —

— „Такъ!“ сказала Джюзеппа, взявъ его доврчиво за руку, — „шакъ! . . и для моей ду-

ши нашелся врачъ! можетъ быть, вамъ доведется многое для меня сдѣлать . . . . хлопотать за меня предъ судомъ! . . . Если вы рѣшитесь принести эту жертву бѣдной, безпомощной дѣвушкѣ, то я готова быть опровергнутою передъ вами. —

— „Я рѣшаюсь,“ говорилъ добрый шарикъ, пожавъ ей дружески руку.

— „Но подумайте: свѣтъ обвиняетъ, проклинаятъ меня.—Что, ежели спануть и на васъ указывать пальцами, спануть говорить, что вы вступились за Пѣвицу, за Ишаліанку?..

— „Я рѣшился! вскричалъ Докторъ съ важнымъ видомъ;“ рассказывайте. —

VI.

„Мой отецъ,“ начала Пѣвица, „былъ Антонио Фіамешти, знаменитый скрипачъ, извѣстный, вѣроятно, въ молодыхъ вашихъ лѣтахъ, и вамъ. Слава о концертахъ, которые давалъ онъ при Дворахъ и въ Столицахъ, разпространилась вездѣ. Мать моя, въ свое время, слыла также отличною пѣвицей и участвовала въ концертахъ моего отца. Мнѣ было четыре года, когда онъ умеръ, оставя насъ въ бѣдности. Матушка должна была рѣшиться содержать себя пѣніемъ. Черезъ годъ вышла она за мужъ за одного аршиста, который сначала чрезвычайно къ ней подольщался; но скоро пономъ доказалъ, что онъ женился только изъ ко-

рысннхъ видовъ, основанныхъ на ея пѣннхъ. Семейство наше умножилось еще преме малюшками. Моя мать совершенно пошеряла голосъ, а съ нимъ изсякъ испочникъ доходовъ ея мужа; его концерты бывали блиспательны только потому, что въ нихъ пѣвала моя мапушка. — Поступки его съ нами были ужасны: онъ даже не хощлъ давать мнѣ пици, — наконецъ вздумалъ вознаграждать убытки свои мною. — Съ утра до ночи онъ мучилъ меня надъ пруднѣйшими сочиненіями Моцарта, Глюка, Россини и Споннини, которыя каждую субботу должно было мнѣ пѣть, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики. Бѣдная Джюзеппа, была въ числѣ пѣхъ несчастныхъ, которыхъ природа, къ собственному ихъ бѣдствію, надѣляетъ талантомъ. Тиранъ заставлялъ меня пѣть безпреспанно, билъ меня и по цѣлымъ суткамъ не давалъ ѣсть, если я ошибалась въ ношѣ. — Мапушка не могла долго видѣть моихъ спрданій: жизнь ея изливалась въ слезахъ — и въ одно весеннее утро мы нашли ее мертвою. Къ чему скучать вамъ описаніемъ мучительныхъ лѣтъ моего дѣтства, начавшихся послѣ ея смерти? . . . одиннадцать лѣтъ, я должна была смотрѣть за хозяйствомъ, бытъ воспитательницею прехъ сестеръ, учиться музыкѣ и пѣть въ концертахъ! —

„Въ это время, началъ посѣщать насъ

какой-то господинъ, который моему вопчиму привозилъ всегда полный мѣшокъ франковъ. Я не могу вспомнить объ немъ безъ ужаса: это былъ длинный, сухой мужчина, среднихъ лѣтъ, съ маленькими, сѣрыми блестящими глазами, въ которыхъ такъ много было непріятнаго и язвительнаго, что они опшичали его отъ всѣхъ людей, какихъ я когда либо видала. Казалось, что меня любилъ онъ болѣе другихъ. Всякой разъ, онъ хвалилъ мой ростъ, мое лицо, мою ловкость, мой голосъ;—сажалъ къ себѣ на колѣни и цѣловалъ безпрестанно, не смотря на мои сопрошвленія.—Въ одинъ день, это былъ пятнадцатый день моего рожденія, вопчимъ сказалъ мнѣ: „послушай, Джюзеппа, ты ничего не имѣешь, ничего не значишь, — я не дамъ тебѣ ничего и не хочу ничего отъ тебя. — Христиана (такъ звали сестру мою) хорошая гѣвица и заступинишь твое мѣсто;—ты можешь сама доставать себѣ пропитаніе. — Впрочемъ твой дядя, который живетъ въ Парижѣ, беретъ тебя къ себѣ въ домъ.“ — Мой дядя въ Парижѣ?—вскричала я съ удивленіемъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ во все не знала, есть ли у меня дядя. — „Да, твой дядя въ Парижѣ, отвѣчалъ вопчимъ,— я жду его со дня на день.“ —

„Вы можете себѣ предсавить, какъ обрадовало меня это извѣстіе; еще и теперь не

могу равнодушно о немъ вспомнить. Какое счастье—оснавивъ домъ злаго вопчима; какое счастье, имѣвъ дядю, который бы сжался надо мною; какое счастье живъ въ Парижѣ, — въ столицѣ удовольствія! я была внѣ себя. Лишь только слышался стукъ экипажей, я высовывалась въ окошко, поспрѣшь, не ѣдетъ ли мой дядя, взявъ меня съ собою. Наконецъ, въ одинъ вечеръ подѣхала карета къ нашему дому.—„Вопъ швой дядя,“ сказалъ мнѣ вопчимъ,—и я спрѣлою, съ разпроспертыми объятіями бросилась на встрѣчу моему избавишелю . . . . Но вообразице мой ужасъ: то былъ длинный, *денежный* господинъ.

„Едва не лишилась я чувствъ,—но еще и теперь помню, съ какою дьявольскою радостію смотрѣлъ онъ на меня,—еще и теперь раздается въ ушахъ моихъ, какъ зловѣщее карканье ворона, его осиплый голосъ:—„Какъ мила ты племянница! пора познакомить тебѣ съ большимъ свѣтомъ!“ Одною рукою схватилъ онъ меня; другою бросилъ мѣшокъ на споль, золотыя и серебряныя монеты, звѣня, посыпались на полъ; вопчимъ и меньшія сестры, съ воспоргомъ бросились подбирать ихъ . . . . это была плата за меня!

„На другой день мы отправились въ путь. Сухой мужчина,—я не могла называть его дядей,—не переснавалъ ласкать меня, и раз-

пощашъ увѣренія, въ блестящей роли ожидавшей меня въ его домъ. — Я слушала, но не могла радоваться: какой-то страхъ, какая-то непонятная робость заступила мѣсто прежней моей веселости, прежнихъ моихъ мечтаній о счастіи.—Наконецъ, мы прибыли въ Парижъ, кареша остановилась предъ однимъ большимъ и ярко освѣщеннымъ домомъ. Десять или двѣнадцать прелеспныхъ дѣвушекъ, выбѣжали на встрѣчу намъ. Онѣ ласкали и цѣловали меня, называя милою сестрицей; „это ваши дочери?“ — спросила я сухощаваго. „Да,“ отвѣчалъ онъ со смѣхомъ; дѣвушки и слуги подняли громкій хохотъ.

„Великолѣпныя комнаты и прекрасныя платья разсѣяли меня на нѣсколько времени. Въ слѣдующій вечеръ нарядили меня, какъ куклу и ввели въ залу. — Двѣнадцать дѣвушекъ въ пышныхъ нарядахъ сидѣли по за карточными столами, по на канаве, по за фортепіано и разговаривали съ мужчинами.— Взоры всѣхъ обратились на меня, — хозяйинъ дома подвелъ меня къ флигелю, я должна была пѣть и заслужила всеобщее рукоплесканіе;—спарались завлечь меня въ разговоръ и восхищались моими странными полу-Испанскими фразами.—Такъ прошло нѣсколько дней; я жила ни отъ кого независимо и можетъ быть была бы довольна, если бы не чувствовала какого-то отвращенія, какого-

по страха въ этомъ домѣ и въ этомъ обществѣ.—Что дѣлать? думала я въ моей неопытности,—таковъ большой свѣтъ, надобно привыкать къ его обычаямъ.

Я вснавала всегда рано, по привычкѣ пошчасъ завпракала — и это спасло меня отъ угрожавшей мнѣ гибели; — однажды, подъ салфеткою, я нашла записку; вотъ она, прочтите ее, любезный Докторъ;—я не знаю до сихъ поръ благодѣтельной руки, писавшей эту записку; но да благословишь Небо соспрадапельное сердце, сжалившееся надо мною!

„Ужасный свѣтъ озарившій мое положеніе, едва не ослѣпилъ, едва не убилъ меня; — въ одно мгновеніе рушились мечты мои о счастливой, беззаботной жизни. Что было дѣлать? я не знала на что рѣшишься, чловѣкъ, которому принадлежалъ домъ сей, казался мнѣ ужаснымъ волшебникомъ, для котораго малѣйшія мои помышленія не могли быть тайною.—При всемъ томъ, я хотѣла лучше умереть, нежели хопя минуту оставаться въ этомъ домѣ. — Я замѣтила пропивъ нашего жилища сидѣвшую иногда у окна дѣвушку: она говорила по Италіянски, я ее не знала, но кого же знала я въ столь обширномъ городѣ? . . Родные звуки возбуждали во мнѣ довѣріе, я рѣшилась бѣжать къ ней, пасъ къ ногамъ ея и просишь ее, спаси меня.

„Было семь часовъ упра. Въ домѣ всѣ, не исключая и слугъ, еще спали. Одинъ швейцаръ былъ для меня опасенъ, но могъ ли онъ подумать, чшобъ кто нибудь захопѣлъ бѣжать изъ эшаго храма удовольствій и роскоши? . . я накинула на себя самопъ, бросилась по лѣспницѣ внизъ, — колѣна мои дрожали, когда я проходила мимо швейцара, — онъ меня не замѣшилъ . . . . еще при шага, и я свободна. —

„Нѣсколько вправо черезъ улицу жила незнакомка-Италіянка. Я пробѣжала широкую мостовую, постучалась въ двери, слуга отворилъ мнѣ,— Я спросила Синьору съ черными локонами, копорая говорила по Италіянски. Слуга улыбнулся; — „вы вѣрно спрашиваете Графиню Серафиму? сказалъ онъ; — такъ, ес! . . . отвѣчала я скоро, пустише меня къ ней! . . . Сначала онъ нѣсколько задумался, шѣмъ болѣе, что еще было очень рано, но мнѣ удалось уговорить его. — Онъ ввелъ меня въ одну изъ комнатъ втораго эшажа, — просилъ подождать и поручилъ одной служанкѣ доложить обо мнѣ Графинѣ. — Я не долго оставалась одна, возвратившаяся горничная проводила меня въ спальню госпожи своей;—такъ, эта была она, ша прелестная дѣвушка, копорая говорила по Италіянски. Я упала предъ нею на колѣни и просила о защитѣ, рассказала ей мою исно-

рію;—Графиня была чрезвычайно пронупа и дала мнѣ слово спасти меня. Тотчасъ призвали слугу, который впустилъ меня, строго приказали ему молчать;—потомъ отвели мнѣ комнату окнами на дворъ, гдѣ среди запышій и чшенія, жила я нѣскольکو дней, радуясь моему спасенію и страшаясь будущности.

„Домъ, въ который меня приняли, былъ домъ Посланника одного Нѣмецкаго Двора. — Серафима, урожденная Ипаліянка, воспитывалась у дяди своего въ Парижѣ.—Она была до крайности добра, любезна — и я никогда не забуду ея благодарній.—Каждый день она приходила ко мнѣ съ утѣшеніями, и, между прочимъ, рассказывала, что Посланникъ развѣдывалъ чрезъ своихъ людей въ домъ моего злодѣя;—тамъ все были въ большомъ безпокойствѣ; за пайну говорили слуги, что одна дѣвушка бросилась въ каналъ изъ окна второго этажа.—Спранный случай! я занимала тамъ угловую комнату, одна сторона которой выходила на улицу, а другая на каналъ, и какъ теперь помню, что въ утро моего побѣга я отворила окно и, вѣроятно, оставила его открытымъ. Вотъ какъ понимали мой побѣгъ.

Около этого времени Синьора Серафима долженствовала возвратиться въ Ипалію; по добротѣ своей она взяла меня съ собою. — Этого мало: она упростила родителей своихъ,

жившихъ въ Піаченцѣ, принявъ меня въ домѣ, какъ родную ихъ дочь; — ей обязана я образованіемъ моего таланта, ей обязана моею жизнію, моею свободою, моимъ искусствомъ!.. Въ Піаченцѣ познакомилась я съ съ Капельмейстеромъ Валани, кошорый впрочемъ не Италіянецъ; казалось, онъ любилъ меня, но не говорилъ о томъ ни слова. — Скоро потомъ меня пригласили къ здѣшнему театру; благосклонный пріемъ, уваженіе и любовь публики были моимъ удѣломъ.—Моя жизнь и моя слава не были двусмысленны.—Я не принимала никого, кромѣ, говорю вамъ о томъ не краснѣя,—моего добраго друга Валани: — онъ оставилъ Италію, чпобъ слѣдовать сюда за мною. — Теперь Докшортъ, вы слышали мою повѣсть, теперь скажите мнѣ, въ чемъ вина моя? за что судятъ меня такъ строго?“

VII,

„Дай Богъ!“ сказалъ Лейбъ-Медикъ, взявши Фіамешти за руку, „чпобы я могъ замѣнить вамъ, хотя нѣсколько, тѣхъ добрыхъ людей, съ кошорыми встрѣтились вы на пути жизненномъ? . . . Силы мои слабы, не ожидайте отъ меня такъ много, какъ отъ прекрасной, доброй Графини; но я постараюсь, сколько возможно, облегчить вашу печальный жребій; постараюсь помирить васъ съ буйнымъ вашимъ другомъ.—Но скажите мнѣ пожалуйста, что за звѣрь эшотъ Г. Валани?“

— „Вы спрашиваете меня слишком о многомъ,“ отвѣчала она; „я знаю только то, что онъ Нѣмецъ, и если не ошибаюсь, по фамильнымъ обстоятельствомъ давно оставилъ родину; былъ въ Англии, Испаніи и съ полгода назадъ прибылъ сюда.

— „А, а! да, для чего не открыли вы ему сами всего того, что мнѣ теперь рассказали?“

Джюзеппа покраснѣла, пошупила глаза и отвѣчала Доктору: „Вы мой врачъ, мой благодарный другъ, — съ вами, говорю я, какъ говоритъ дитя съ опцемъ своимъ. — Но могли ли я рѣшившись говорить такъ съ молодымъ человѣкомъ? . . . я знаю его ужасную ревность, его вспыльчивость . . . .

— „Я почишаю ваши чувства, я удивляюсь имъ! . . . Но вы мнѣ еще не все рассказали: — вечеръ въ редушѣ . . . эша ужасная ночь.

— „Правда, — я должна еще продолжать: мысль о моемъ спасеніи наполняла душу мою тихую благодарностію къ Провидѣнію: не оно ли въ домѣ гонителя моего показало меня самоубійцею? Иначе, я была въ шомъ увѣрена, что если бы злодѣй имѣлъ хотя малѣйшее свѣденіе о моемъ существованіи, онъ не оставилъ бы преслѣдовать свою жертву . . . . По этой причинѣ, во время пребыванія моего въ Піаченцѣ, я показывалась ошъ всѣхъ выгодныхъ для меня предложеній

со споровы театровъ; я боялась показаться публично.—Спустя уже годъ, послѣ приѣзда моего шуда, въ одно утро добрая Серафима принесла мнѣ лиспокъ Парижскихъ газетъ, гдѣ прочла я извѣстіе о смерти Шевалье де Планшо.

— „Шевалье де Планшо? . . .“ прервалъ се Докторъ: „пакъ ли назывался человекъ, взявшій васъ изъ дома вашего вопчима?“

— „Такъ звали его. Признаюсь, это извѣстіе меня радовало;—спрахъ мой исчезъ, а съ нимъ и прецлщствіе не бытъ болѣе въ пягостъ моей благодѣтельница.—Я переѣхала въ Б . . . . прешьяго дня отправилась въ редуштъ, въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Валани не зналъ, въ какомъ буду я коспюмѣ, мнѣ хотѣлось подразнить, изумить его.—Я прошла нѣсколько разъ по залъ, — вдругъ знакомый голосъ шепчетъ мнѣ на ухо: „Джюзеппа! что дѣлаешь пвой дядя? . . .“ какъ громъ, поразили меня эти слова. Мой дядя? . . . у меня не было дяди; — только одинъ Шевалье де Планшо называлъ себя моимъ дядею? . . . Едва собралась я съ духомъ, едва могла отвѣчать:—„ты ошибаешься маска!“—и спѣшила скрыться въ толпѣ; но маска схватила меня за руку.—„Джюзеппа,“ говорилъ незнакомецъ, „совѣшую шебъ безъ церемоніи пройтись со мною, не по

разкажу всѣмъ, въ какомъ обществѣ жила ты прежде! . . .“ я сполла, какъ убитая, — мракъ объялъ мою душу, лишь чувство страха, чувство стыда опзывалось въ моемъ сердцѣ. Чшо оставалось мнѣ дѣлать, мнѣ, бѣдной безпомощной сиротѣ, когда бы эшошь человекъ, кто бы онъ впрочемъ ни былъ, вздумалъ очернить меня?“ Свѣшь повѣрилъ бы ему безъ затрудненія и Карлъ, ахъ, Карлъ былъ бы въ числѣ моихъ обвинителей!

Противъ воли, я слѣдовала за незнакомцемъ. Онъ говорилъ мнѣ ужасныя слова, обвинялъ меня въ несчастіи моего дяди, моего вощима, всѣхъ моихъ родныхъ.—Наконецъ я пошеряла шерцѣніе, вырвалась изъ рукъ его и велѣла подашь карешу. Оглянувшись на лѣспницѣ, я увидѣла ужаснаго преслѣдователя за мною;—я поѣду съ тобою, Джюзеппа, говорилъ онъ съ дьявольскою улыбкою, я хочу сказать тебѣ еще нѣсколько словъ! . . .“ Чувства меня оставили, я ошамановалась въ карешѣ, маска сидѣла возлѣ меня.—Я вышла и спѣшила въ свою комнату, онъ за мною и пошчасъ началъ говорить. Въ спрахѣ, чшобъ тайна моя не сдѣлалась всѣмъ извѣсною, я выслала вонъ Бабету.

— „Чего хочешь ты злодѣй!“ вскричала я въ опчаяніи,—„чшо можешь ты сказать про меня? Противъ моей воли завлекли меня въ

шопъ ужасный домъ—и я оставила его, коль скоро узнала участь меня ожидавшую! . . .

— „Джюзеппа! къ чему церемонія? . . . Только два средства остались къ моему спасенію: или ты заплашишь мнѣ сей часъ десять тысячъ франковъ, пожалуй, я возьму бриліантами, серебромъ и золотомъ; или ѣдешь со мною въ Парижъ;—иначе завтра же весь городъ узнаетъ про тебя такія новости, кошорыя для моего нѣжнаго слуха не очень будутъ пріятны. Я была въ себя. „Кшо далъ тебѣ право предлагать мнѣ такія требованія? вскричала я. „Хорошо, говори по городу, что хочешь, но сей часъ оставь мой домъ;—я позову сосѣдей . . . . Тутъ сдѣлала я нѣсколько шаговъ къ окну,—онъ бросился за мною, схватилъ меня за руку. — „Кшо мнѣ далъ право?“ сказалъ онъ,—„твой вопчимъ, Джюзеппа, твой вопчимъ“—и адскій смѣхъ послѣдовалъ за этими словами. Свѣтъ отъ лампы оспразился на лицѣ его, я замѣнила блестящіе, сѣрые глаза—они были мнѣ знакомы;—„я узнаю тебя, Шевалье де Планто! . . . вскричала я, — Правительству дашь ты опчешъ въ твоихъ поступкахъ со мною! . . . „О, до эшаго не дойдетъ!“ сказалъ онъ, и въ ту же минушу я почувствовала желѣзо въ груди своей. —

Докторъ содрогнулся;—не смогля на то, что былъ уже полдень, онъ находился въ ша-

комъ положеніи, какъ шопъ, кому ночью рассказывающъ о привидѣніяхъ;—ему слышался адскій смѣхъ чудовища,—за занавѣсками постели видѣлись ему сѣрые, блестящіе глаза его. „И пакъ, вы думаете, сказалъ онъ, по нѣкопородъ молчаніи, что Шевалье де Планта живъ,—что онъ хотѣлъ умертвить васъ?“

— „Его голосъ, его глаза удосповѣрили меня въ эпомъ; а плапокъ, отданный вамъ вчера, не оставилъ ни малѣйшаго сомнѣнія. — Начальныя буквы его фамиліи вышиты на эпомъ плажкѣ. —

— „И вы позволяете мнѣ дѣйствовать за васъ? . . . позволяете мнѣ открыть все, слышанное мною, Правительству?“

— „Я согласна! — но, не правда ли, Докторъ, вы пойдете къ Валани, расскажете ему мою повѣсть . . . Вамъ онъ повѣритъ, вѣдь онъ знаетъ и Серафиму.

— „Не лъзя ли узнать и мнѣ, какъ назывался шопъ Посланникъ, въ домъ кошораго вы скрывались?“

— „Почему не такъ? . . . эшо былъ Баронъ Маршеновъ. —

„Какъ!“ вскричалъ Ланге, въ пріятномъ изумленіи: Баронъ Маршеновъ? . .

— „Да! знаете ли, вы его? — Онъ былъ Посланникомъ . . . . . го Двора въ Парижѣ, а потомъ въ какой-то изъ сѣверныхъ столицъ. . .

— „Прекрасно! славно!“ говорилъ Лейбъ
Толъ I

Медикъ, радостно цоширая руки: “я его коротко знаю; — прешьяго дня онъ прїѣхалъ сюда, оспановился въ Hôtel de Portugal и присылалъ уже за мною.

Радостныя слезы заблнспали въ прекрасныхъ глазахъ Пѣвицы — сердце ея было наполнено кропкими благоговѣйными чувствованіями. — „Такъ, человекъ,“ сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, „кошораго полагаю я за нѣсколько сотъ миль отсюда, — прїѣхалъ сюда, какъ будто для того, чтобы подтвердить истину словъ моихъ! . . . Пойдите къ нему, Докторъ; ахъ, если бы Карлъ могъ быть при этомъ! —

— „Онъ долженъ быть; онъ будетъ со мною! положишь въ томъ на меня. — Прощайте, будьте спокойны; счастье еще ожидаетъ васъ въ мірѣ! . . . Но не забудьте принимать микспуру, черезъ часъ по двѣ полныхъ споловыхъ ложки.“ Такъ говорилъ Докторъ и ушелъ; Пѣвица благодарила его взорами; она была спокойнѣе и веселѣе; сообщивъ свою тайну Доктору, она избавилась отъ ужаснаго бремени, тягошнвшаго ея душу; и съ полнымъ довѣріемъ къ провидѣнію смотрѣла въ будущность.

(Продолженіе въ слѣдующемъ Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.
К ъ Л и л і и.

Послушай, Лилія младая!
Невинно-чиспою красой,
Какъ соименница, сіяя,
Ты любишь свѣжею душой!
Еще горипъ въ пвоемъ лобзанъ
Воспоргъ невинности: свяпой,
И слаще розъ пвое дыхапье!
Я объ одномъ молю тебя:
Не предавайся мнѣ, какъ другу!
Спроси меня, какъ я любя
Сгубилъ несчастную подругу . . . .
Она певинная, какъ пы,
Была шакой же красопы —
Ея ужъ нѣтъ! но образъ милый,
Ишедшій грустно изъ могилы,
Меня шревожипъ и во снѣ!

Хопя раскаяпье во мнѣ
Горипъ спасенія залогомъ —
Но какъ любишь меня шеперь?
Невинность милая! не вѣрь
Моей любви, прокляпой Богомъ!

1824.

Б. Розень

С М ъ Х ъ И Г О Р Е.

Аенлине! Какъ мнѣ смѣшонъ
Вашъ знаменитый Фокіонъ! —
Вы говорите: «назывался
«Онъ краснорѣчія бичемъ» —
Согласенъ я; но дѣло въ помъ,
Что спрашымъ онъ всегда казался.
Ахъ, онъ проказникъ! Ахъ, чудакъ!
Всѣхъ убѣждать имѣлъ искусство,
А самъ не плакалъ . . . . . Что за чувство!
Людей морочить можно ль шакъ! —

И пусть *не плакалъ* бы проказникъ,
 Но вопшь великая бѣда:
 Онъ не былъ весель никогда,
 И *не спѣлся* даже въ праздникъ. —
 Быпописаніе гласить,
 Чшо не шаковъ былъ Гераклишъ.
 Ему сей міръ казался скучень:
 Онъ веселился не любилъ,
 А вѣчно *плакалъ*; спало, былъ
 Онъ съ горемъ въ жизни не разлучень —
 А Демокрипъ, предметъ похвалъ!
 Шупилъ, *спѣлся* вѣкъ свой цѣлый,
 И разу слезки не роцалъ. —
 Вопшь нравъ прекрасный, нравъ веселый!
 Вопшь милый мой оригиналъ! —
 Но въ нашемъ вѣкъ *знаменитолъ*,
 Какъ приглядишься на людей:
 Увидишь не въ одномъ, ей, ей!
 Смѣсь Демокрипа съ Гераклипомъ!
 А Фокіоновъ вовсе нѣпшь. —
 Таковъ нашъ вѣкъ, шаковъ нашъ свѣтъ!
 Теперь со всѣмъ другіе нравы,
 Теперь другіе времена. —
 У многихъ цѣль шеперь одна:
 Меспи паркепъ въ черпогъ славы
 И для другихъ инприги плеспъ. —
 За шо и слава имъ, и чеспъ!
 За шо для проспачковъ неславныхъ
 Предметовъ сколько еспъ забавныхъ,
 И нравовъ сколько спранныхъ еспъ! —

Съ душою мелкой и холодной,
 Тамъ на ходуляхъ Ужъ иденъ.
 Не бойпесь! Ужъ высокородный
 Такъ спало онъ не унадепъ.
 Идепъ къ начальнику онъ шакапъ,
 Съ нимъ посмѣяпсья иль поплакапъ.

Тамъ на бользненномъ одрѣ,
 Опецъ спрадая, просипъ сына

Ему наследовать въ добрь.
 Сынъ плачешь . . . . Грустная картина!
 Минуша . . . . Кончила жизнь опець.
 Платкомъ сынъ слезы утираешь;
 И, улыбаясь, опираешь
 Завѣтный, денежный ларець. —
 Тупь *красота злмага рая* (1)
 Рыдаешь, друга провожая,
На долгій мигъ, въ далекий край . . . . (2)
 Проспила съ нимъ. Поклонникъ новый
 Какъ пупъ. Гремятъ любви оковы . . .
 Теперь заочный другъ прощай!
 Твоя любезная смеется,
 Другому руку подаешь,
 Съ другимъ о счастья рѣчь ведешь:
 На свѣтъ пакъ всегда ведешь!
 Когда узнаешь, что другой
 Владѣешь дѣвицы рукой, —
 Ты ужаснешься, пы заплачешь,
 И пошчасъ, можешь быть, назначишь
 Сомернику кровавый бой.
 И, можешь быть, вы подерешь;
 Изъ васъ поранишь брата брань,
 Попомъ друзья васъ помирятъ,
 Попомъ въ разгуль *посмѣтеть* —
 И все пойдѣтъ на старый ладъ!

Здесь о сыночкѣ, *со слезами*.
 Старушка рѣчь къ госнямъ ведешь:
 «Нѣтъ, грамошка ему нейдѣтъ,
 «Пусть подростешъ онъ, подростешъ!» —
 Сама же умныхъ — дураками
 Съ *насмѣшкой* дерзкою зовешь.
 А памъ, — смѣшно! Жилецъ чердачной,
 Безхарактерный Пустяковъ —
 Вынчасъ рифмой неудачной
 Конць дневныхъ своихъ шрудовъ.

(1 и 2) *Красота злмага рая*, — на долгій мигъ, въ даль-
 ний край — выраженія модныхъ поэзовъ.

Его элегія — гопова.

(Для Журналиста — не обнова!)

Ужъ онъ вздыхалъ надъ ней, вздыхалъ . . .

Едва не плакалъ онъ, признайся.

Зашейникъ, бѣдный! онъ не зналъ,

Что будешь въ надъ ней *смѣяться*.

Нѣтъ, въ нашемъ вѣкѣ знаменипомъ,

Какъ пригляднись на людей:

Увидишь не въ одномъ, ей, ей!

Смѣсь Демокрипа съ Гераклипомъ.

А Фокіоновъ — вовсе нѣтъ . . . .

Таковъ нашъ вѣкъ, таковъ спалъ свѣтъ! —

Николай Лутковскій.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

10) *Сѣверные цвѣты*, на 1831 годъ, С. п. б. въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія, 282 и 124 стр. въ 16 д. л. съ гравированнымъ заглавнымъ листкомъ и нотами Румелійской пѣсни. — Альманахъ *Сѣверные цвѣты* издается уже седьмой годъ; Издаемъ онаго былъ постоянно почтенный поэтъ нашъ Баронъ Антонъ Антоповичъ *Дельвигъ*; рановременную кончину его оплакиваютъ теперь Музы, свѣжая могила его орошена еще слезами родныхъ и друзей, какой рецензентъ станетъ хладнокровно хвалить, или хулить теперь *Сѣверные цвѣты*.

Е. Васильевъ.

Т Е А Т Р Ъ.

Женщина-лунатикъ, опера-водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ Французскаго Княземъ А. А. Шаховскимъ, — и *Фра-Діаволо*, или *разбойники въ Террациль*, новая большая опера въ 3 дѣйствіяхъ съ принадлежащими къ ней хорами, танцами, сраженіями,

великолѣпнымъ спектаклемъ и проч. и проч. переведенная съ Французскаго, музыка соч. *Обера*. 14-го Января, на большомъ театрѣ, бенеф. Г. Капельмейстера *Кавоса*.

Въ первой изъ этихъ оперъ, въ роль Напаша, мы видѣли снова *Г-жу Семенову*. Говорить о прелестной, натуральной игрѣ ея, значило бы повпорять здѣсь много разъ уже сказанное и пересказанное другими. Громкія рукоплесканія во время представленія и по окончаніи пѣсы единодушный вызовъ на сцену *Г-жи Семеновою* были должною данію публики ея неподдѣльному таланту. — *Г. Сосницкій*, занимавшій роль проказника-Луцкаго, былъ хорошъ какъ и всегда; а *Гг. Шеласвъ м.* [*Лидицъ*] и *Рязанцовъ* [*Касьянъ*] не испортили своего дѣла.

Что сказать теперь о новой большой оперѣ: *Фра-Діаволо?* Блаженной памяти Царю Эдипу легче, гораздо легче было разгадать трудную загадку Сфинкса, нежели рецензенту объяснить содержаніе речевой новой большой оперы, и доискаться въ ней смысла! . . . Лордъ и Миледи, Фра-Діаволо и разбойники его шайки, офицеры и солдаты крестьяне и крестьянки, прахтирщикъ и его дочь—приходятъ, притѣзжаютъ, уходятъ, уѣзжаютъ, пьютъ, ѣдятъ, ложатся спать (*), встаютъ,—вопъ и все дѣйствіе трехъ дѣйствій! . . . Однимъ словомъ, опера *Фра-Діаволо* началась попойкою, а кончилась дракою; въ убитыхъ и раненыхъ какъ водился, не было недостатка; что случилось съ самимъ Фра-Діаволо? не знаемъ! Нѣкоторымъ изъ зрителей показалось, что онъ убитъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; другіе, напротивъ, утверждали, что его повѣсили . . . . .

Талантъ *Г. Самойлова*, занимавшаго роль ашамана

(*) Хорошо имъ, а каково-же было Публикѣ???

разбойниковъ Фра-Діаволо, не могъ ничего создать изъ этой ничтожной роли. Г-жа *Биркина* съ чувствомъ и прекрасно пропѣла большую, вставную арию въ началѣ третьего акта. Г. *Блишенцовъ* . . . . эпоній артистъ около трехъ мѣсяцовъ прудится уже на Петербургской сценѣ . . . . Сѣверная Пчела, Сытъ Отечества и С.-Петербургскій Вѣспникъ, ни разу не удостоили похвалою забѣгаго пѣвца, слишкомъ строго судили о талантѣ и сценическихъ средствахъ, какими надѣлила его, не для всѣхъ, щедрая Природа! . . Будемъ безпристрастны и, на сей разъ, похвалимъ Г. *Блишенцова* безпристрастно: въ небольшой роль влюбленного *Лоренцо*, онъ былъ почто таковъ же, какъ и въ роляхъ: *Макса*, *Иосифа Прекраснаго*, *Жоржа* и *Графа Арманда*! . „Чему же приписать эпо?“ спросятъ насъ . . Постоянству, Мм. Гг., постоянству; а постоянство-то и есть самое похвальное качество въ человѣкѣ! . .

Е. Васильевъ.

С М Ъ С Б.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ НАХОДКА.

(Изъ *Цшокке*.)

Найди кпо нибудь въ Европѣ слоновый зубъ, или осповъ какого либо живопнаго, котораго родина пеперь только въ знойной Африкѣ,—и наши ученые попчасть подымутъ такой шумъ, какого едва ли стоить цѣльй-слонъ, или живое живопное. Чпо же хопятъ доказать этимъ? Чпо Европейскій климатъ былъ когда-то жарче, нежели пеперь, или, что мѣста, гдѣ споятъ пеперь Лондонъ и Парижъ, могли когда-то лежать подъ экваторомъ?

Гораздо интереснѣе для исторіи человечества, если во вновь открытыхъ странахъ, каковы, на примѣръ,

Америка, внутренность Африки, или Южная Индія, находящія явные слѣды Европейскихъ искусствъ.

Когда Гонзало Велло открылъ Азорскіе острова, и Принцъ Генрихъ Португальскій, для населенія оныхъ, послалъ въ 1461 году первыя колоніи, то на островѣ Куерво найдена была прекрасно обработанная статуя, представлявшая всадника на конѣ, въ плащѣ и съ открытою головою. Лѣвою рукою держалъ онъ поводья, правую указывалъ на Западъ. Подъ статуею, на ушесѣ высѣчены были слова, копорыхъ, однако же, никто не умѣлъ прочесть (*). Какъ при заложеніи Капитоліи, найденная человѣческая голова, долженствовала быть предзнаменованіемъ господства Римлянъ надъ вселенною, такъ, по видимому, и эта статуя давала своею рукою знакъ къ открытію Америки.

Кто поставилъ и оставилъ ее на этомъ островѣ? Финикіяне? Кароагеяне? Откуда зашла она? Никто не удостоилъ вниманіемъ эту статую, которая, можетъ быть, пролила бы свѣтъ и на исторію древнѣйшихъ открытій?

Такъ и открыватели Софалы, богатой золотомъ и слоновію костью земли на западномъ берегу Африки, которую Кантъ принималъ за знаменитый Офиръ древности, нашли тамъ ашшики, напоминашіе о неизвѣстномъ, весьма образованномъ вѣкѣ. Когда Педро Анная въ 1508 году спирнулъ тамъ портъ, то во внутренности страны Португальцы нашли зданія удивительной, никогда невиданной ими архитектуры. Въ самыхъ развалинахъ этихъ зданій можно было еще видѣть слѣды величія, богатства и вкуса. Тамъ и сямъ замѣчали на камняхъ надписи; но никто не зналъ буквъ сихъ надписей. — Обитатели Софалы не могли дать никакого объясненія о происхожденіи этихъ зданій, самое преданіе о нихъ уже исчезло.

Пер. *Егоръ Аладышъ.*

(*) Prevost hist. gén. de voy. Paris 1746. Часн. I. стран. 52.

А Н Е К Д О Т Ы.

1.

Дѣвица N. показала своему сѣгара Спихопвореніе любимаго ею поэта. „*Какой пьяница!*“ сказалъ олецъ, взглянувъ на первый стихъ, который начинался словомъ: *упоемый!*? . . . — Ахъ, напенька, прервала покрасѣвшая дѣвица: вы не шакъ это поняли: Мг Рифмакъ не пьеть вина, онъ уноеть любовью. —

2.

Нѣкто спросилъ въ книжной лавкѣ карманный Россійско-Французскій словарь. Книгопродавецъ, подавая ему два тома, сказалъ, что *третій* еще не отпечатанъ. „Не понимаю цѣли сего изданія! возразилъ покушатель смотря на книгу:“ по одиному тому эшого словаря носить въ карманъ не возможно; а для всѣхъ — должно непременно имѣть или *три кармана* или *одинъ мѣшокъ*.

Н. Лутковскій.

Н О В О С Т И.

Россія, идущая исполненными шагами къ просвѣщенію, не чужда болѣе иностранцамъ; они занимаютъ нашею импературой и взгляды ихъ на эту империю часно не шакъ косвенны, какъ взгляды иныхъ доморощенныхъ газетчиковъ! чудные духа нашихъ партій, иностранцы смотряшь на произведенія Русскихъ писателей не въ увеличительное стекло взаимнаго восхваленія, не въ уменьшительное стеклышко личной вражды и зависти: они смощряють безпристрастными глазами истины и здраваго смысла! — Жаль только, что нынѣ извѣстія, о достопримѣчательностяхъ Русской импературы, помещаются въ иностранныхъ журналахъ довольно поздно, другіе, напрошивъ того, черезъ чуръ уже рано! . .

Первые NN. Берлиской газеты: Der Freimüthige на 1831 годѣ, извѣщая своихъ читателей о томъ, что новый романъ О. В. Булгарина, подъ названіемъ: *Петръ Выжигинъ*, поступилъ уже въ печать, упоминають, между прочимъ, слѣдующее о другихъ произведеніяхъ нашей словесности: „*Полтава*, новая поэма; „*Пушкина*, заслужила всеобщее одобреніе знатоковъ, „и принадлежишь теперь къ числу книгъ, наиболѣе „читаемыхъ въ Россіи. Главное лице въ этомъ стиховореніи есть столь много воспѣтый Мазепа. „Авторъ Полтавы изображаетъ его, однако же, не „такими льстивыми красками, какъ другіе поэмы, „которыя Мазепа казался героемъ свободы! . . „*Пушкинъ* представляетъ Мазепу гордымъ, властолюбивымъ; смѣсь жестокости и вѣроломства, коихъ „опличительная черта его характера.—Стихотвореніе сіе исполнено красотъ несомнѣнныхъ; метода изложенія и слогъ, истинно поэтическій, „снискали автору названіе Русскаго Бейрона . . . Охудаютъ „однако же то, что *Полтава*, какъ и другія поэмы „*Пушкина* имѣетъ слишкомъ *отрывчатый* видъ, „(Fragmentarisches Ansehen) и не созрѣла въ цѣломъ. — „*Соловь* издалъ (?) въ 2-хъ томахъ *Разказы Путешественника*. Русскіе до сего времени, имѣли у себя „очень мало, или и вовсе не имѣли оригинальныхъ сочиненій въ этомъ родѣ. — *Загоскинъ*, извѣстный „драматургъ и авторъ историческаго романа, сюжетъ „коего заимствованъ изъ междуцарствія 1612 года, въ „предант къ этому роману пишетъ теперь повѣсть „1812 года. — *Гайдалакъ*, Малороссійская повѣсть „*Байскаго*, отрывки изъ которой были напечатаны „въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, вышедъ въ свѣтъ „вполнѣ, (?) и, какъ говорятъ, весьма занимательна „описаніемъ мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ той провинціи.—*Драматическія произведенія Хмельницкаго*, „ходившія, до сего времени, въ невѣрныхъ спискахъ, „по рукамъ многочисленныхъ его читателей, теперь изданы съ разрѣшеніемъ Автора и другими гравюрами.

Сочиненія Державина спали нынѣ такъ рѣдки, что многіе любятъли божественной лры безсмертнаго

вѣнца Бога и Фелицы, принуждены плачивать по 100 и болѣе рублей за экземпляръ его твереній.—С-Петербургскій книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ, заслужившій вниманіе Публики дешевымъ изданіемъ *Исторіи Государства Россійскаго и Басенъ Крылова*, хочетъ явить новый примѣръ своего безкорыстія и усердія къ пользамъ опечесивенной словесности: мы слышали, что ему, отъ наслѣдниковъ покойнаго Гавриила Романовича, предоснавлено право на новое изданіе всѣхъ его сочиненій. Онъ будущъ напечатаны въ 4-хъ томахъ, на веленовой бумагѣ, украсятся гравированнымъ портретомъ Автора и чешырьмя заглавными вишьетами, работы отличнѣйшаго, и списавшаго уже Европейскую славу, Русскаго Художника... И такой экземпляръ сочиненій Державина будетъ стоить 25 рублей.

Издатель.

ИЗВѢСТІЕ.

Въ прошедшую пятницу, 16 Января, скончался здѣсь извѣстный писатель нашъ, Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

Издатель.

СОДЕРЖАНІЕ No. VI.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Пѣвица. [повѣсть.] *Стихотворенія*: Къ Ляліи соч. *Б. Розена*. Смѣхъ и Горе; соч. *Николая Лутковскаго*. БИБЛОГРАФІЯ. Свѣрныя цвѣтны. ТЕАТРЪ. Желтица-Лунастикъ; Фра-Дявола. СМѢСЬ. Замѣчательная находка; Апсодошы. НОВОСТИ. ИЗВѢСТІЕ. ПОТЫ.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 19 Января 1831 года.

Ценсоръ *П. Гасвскій*.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

П Ъ В И Ц А.

(П О В Ъ С Т Ъ.)

(Продолженіе.)

VIII.

Баронъ Маршеновъ, которому Ланге имѣлъ нѣкогда случай оказать довольно важную услугу, принялъ его весьма дружески и сообщилъ самыя удивительныя извѣстія о Пѣвицѣ Фіамешши. Не только подтвердилъ онъ справедливостъ ея разсказа, но еще превозносилъ похвалами ея превосходный характеръ и обѣщалъ, вездѣ, гдѣ только онъ будетъ въ эптомъ городѣ, говорить въ ея пользу и спарашся уничтожить несправедливыя о ней слухи. Баронъ сдержалъ свое слово; — въ нѣсколько дней мнѣніе публики, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, перемѣнилось. — Докпоръ, между пѣмъ, разкланявшись съ Посланникомъ, взошелъ еще нѣсколько ступеней: въ 54 N. жилъ Капельмейстеръ. Докпоръ остановился у дверей, чпобы не-

ревеспи духъ;—крушая, высокая лѣшница его упомила. Спранные звуки поразили слухъ его;—въ комнаѣ долженъ былъ находишься больной, изъ груди коего вылепали тяжкіе вздохи и спенанія. — Они сопровождались по ужасными проклятіями на языкѣ Французскомъ, смѣшанномъ съ Италіянскимъ, по осипло - глухимъ смѣхомъ опчаянія. — Лейбъ-Медикъ содрогнулся. „Я замѣчалъ въ немъ нѣкоторыя признаки съумасшесивія,“ думалъ онъ про себя;—„не уже ли молодець свихнулся совершенно, или захворалъ съ горя? . .“ Докпоръ хопѣлъ уже послучаешься въ двери, какъ вдругъ бросилъ нечаянный взглядъ на Но., это былъ 53. Замѣшивъ свою ошибку, пошелъ онъ къ слѣдующимъ дверямъ, на которыхъ блиспали 54.

Здѣсь было со всемъ другое. Прекрасный, звучной мужской голосъ, съ акомпаниментомъ фортепіано, раздавался въ комнаѣ. Докпоръ вошелъ—и узналъ молодаго человѣка, видѣннаго имъ на канунѣ у Пѣвцы.

По комнаѣ разбросаны были ноты, гитары, скрыпки, спруны и другія музыкальныя принадлежности, посреди коихъ въ широкомъ черномъ плафрокѣ, въ красной на головѣ шапочкѣ, съ огромнымъ свиткомъ нотъ въ рукахъ, стоялъ Капельмейсперь.—Докпоръ признавался послѣ, что онъ показался ему Маріемъ на развалинахъ Карѳагена.

Молодой человек узналъ его и принялъ сухо; сбросивъ однако же нѣсколько нопныхъ книгъ съ кресель на полъ, просилъ его садиться; а самъ ходилъ скорыми шагами взадъ и впередъ, сменая широкимъ шлафрокомъ ниль со споловъ, книгъ и инструментовъ.

— „Вы пришли опъ нея?“ вскричалъ онъ; „сидишь, сударь, въ вашихъ почпенныхъ сѣдинахъ, бышь разсылнымъ такой жепцины! . . Я не хочу ничего слышать, я на всегда проспился съ моимъ счастьемъ; вы видите меня въ шрауръ;—одинъ эпошь шлафрокъ, если вы, Докпоръ, не свѣдуци въ Психологii, долженъ былъ уже сказать вамъ, что она умерла для меня! . . о, Джюзеппа, Джюзеппа! . . .

.. — „Ахъ, любезный Капельмейстеръ; прервалъ его Докпоръ, „выслушайте только меня.“

— „Выслушать? . . Понимаете ли вы, что значитъ выслушать? . . что значитъ слухъ? . . что такое слухъ? . . Посмотримъ! . . Вошь, эпо женщина,“ продолжалъ онъ бросившись къ флигелю и пробѣгая пальцами по клавишамъ;—Докпору, кошорый не былъ знапокомъ, казалось эпо обыкновенною музыкой.— „Слышите ли вы, эши нѣжные, умирающіе, обольстительные звуки? . . не замѣчаете ли вы, однако жъ, въ переходахъ непостоянства, въшренности, безхарактерности эшихъ

твореній? . . . Но слушайте далѣе,“ говорилъ Капельмейстеръ возвышеннымъ голосомъ, свѣрка глазами и засучивая широкой рукавъ своего праурнаго шлафрока — „гдѣ дѣйствуешь мужчина, тамъ только истина и сила, тамъ не доступна нечистая ложь, — тамъ все, божественно какъ эпитоны! . . .“ Онъ съ чрезвычайнымъ жаромъ игралъ на фортепіано; а Докторъ готовъ былъ побожиться, что онъ опять не слыхалъ ничего, кромѣ самой обыкновенной музыки.

— „У васъ странная характеристика людей; сказалъ онъ;—пожалуй, эдакъ вы сыграете и нашего брата Медика на какомъ нибудь инструмента?“

Въ это время вошелъ въ комнату небольшой горбатенькой человекъ, раскланялся пренизко и доложилъ: что больной жилецъ въ 53 No. проситъ Г. Капельмейстера бытъ попише. „Бѣдной господинъ!“ примолвилъ человекъ: онъ очень слабъ и, кажется, близокъ къ смерти.

— Засвидѣтельствуй этому господину мое всенижайшее почтеніе, сказалъ Валани; „по мнѣ, пусть онъ опирается въ Елисейскія, когда ему угодно.—Онъ пугаетъ меня ночью своими спонами, жалобами и ужасаетъ безбожными проклятіями, безумнымъ смѣхомъ. Не думаешь ли этотъ Французъ, что онъ

одинъ живешъ въ Hôtel de Portugal? . . . .
онъ не принуждаетъ себя для меня, а мнѣ
не къ чему принуждать себя для него.

— „Извините, милоспивый государь, опивчалъ горбунъ:—это не надолго,—не уже ли вы хопите послѣднія его минушы . . . .

— „Развѣ эпошъ господинъ такъ боленъ?“ спросилъ Докшоръ съ учаспиемъ:—„чѣмъ онъ спраждешъ? кто его лечитъ?.. и кто онъ?..

— „Кто онъ? я право не знаю,“ опивчалъ малорослый лакей; кажешся зовушъ его Лорье и родомъ изъ Франціи.—Третьяго дня былъ онъ совершенно здоровъ, только задумывался, не выходилъ вовсе изъ комнашы—и сколько я ни разхваливалъ ему достопамяшностией здѣшняго города, онъ не хопилъ ихъ видѣшъ.—Вчера нашелъ я его очень больнымъ, въ постелѣ; надо полагашъ, что ночью случился съ нимъ ударъ; но ни за что въ свѣшъ не хочешъ онъ Докшора, и на мои предложенія объ этомъ опивчаешъ ужасными ругашельспвами.—Въ эпу минушу изъ ближней комнашы раздался хриплый голосъ больного,—онъ звалъ слугу и изрыгалъ прокляшя. Горбашый лакей перекрестился при раза и побѣжалъ вонъ.

Докшоръ снова обратился къ Капельмейсперу—и въ эпошъ разъ имѣлъ болѣе успѣха.—Сначала Валанн, казалось, не обращалъ вниманія на слова Медика, онъ держалъ въ

рукахъ паршипуру и шѣлъ что-то себѣ подѣ-
ность; но мало по малу дѣлался вниматель-
нѣе, останавливался, бросалъ бѣглые проница-
пельные взгляды на Лейбъ-Медика, копорый,
между шѣмъ, спокойно рассказывалъ ему при-
ключенія Фіамешши. — Попомъ Валани уро-
нилъ изъ рукъ ноты, глаза его блиспали,
онъ схватилъ Доктора за руку и когда
сей послѣдній кончилъ свою повѣсть, то
онъ внѣ себя спалъ бѣгашъ по комнашѣ.
„Такъ! кричалъ онъ,“ такъ; — это по-
хоже на правду! . . . это вѣрояшно! . . .
это легко могло случиться! . . . но чортъ
возьми! также легко все это можешъ быть
и ложью! —

— „Если не ошибаюсь, это по вашему на-
зывается *decrescendo*, Г. Капельмейстеръ! Вы
сомнѣваетесь? . . . Хотите ли, чтобы я пред-
ставилъ вамъ поручителя?“

Валани споялъ неподвижно. — „Ахъ, если
бы вы могли это сдѣлать, Докторъ! . . .
если бы могли удосповѣрить меня? . . . пред-
ставить свидѣтеля, поручителя! . . . а то,
все такъ темно, — я совершенно въ лаби-
ринтѣ . . . .“

— „Мы васъ изъ него выведемъ, дорогой
пріятель, подхватилъ Медикъ,“ Посланникъ,
копорый въ Парижѣ далъ бѣдной Джюзеппѣ
убѣжище, теперь живешъ здѣсь, въ этомъ
самомъ домѣ, въ 6 Но.; не угодно ли вамъ на-

дѣшь фракъ, повязашь галстукъ? Мы пойдемъ къ нему.“

Молодой человекъ былъ пронуть: „Вы мой Ангель-хранишель! сказалъ онъ, пожимая Доктору руку: „я вамъ чрезмѣрно обязашь! . . я сей часъ одѣнусь—и пойду за вами къ Посланнику.“ —

IX.

Примиреніе съ любимымъ человекомъ имѣло большое вліяніе на Фіамешпи, и, какъ кажется, болѣе нежели всѣ упонченныя лекарства опытнаго Медика. Здоровье ея видимо поправлялось;—чрезъ нѣсколько дней, она оставила поспелю и была уже въ соспоянніи принимашь посѣщенія своихъ знакомыхъ. — Эшого только и ожидалъ Директоръ Полиціи, чшобы продолжашь изслѣдованія. — Онъ былъ человекъ проницательный, и, какъ говорили въ городѣ, не легко было ускользнуть отъ него пому, на кого онъ имѣлъ подозрѣніе, будь хоть за сто или двести миль. Лейбъ-Медикъ сообщилъ ему исторію Пѣвицы, онъ видѣлся съ Барономъ Маршеновымъ, который, подпвердивъ сказанное, увѣдомилъ при томъ Директора, чшо онъ послѣ побѣга Фіамешпи изъ дома Шевалье де Планпо въ Парижъ, счелъ долгомъ обратишь вниманіе тамошняго Правительсшва на нечестивую жизнь эшого человека, чшо, въ скоромъ послѣ того времени носились по городу слухи о смерти Шевалье,

по Баронъ худо этому вѣрилъ. — Посланникъ и Директоръ Полиціи, послѣ многихъ разсужденій и соображеній, приписывали покушеніе на жизнь Пѣвицы этому ужасному человеку, но какъ трудно было отккрыть слѣды его! Иностранцы, находившіеся тогда въ Б., какъ увѣрялъ Директоръ Полиціи, не были ни сколько подозрительны; — только два обшпояшельства могли способствовать отккрытію: во первыхъ, платокъ, найденный въ комнаѣ Фіамешпи, если бы нашелся у кого нибудь подобный; — почему и даны были подробнѣйшія описанія примѣтъ онаго вѣтъмъ прачкамъ и швеямъ въ Б.; — а во вторыхъ Директоръ заключалъ, что надобно ожидать въ скорости втораго покушенія на жизнь Пѣвицы, если убійца находится еще въ городѣ.

Съ сихъ поръ Директоръ Полиціи всегда провожалъ Доктора къ Фіамешпи; всѣ шрое разсуждали о средствахъ отккрыть виновнаго, выдумывали планы и попомъ опять ихъ отвергали. — Наконецъ, Джюзеппѣ встрѣшилась счастливая мысль: — „Докторъ,“ говорила она, „позволилъ мнѣ выѣзжать; теперъ карнавалъ, я хотѣла бы во время послѣдняго редуша явиться въ обществѣ; — любопытно сойтись опять съ людьми на мѣстѣ моего несчастія! А если мы заблаговременно распуснимъ объ этомъ слухи въ городѣ, то я увѣрена, что злодѣй подѣ маскою, не преминетъ меня пре-

слѣдовашь. — Разумѣеяся, онъ оспережешся говоришь со мною, чпобъ не измѣнишь себѣ, но и безъ того, я узнаю его между тысячью . . . Его ростъ, его фигура, его глаза—доспашочныя для меня примѣшы.—Чшо вы объ эпомъ думаете, господа?“

Планъ понравился мужчинамъ. — „Я бьюсь объ закладъ,“ сказалъ Директоръ, „онъ будетъ въ редушѣ, хоня бы шолько для того, чпобъ еще разъ увидѣшь предметъ своего мщенія и пѣмъ удовлетворить своему бѣшенству.—Но совѣтовалъ бы вамъ, Синьора, не надѣвать маски; онъ скорѣе узнаешъ ваеъ, а мы его . . . . Чешыремъ лихимъ молодцамъ въ доминахъ приказано будетъ слѣдовашь за вами,—дайте шолько знакъ,—и они схвапашъ спараго плуша.

Бабешпа, горничная Пѣвицы, во все продолженіе эшого разговора входила и выходила изъ комнашы. Она слышала, какія предпринимали средства, чпобы опыскашь убійцу и почипала долгомъ, по возможности способствовать опкрытію. — Для эшого она подсперегла Директора на единѣ, и съ рѣбоспнію сказала ему, что она уже сообщила одно обспояшельство Доктору, но шопъ, кажется, не обращаетъ на него вниманія.

— „Въ подобныхъ случаяхъ, любезная малюшка, никакое обспояшельство не можешъ бытъ маловажнымъ,“ отвѣчалъ спрогій Ди-

рексоръ Полиціи;—ну, что ты знаешь? . . .“

— „Мнѣ кажется, Синьора или забыла, или не хотѣла сказать объ этомъ.—Въ эту ужасную ночь, когда она отъ излишней потери крови, на рукахъ моихъ лишилась чувствъ, послѣднее слово ея было: *Вальнау!*—

— „Какъ? вскричалъ Дирексоръ съ гнѣвомъ; и объ этомъ не сказали мнѣ о-сю пору ни слова? . . . скрывали отъ меня такое важное обстоятельство? . . . но хорошо ли ты слышала? . . . точно ли *Вальнау?* . . .“

— „Клянусь вамъ честно!“ сказала малопытка, положивъ руку на сердце; — „*Вальнау*, произнесла тогда Синьора—и припомъ такимъ жалкимъ, болѣзненнымъ голосомъ, что нельзя иначе думать, какъ такъ зовуть убійцу.—Только, сдѣлайте одолженіе, Г. Дирексоръ, не измѣните мнѣ!“ —

Дирексоръ рассуждалъ по философски, что каждый человекъ, кажись онъ честнымъ, какъ себя хочетъ, легко можетъ впасть въ преступленіе.—Совѣтникъ Коммерціи *Вальнау*, а друга ея сей фамиліи не зналъ онъ въ городѣ, былъ извѣстенъ ему, какъ человекъ хорошихъ нравовъ, но развѣ нѣтъ примѣровъ, что точно такіе люди, причиняли наиболѣе хлопотъ правосудію? развѣ не могъ онъ бытъ другомъ и сообщникомъ Шевалье де Планшо? Въ такихъ размышленіяхъ шелъ Дирексоръ по городу; онъ приближался къ *широкой ули-*

цѣ, гдѣ въ эту пору обыкновенно прогуливался нашъ Совѣтникъ Коммерціи;—и точно, онъ увидѣлъ Вальнау, который разкланивался на всѣ стороны съ знакомыми, улыбался съ съ шѣмъ и другимъ и, казалось, былъ въ веселомъ расположеніи духа;—но едва увидѣлъ онъ шаговъ за пятьдесятъ Директора Полиціи, вдругъ перемѣнился въ лицѣ, вернулся назадъ и хотѣлъ ускользнуть въ переулокъ.

— „Эпо подозрительно, очень подозрительно!“ думалъ про себя Директоръ и спѣшилъ въ слѣдъ за Совѣтникомъ, крича ему, чшобъ остановился.—Бѣдный Совѣтникъ, былъ теперь точно Совѣтникъ печальнаго образа, кое-какъ, едва внятнымъ голосомъ произнесъ онъ: „Bon jour, bon jour!—хотѣлъ улыбнуться—и чуть не заплакалъ, колѣна его дрожали и зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ.

— „Ей, ей,—гдѣ вы запропасились? . . . Я давно не видалъ васъ? . . да вы, кажешся, не здоровы? . . такъ блѣдны? . . . говорилъ Директоръ, успрямивъ пронцапельный взоръ на Вальнау.

— „Ничего-съ, . . . такъ, маленькая дрожь, . . . правда, я былъ не много не здоровъ, . . . но теперь лучше. —

— „А? вы были нездоровы? . . Этому едва бы я повѣрилъ; на послѣднемъ редушѣ вы казались такъ веселы? . .

— „Да, точно; но на другой день слегъ въ

постелю; припадки мои возвратились; — теперь же, слава Богу, опять поправился.

— „О, такъ вы вѣрно будете въ слѣдующемъ редушѣ; вѣдь это послѣдній и, какъ говорятъ, самый блистательный, — я надѣюсь васъ тамъ видѣть, Г. Совѣтникъ, — прощайше,—до свиданія!“

Х.

— „Не премину!“ отвѣчалъ ему въ слѣдъ Совѣтникъ Коммерціи жалобнымъ голосомъ. „Меня подозрѣваютъ,“ говорилъ онъ про себя,—„вѣрно узнали послѣднее слово Пѣвицы?... говорятъ она выздоровѣла,—но я все на замѣчаніи; пайная Полиція будетъ меня преслѣдовать, на каждомъ шагѣ встрѣчаюся мнѣ незнакомыя, лукавыя лица.—Я не смѣю говорить, чѣмъ меня не подслушали, чѣмъ не донесли и не переполковали словъ моихъ; ахъ, Богъ мой, Богъ мой! чего добраго, пожалуй назовушь меня буйною-опасною головою . . . А я жилъ такъ тихо и смирно, какъ Вильгельмъ Тель въ четвертомъ актѣ!“ —

Такъ разсуждалъ самъ съ собою несчастный Вальнау, спрахъ его возраспалъ еще болѣе, когда онъ вспоминалъ вопросъ Директора о предположеніи редушѣ. Онъ полагаетъ, что я не осмѣлюсь бытъ въ редушѣ, что злая совѣсть не допустишь меня приблизиться къ Пѣвицѣ? . . . вѣшь, я долженъ бытъ тамъ, долженъ отклонить отъ себя

это подозрѣніе!—долженъ казаться бодрымъ и въ веселомъ расположеніи духа, чтобъ не подумалъ Директоръ, что совѣсть не дастъ мнѣ покою въ обществѣ Пѣвицы, что я дрожу отъ страха заслуженнаго наказанія.— Въ такихъ и подобныхъ размышленіяхъ прошло нѣсколько дней; къ счастью, Вальнау нашелъ въ какой-то книгѣ, что можно *страшиться страха*—и это его нѣсколько успокоило, онъ рѣшился побѣдить свою робость, ишши на встрѣчу опасностямъ! . . . Заказалъ себѣ богатый костюмъ Паши Янинскаго, надѣвалъ его разъ десять въ сутки и парадировалъ по цѣлымъ часамъ передъ зеркаломъ.—Этого мало: изъ своего шлафрока онъ сдѣлалъ куклу, посадилъ ее въ кресла, вмѣсто Пѣвицы Фіаметши—и ухаживалъ за нею, что есть мочи.—„Я чрезвычайно радъ, говорилъ онъ, что вижу васъ въ добромъ здоровьи! . . . На преній день онъ могъ уже произносить сіи слова безъ шрепета, хотѣлъ еще казаться учтивымъ и ловкимъ, подчивалъ бездушную Синьору оржадомъ и конфектами.—Разумѣется, мѣсто оржада заснула на первый случай вода; разумѣется, что сначала спаканъ и шарелки съ лакомствами ужасно стучали на подносѣ въ дрожащей рукѣ Совѣтника; но на послѣдокъ, онъ преодолѣлъ и эту трудность, не запинаясь подходилъ къ куклѣ, не запинаясь и весело говорилъ ей: „сударыня,

не угодно ли оржаду? . не угодно ли конфет-
шовъ? . .

Наступилъ день редуша; — Ланге рѣшился самъ ввести Фіамешши въ общество. Престранной народъ въ Б . . .! Въ первые дни послѣ извѣстнаго приключенія, вездѣ, начиная съ лучшихъ домовъ и до послѣднихъ ресторацій, говорили дурно о Пѣвицѣ; когда же вступились за нее люди извѣстные въ городѣ, когда знатнѣшія дома объявили себя на ея споронѣ, то вдругъ и знамя общеспивеннаго мнѣнія повернулось по этому вѣпру: полько и было разговоровъ, что о бѣдной, несчастной Пѣвицѣ; и не возможно описать того воспора, съ какимъ услышали о ея выздоровленіи.—Лишь полько вступила она въ залу редуша, взоры всѣхъ успремелись на нее, какъ на царицу праздника; громкія восклицанія радости, рукоплесканія и шумное браво! раздавались со всѣхъ споронѣ, какъ будто бы Фіамешши пропѣла имъ самую трудную арію.—Не забыли и добраго Лейбъ-Медика: „посмотрише, посмотрише!“ говорили многіе другъ другу,—„эпо онъ, эпо потѣ добрый, искусный врачъ, который спасъ ее! . .“ Пѣвица была до того восхищена, очарована споль лестнымъ вниманіемъ публики и облазательными поздравленіями, что едва не забыла той цѣли, съ какою она была въ редушѣ; но чепыре дюжыя домины, слѣдовавшія

по пятнамъ за нею; равно вопросы Доктора: не примѣтила ли она между масками сѣрыхъ глазъ кавалера? . . . напомнили ей объ этомъ. Скоро, вниманіе ея обратилось на высокаго, худощаваго Турка, (въ Б . . . костюмъ его называли Али-Пашею), кошорый безпрестанно проширался къ ней сквозь толпу масокъ; — она толкнула локтемъ Доктора и глазами указывала ему подозрительнаго Пашу. — „Я замѣнилъ его,“ ошвѣчала Медикъ съ легкимъ наклоненіемъ головы . . . . Въ это время, Паша приближался къ нимъ не ровными шагами;— Пѣвица прижалась къ Доктору, спрашный Турокъ былъ уже близъ нее, неподвижные, сѣрые глаза его блистали изъ-подъ маски и помнымъ, проникающимъ въ душу голоеомъ произнесъ онъ:—„Очень, очень радуюсь, сударыня, что вижу васъ въ добромъ здорovy! . .“ — Пѣвица въ страхѣ опвернулась, невольный трепетъ проникъ въ нее — маска, молча, дрожа удалялась назадъ и скрылась въ толпѣ зрительей. — „Онъ ли это?“ спросилъ Докторъ; „успокойтесь,—мы должны бытъ осмотришельны, сударыня, скажите, онъ ли это? . . . „Упвердительно еще не могу сказать,“ — ошвѣчала она; „но, кажется, глаза его мнѣ знакомы.“ —

Ланге далъ знакъ чепыремъ доминамъ, не выпускаитъ Пашу изъ виду — и продолжалъ прогуливаться съ своею дамою. Но едва про-

шли они нѣсколько шаговъ по залѣ, какъ опять явился Турокъ,—онъ остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи и посматривалъ на Пѣвицу.

Докторъ вышелъ съ дамою въ другую комнату. Онъ видѣлъ, въ какомъ страхѣ находилась бѣдная Фіаметти, хотѣлъ ее успокоить, подкрѣпить чашкою чаю; — но проклятый Турокъ былъ опять здѣсь. — На фарфоровой тарелкѣ держалъ онъ оржадь и конфекты, тихо приближался къ Пѣвицѣ: глаза его сверкали, спаканъ съ оржадомъ, плескаясь, двигался и странно звучалъ о дрожащую тарелку; — „сударыня! не угодно ли оржаду? не угодно ли конфектовъ?“ говорилъ Паша, подойдя къ Фіаметти. — Пѣвица оглянулась, поблѣднѣла съ ужасомъ оттолкнула тарелку и вскричала: эшо онъ! . . эшо онъ! — хочешь отправить меня! . .“

Паша Янинскій стоялъ неподвижно, но не могъ произнести ни слова въ свое оправданіе, даже и тогда, какъ чепыре домины схватили его и повели изъ залы.

Въ эту минуту, кто-то дернулъ за плащъ Доктора; онъ оглянулся и увидѣлъ маленькаго горбашаго лакея изъ Hôtel de Portugal; блѣдный и дрожа отъ страха говорилъ онъ Доктору: „ради самаго Бога, Г. Лейбъ-Медикъ, пожалуйста со мною въ 53 No.; пріѣзжій Французъ умираетъ . . .“

— „Что мнѣ за нужда? . .“ сказалъ Докторъ, съ досадою оппалкивая горбуна и хопшль иппи въ Полицію въ слѣдъ за пойманвымъ.

— „Сдѣлайте милоспъ! . .“ вскричалъ маленькой лакей, почти сквозь слезъ; . . „ваша должностъ . . . . ваше доброе сердце . . . . мопешъ спашься, еще успѣете спасти его!...“

Лейбъ-Медикъ проглопшилъ проклятіе, которое вершлось у него на языкъ;—остановился, подозвалъ Капельмейстера Валани, препоручилъ ему Пѣвицу и съ маленькимъ чеповѣчкомъ спѣшилъ въ Hôtel de Portugal.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

З А Б У Д Ъ М Е Н Я .

Рыбакъ! по прихопи спихи

Носился долго швой челнокъ!

И вопъ подъ небеса чужія

Твой упмый чолпъ уже припѣкъ.

Но что же сильными руками

Ты руль къ упсесу вдругъ пригнулъ? . .

Что слушапъ спалъ ты? . . надъ волпамп

Несется пѣсни чьей-то гуль! . .

«Забудь меня ты, свѣпмый небосклонъ

Моей опчизны опдаленной!

Ты, пыпный Лувръ, гдѣ мой гремьль законъ

И ты, народъ — гроза Вселенной! . . .

Вы, гордыя вершины пирамидъ . . .

И вы, поварищи и брашья!

И пы, земля, гдѣ каждый шагъ швердинтъ:

Здѣсь палъ герой въ мои объяпья!

Гдѣ памяшнѣ оспался спукъ мечей! . .

Забудыте вы меня, народы! . .

Забудыте всѣ—и памяшъ прежнихъ дней

Пусть разнесетъ крыло невзгоды!

Забудь же мѣръ, забудь меня на вѣкъ

Какъ копъ браздой моея смиренный!

Я по тебѣ изъ края въ край прошекъ —

Одинъ грозою разъярешной! . . .

Но пы, мой сынъ—и пы мой вѣрный другъ . . .

Для васъ однихъ я не умру, какъ звукъ! . . .“

Замолкла пѣснь — и падъ волнами

Послѣдній опзывъ замиралъ!

Но вихрь възгралъ — и въ мигъ крылами

Далеко эпу пѣснь умчалъ! . . .

Ротчевъ.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

11) *Новая дѣтская библіотека, Журналъ въ пользу воспитанія*, издаваемый Борисомъ Федоровымъ, на иждивеніи книгопродавца Непейцына. (1831 года книжка 1-я) С. п. б. въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 80 стр. въ 16 д. л. Поблагодаримъ Г. Непейцына за возобновленіе этого полезнаго, для юныхъ читателей, журнала. Въ первой книжкѣ онаго помѣщено тринадцать прозаическихъ и стихотворныхъ

стапей; занимательность и чистота слога вопъ ихъ достоинство. Книжка напечатана на хорошей бумагъ, чепкимъ шрифтомъ и украшена гравированною картинкою.

С М Ъ С Б.

Хорошо быть хорошимъ писателемъ.

Въ субботу, 17 Января, родные, знакомые, и почти всъ живущіе въ Петербургъ липераторы, отдали послѣдній долгъ почтенному поэпу нашему Барону Анпиону Анпионовичу Дельвигу: бранные останки его преданы землѣ на Волковскомъ кладбищѣ, и слезы, непритворныя слезы горести, оросили гробъ любимца Музъ. Имя его долго, долго еще останется въ памяти людей, знавшихъ Барона хотя по слуху; вопгъ случай, который споить того, чпобъ рассказать о немъ нашимъ читателямъ: тѣло покойнаго было вынесено изъ дома, гробъ поставленъ на дроги — и печальная процессія пронулась съ мѣста; двое изъ нашихъ липераторовъ шли по пропуару, — вдругъ встрѣчается съ ними незнакомый, хорошо одѣтый мужчина, и пріятной наружности, среднихъ лѣтъ дама . . . По свойственному людямъ любопытству, они спрашиваютъ объ имени усопшаго, — имъ отвѣчаютъ . . . «Какой эпо Баронъ Дельвигъ, не помъ ли, который писалъ прекрасныя Русскія пѣсни?» спрашиваетъ опять дама, съ видимымъ учаспемъ, и на

утвердительно описанъ вскрикиваетъ сквозь слезы:
«Боже мой, какъ мнѣ жаль его! какъ мнѣ жаль его!»

Какъ хорошо бытъ хорошимъ писателемъ! сказалъ я моему другу, передавшему мнѣ разговоръ свой съ умною незнакомою дамой.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Есть Богъ—следовательно есть и правосудіе не только на томъ, но и на здѣшнемъ свѣтѣ. *Ильмій оги видѣти, да видитъ.*

Самое величайшее благодѣяніе — дать дѣтямъ воспитаніе.

Числая совѣсть и упованіе на Бога—самыя лучшія утѣшительницы.

Никто не подходитъ такъ близко къ Ангеламъ и къ демонамъ, какъ женщины.

Не помню ни одного хорошаго знакомства, которое не принесло бы мнѣ пользы и дурнаго, которое не сдѣлало бы мнѣ вреда. Самый малѣйшій вредъ въ такомъ случаѣ—поперя времени.

Дружба не можетъ быть безъ любви; но истинная любовь, кромѣ развѣ грубой чувственной, не бываетъ безъ дружбы.

Жалуются, что истинные друзья рѣдки. Но многіе ли заслуживаютъ имѣть ихъ?

Большая часть нашихъ обществъ собирается для того только, чтобы поѣсть, попить, а болѣе всего поиграть въ карты.

Невъѣжество нашихъ криптиковъ обнаруживается и въ ругательствахъ ихъ и особенно въ похвалахъ, по-

тому что объяснить и доказать красоты несравненно труднее, чем пойми ошибки и поостричься надъ оными.

И съ добрымъ сердцемъ можно надѣлать много вреда другимъ, а съ большимъ умомъ много глупостей.

Странно, что многіе люди неумѣющіе *понимать* смѣютъ *судить*.

Человѣколюбіе и кротость суть отличительныя свойства *истиннаго* Христіанина. *Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ*.

Въ училищахъ мальчиковъ порпяютъ деньги, а дѣвочки красота. Первые тамъ еще приучаются съ дѣтства къ мотовству, а послѣднія къ щеславію и кокетству.

Подавай въ чемъ только можешь хорошіе примѣры: неволью начнуишь многіе учишься у себя и переймушь хорошее.

Надежный вождь на скользкомъ пути жизни есть разсудокъ, озаренный свѣшомъ Евангелія.

Больно, сжали чловѣкъ, дорогой нашему сердцу, даетъ поводъ къ невыгодному о себѣ мнѣнію, несобудуманными своими поступками и опвергаетъ наши благонамѣренныя совѣшы.

Весьма не многіе понимаютъ того, кто необыкновенно добръ, или необыкновенно уменъ.

Леснь едва ли не болѣе дѣлаеть вреда, чемъ самая клевета.

Замѣчено, что одни только достойные люди имѣютъ искреннихъ друзей.

Кокетка несравненно болѣе дѣлаеть вреда, нежели безнравственная женщина (*femme depravée*). Послѣдняя не можешь привязать къ себѣ серьезно порядочнаго

человѣка, и если связь съ нею не дѣлаетъ ему чести, то она и не опасна. Опъ безправдивенной прелестницы ни одинъ еще человѣкъ не сходилъ съ ума и не лишалъ себя жизни.

Бѣда быть умнымъ: видишь ясно глупости другихъ и невольно страдаешь опъ нихъ, а не многіе видятъ умъ пивой и могутъ цѣнить себя!

Живешь, живешь и лишь только научишься жить, глядишь—авъ и долженъ распахаться съ жизнью.

А. Измайловъ (*)

Донъ Педро, Король Португальскій.

(Изъ Цшонокъ.)

Донъ Педро, вступившій на Португальскій престолъ въ 1557 году, и прозванный жестокимъ за то, что опъ былъ спрого и правосуденъ безъ лицепріятія, смекалъ уваженіе всѣхъ благомыслящихъ испорниковъ. Про него говорили: «ему не должно бы никогда царствовать, или должно бы царствовать вѣчно!» Къ сожалѣнію, то же самое можно сказать и о многихъ другихъ.

Слѣдующая черта весьма рѣзко означаетъ истинный образъ мыслей сего Государя.

Одинъ духовный, знатнаго, между прочимъ, произхожденія, убилъ своего сапожника.—Что за важность убить честнаго ремесленника, бывшаго припомъ добрымъ опцемъ семейства? Такъ думалъ Верховный Трибуналъ, и въ наказаніе духовному, *изглаголилъ его на цѣлый годъ изъ хора*. Вѣроятно, Португальское дворянство, со всевозможными эшикетами, сожалѣло о наказанномъ.

(*) Эпа спасъ и нѣсколько мѣлкихъ стихопвореній почтеннаго Александра Ефимовича, доставлены мнѣ Авшоромъ на кауузъ его кончвы. *(Издат.)*

Но сытъ убитаго былъ этимъ не доволенъ, и, опущая смерть несчастнаго отца своего, убилъ его убійцу. Донъ Педро осудилъ преступника — *цѣлый годъ не шить сапоговъ.*

Съ Нѣмецк. *Издатель.*

Н О В О С Т И.

Знаменитая пѣвица Миссъ *Патонъ* снова явилась па одномъ изъ Лондонскихъ театровъ въ роли Розины (въ оперѣ Севильской цирюльницкѣ) восторгъ публики невыразимъ.

(изъ *Beilage zur Wiener Zeitschrift.*)

Актриса Миссъ *Фанни Кембле* написала историческую трагедію: *Францъ I*, которую предполагають дать въ скоромъ времени на Ковенгарденскомъ театрѣ.

(*оттуда же.*)

Достопримѣзательность.

Недавно скончался въ Лондонѣ нѣкто, Виліамъ Дугласъ въ одинъ и тотъ же день съ своею женою. Сія спозншіе супруги родились въ одинъ и тотъ же часъ и въ одно и то же время и въ одной и той же церкви были крещены. И въ той же самой церкви на 19 году ихъ возраста были обвѣнчаны. Проживя спозншіе, они ни разу не хворали, и на сономъ году отъ рожденія ихъ съ брачной своей кровати переселились въ Елисейскія поля и похоронены въ одной и той же могилѣ.

(*оттуда же.*)

Въ Парижѣ въ Іюль (п. е. въ самые жары) написано 80,000 стихотвореній, какъ по: *Дифирамбовъ, Капшашъ, пѣсень и п. п.* Въ нихъ заключается 190,000 стиховъ и 7,248,000 словъ.

(*оттуда же.*)

Въ Вѣнѣ извѣстный музыкантъ *Спраусъ*, сочинилъ вальсъ подъ названіемъ: *Вальсъ Фра-Дявола.* Мотивы въ оный заимствованы изъ оперы сего названія, игранный недавно на здѣшнемъ Петербургскомъ театрѣ.

Новый Философъ.

Въ Гофгеймъ, въ домъ ума лишенныхъ, сидитъ Философъ *Питгафтъ*. Онъ занимается сочиненіемъ подъ названіемъ: «*Мое участіе въ философіи нашего времени.*» Въ предисловіи къ сему творенію *Питгафтъ* восклицаетъ: Шеллингъ! Гёррессъ! Шлегель! Гегель! Кальтъ! Каппъ! Жослей! Владемантъ! Гапемантъ! Генгшенбергъ! Проли! Курцъ! Бинтримъ! Рессъ! Вейсъ!— всѣ за мной, я ни за кѣмъ! Вы, жители Мюнхена, Вѣны, Берлина, Женевы, Парижа, Дюссельдорфа, Манца и Лондона! вы, мужи съ береговъ Дуная, Шпре, Рейна, Майна, Роны, Сены и Темзы! Вы обитатели острововъ: Маіорки, Минорки, Сициліи, Мальпы и такъ далѣе! и вы Испанцы! Итальянцы! Сардинцы! Неаполитанцы и Турки! Ты Грекъ! ты Арабъ! ты Жидъ!— вы всѣ, кто бы вы ни были, всѣ за мной!

(оттуда же.)

СО Д Е Р Ж А Н І Е № VII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Пѣвица. [повѣсть.] *Стихотворенія*: Забудь меня; соч. *Ротгева*. БИБЛОГРАФІЯ. СМѢСЬ: Хорошо быть хорошимъ писателемъ. Мысли и замѣчанія; соч. *А. Измайлова*. Дошь Педро, Король Португальскій. **НОВОСТИ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 22 Января 1831 года.
Ценсоръ *П. Гавескій*.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Л Е Й Б Ъ М Е Д И КЪ А.

(П о в ѣ с т ѣ .)

(Окончаніе.)

XI.

Было за полночь,—въ обширной гостиницѣ царствовала мертвая тишина, тусклый свѣтъ лампъ бросалъ длинныя тѣни по темнымъ коридорамъ и широкимъ лѣспницамъ,—когда Лейбъ-Медикъ, съ какимъ-то непріятнымъ чувствомъ всходилъ къ одинокому больному.—Лакей отворилъ двери — и взору вошедшаго Докшора представилась ужасная картина: сухой, длинной, уже въ лѣпахъ мужчина, болѣе мертвецъ, нежели живой, сидѣлъ въ постель; высокой шерстяной колпакъ увеличивалъ ростъ его, узкая грудь и тонкія долгія руки покрыты были фланелью; на желтомъ впаломъ лицѣ высывался орлиный носъ и блиспали сѣрые язвительные глаза.—Рукава рубашки были засучены до локтя и косяными пальцами царапалъ онъ одѣяло,

изрыгая хрипый-безумный смѣхъ на встрѣчу пришедшимъ.

— „Посмотрите, посмотрите,—онъ роетъ себѣ могилу,“ сказалъ суевѣрный лакей Доктору—и шѣмъ, какъ бы возбудилъ его этой задумчивости, съ какою смотрѣлъ онъ на больного. — Точно такимъ представляло ему воображеніе Шевалье де Планпо: эти же сѣрые, коварные глаза, эти опираишельныя черты лица, — эта сухая, какъ привидѣніе фигура,—все—все сходствовало съ описаніемъ Пѣвицы.—Но, подумалъ Докторъ, не при мнѣ ли схватили Шевалье? . . развѣ не можеть быть сѣрыхъ глазъ и у другаго челоуѣка? Должно ли удивляшьяся, что больной такъ сухъ и блѣденъ? . . .

Ланге смѣялся въ душѣ самъ надъ собою, поспираль рукою лобъ, какъ бы желая изгладить непріятное впечатлѣніе и приблизился къ постели — Во все время долгой его практики, онъ никогда не чувствоваль страха, не ощущаль ужаса при одрѣ больного.—Теперь со всѣмъ было другое: онъ не понималь себя, удивлялся, опъ чего какал-то робость, какое-то содроганіе обьяли его, когда онъ взялъ покрышюю холоднымъ потомъ руку незнакомца—и шщепно въ печеніи нѣсколькихъ минушъ наблюдалъ біеніе пульса.

— „Эпошъ скопина,“ вскричалъ больной, задыхаясь и мѣшая между собою Французскія,

Италіянскія и испорченныя Нѣмецкія слова, — „эпопѣя скопища, вѣрно, привелъ мнѣ Доктора. — Извините, „продолжалъ онъ,“ я никогда не довѣрялъ много вашему искусству. — Только воды, Генуезскія воды могутъ пособить мнѣ; — я приказалъ уже заготовить почтовыхъ лошадей: я ѣду, сію ночь ѣду! . .

— „Точно,“ бормоталъ маленькой горбушѣ, „онъ уѣдетъ на шестеркѣ вороньихъ, — только не въ Геную, гдѣ утонулъ покойникъ Фіэско, а туда, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ.“ —

Докторъ видѣлъ, что здѣсь нечего было дѣлать; во взорахъ больного, въ его безпокойныхъ движеніяхъ читалъ онъ признаки близкой смерти, онъ совѣтовалъ незнакомцу лежать спокойно и общалъ ему приговорины прохлаждающій напитокъ.

Больной злобно засмѣялся, — „Лежать, спокойно лежать? . .“ — отвѣчалъ онъ; — „о, когда я лежу, то переснаю дышать; я долженъ сидѣть, сидѣть въ каретѣ и прочь, прочь отсюда . . . . Что Карло? . . приказалъ ли ты лошадей? . . . собака, — уложилъ ли ты мой чемоданъ? . . .

— „Ахъ, Господи! . . . онъ думаетъ теперь о своемъ чемоданѣ! . . Да, большой чемоданъ грѣховъ возьметъ съ собою эпопѣя спрашній человекъ. — Какія проклятія, ка-

кія безбожныя слова говоритъ онъ? . . . и на цѣломъ небѣ не упишешь!“

Лейбъ-Медикъ взялъ снова больного за руку;—„имѣйте ко мнѣ довѣріе,“ сказалъ онъ; „можеть спасться, я буду вамъ полезенъ, вашъ слуга сказывалъ мнѣ, что у васъ открылась огнестрѣльная рана? . . . позвольте посмотришь. — Съ неудовольствіемъ, ворча про себя, повиновался больной эпой просьбѣ, и указалъ рукою на грудь. — Докпоръ снявъ худо положенную перевязку, нашель близъ самаго сердца рану—и, спрранносшь!—шакой же величины, шого же рода, какъ была и рана Пѣвицы.

— „Эпо свѣжая рана, ударъ кинжала!“ вскричалъ онъ, смопря недовѣрчиво на больного. —

— „Не думаете ли вы, что я хотѣлъ заколошь себя?—Нѣшь, чоршь возьми! у меня былъ ножикъ въ жилетѣ, я упаль съ лѣспницы—и оцарапаль себѣ эпо мѣспо.

— „Оцарапаль!“ думалъ Ланге,—и эпо царапанье будетъ причиною твоей смерти.

Между тѣмъ, лимонадъ былъ гоповъ, Докпоръ поднесъ его больному. — Напишокъ, казалось, укрѣпилъ его,—нѣсколько минушь онъ былъ тихъ и спокоенъ, но замѣшивъ, что пролилъ нѣсколько капель на одѣяло, началъ шумѣшь, ругаться и шребоваль платка. — Лакей бросился къ чемодану, достпаль пла-

шокъ. — Докторъ взглянулъ, — ужасное предчувствіе возраспало въ немъ болѣе и болѣе, онъ взглянулъ опянь: попъ же самый цвѣшъ, ша же манерія, словомъ шочно такой же плашокъ, какъ и найденный у Пѣвицы. — Маленькой человекъ хошѣлъ податъ его больному. — Убирайся къ чорту, сѣопина!“ — вскричалъ онъ, сколько мнѣ говоримъ тебѣ, чтошъ ты налилъ пуда Eau d’Heliodore! . . . Слуга достпалъ спкляночку, напрыскалъ плашокъ, пріятный запахъ разпросшранился по комнатамъ — попъ же самый запахъ, какъ и опъ найденнаго плашка.

Лейбъ-Медикъ чувспвовалъ дрожъ во всѣхъ членахъ; не оспавалось ни малѣйшаго сомнѣнія: онъ видѣлъ предъ собою убійцу Пѣвицы Фіамешпи, Шевалье де Планпо. Онъ видѣлъ безпомощнаго, больнаго, умирающаго; но ему казалось, что эпошъ больной, эпошъ умирающій, каждую минуту можетъ вскочимъ съ постели и добрашся до его горла; — онъ схватилъ шляпу и спѣшилъ вонъ.

Маленькой лакей поймалъ его за полу. — „Ахъ сударь!“ проспоналъ онъ, „не уже ли вы оспавите меня съ нимъ одного? нѣптъ я эпого не выдержу; онъ пожалуй умретъ сей часъ, и попомъ въ своей фланелевой фуфайкѣ и въ длинномъ колпакѣ, станешъ прогуливатъ по комнатамъ! . . . Ради Бога, ради Бога, не оспавляйте меня!“ —

Больной оскалилъ зубы, захохоталъ, началъ браниться и, казалось, хотѣлъ помочь маленькому горбууну; онъ спустилъ сухую—длинную ногу съ носами, протянулъ костяные пальцы за Докпоромъ, который, въ себя, онъ спреха, толкнулъ прочь лакея и что есть духу бросился бѣжать изъ комнаты.— Еще на нижней ступенькѣ лѣспницы слышался ему ужасный смѣхъ убійцы.

XII.

На утро послѣ этой ночи, прекрасная городская карета остановилась у Hôtel de Portugal.— Два пожилыхъ мужчины и одна дама подъ покрываломъ, вышли изъ экипажа и тихо взбирались по лѣспницѣ. „Здѣсь ли Рефендаріусъ Пфелло?“ спросилъ одинъ изъ этихъ господъ провожавшаго ихъ Келнера, который сдѣлалъ утвердительный отвѣтъ; и господинъ продолжалъ, обращаясь къ своему товарищу: должно признаться, что это страннѣйшій случай: надобно было ему упасть съ лѣспницы, ранивъ себя въ грудь кинжаломъ— и пѣтъ возпрепятствовать своему побѣгу! . . . Надобно, чтобы вы, Г. Ланге, а не другой, были къ нему позваны! . . .

— „Точно!“ сказала дама, но не замѣчаете ли вы дѣйствія судьбы въ сходствѣ плащ-ковъ? . . . Какой случай! одинъ осматриваетъ онъ у меня, другой спрашиваетъ, какъ на-

рочно, въ ту минушу, когда у него былъ Докторъ.

— „Такъ суждено,“ сказалъ другой господинъ;—что ни говори, а выдешъ на одно и то же: такъ суждено! . . . Но скажите Синьора, что сдѣлалось съ Али-Пашею? . . вы, вѣрно въ немъ ошиблись? . приказали ли возвращить ему свободу—и кто этошъ бѣднякъ?

— „Напрощивъ!“ подхватилъ первый; „я увѣренъ, что онъ соучастникъ этого Шевалье; его приведутъ сюда—и мы поставимъ его съ глазу на глазъ съ убійцею.

— „Не возможно!“ вскричала дама: — соучастникъ?

— „Да, да!—сказалъ первый господинъ съ лукавою улыбкою;“ я все знаю . . . . но, слава Богу! мы вверху: вошь 53 №. Сударыня, сдѣлайте одолженіе, войдите покаместъ въ 54. Капельмейстеръ радъ будетъ принять васъ; а когда дойдетъ очередь, мы васъ позовемъ!

Нужно ли сказывать, что эти трое прѣзжихъ были: Пѣвица, Докторъ и Директоръ Полиція? . . Последніе двое вошли въ комнату Шевалье де Планно. Больной сидѣлъ на кровати въ томъ же самомъ положеніи, какъ его осматривалъ Докторъ; только при дневномъ свѣтѣ, черты лица его казались еще ужаснѣе, суекивающіе взоры еще выразительнѣе. Онъ поглядывалъ то на Доктора, то на Ди-

ректора, задумывался, какъ бы соображая, что происходило въ его комнапѣ, гдѣ Рефендаріусъ Пфелло, низенькой молодой человекъ, съ красными щеками и маленькими глазами, еще за полчаса приготоовилъ столъ, около стопы бумаги, и держалъ въ правой рукѣ гусиное перо, въ готовносни писать протоколъ.

„Vête!“—чего хопятъ эти госнода? проговорилъ больной лакею слабымъ голосомъ: ты знаешь, что я не принимаю никакихъ посѣщеній.

Директоръ подошелъ къ нему близко, приспально посмопрълъ ему въ глаза и сказалъ выразительно: „Шевалье де Планпо!“

— „Qui vit?“—вскричалъ больной, поправляя колпакъ.

— „Государь мой! . . вы, Шевалье де Планпо? продолжалъ шопъ.

Сѣрые глаза незнакомца заблнспали, онъ бросилъ пропнцательный взглядъ на Директора, Рефендарія—и насмѣшливо покачавъ головою, опвѣчалъ: Шевалье давно уже умеръ.

— А, кто же вы? . . опвѣчайше! я спрашиваю васъ именемъ Короля.

Больной захохоталъ.—„Меня зовупъ *Лорье*; Vete! подай этому господину мои паспорты.

— „Не пужно; знаете ли вы эпошъ плапокъ, государь мой?“

— „Какъ не знать! — Вы взяли его здѣсь съ моего стула;—но къ чему эти вопросы? .

къ чему эти приготовления? . . вы меня беспокоите, сударь.

— „Попрудитесь взглянуть на вашу лъвую руку,“ сказалъ Директоръ; „въ ней держите вы свой платокъ; а эпюпъ найдеть въ домъ Пъвицы Джюзеппы Фіамеппипи.

Больной бросилъ бѣшенный взглядъ на окружающихъ, судорожно сжималъ кулаки и скрежеталъ зубами.—Директоръ повпорилъ свои вопросы нѣсколько разъ, не было отвѣта. — По данному знаку, Докторъ вышелъ вонъ — и чрезъ минушу возвратился въ комнату съ Пъвицею, Капельмейстеромъ Валани и . . . . . скимъ Посланникомъ.

— „Господинъ Баронъ,“ сказалъ Директоръ; узнаете ли вы этого челоука? не онъ ли Шевалье де Планпо изъ Парижа?

— „Да, я узнаю его,“—отвѣчалъ Баронъ, „и подпверждаю во всемъ прежде данное мною вамъ показаніе.

Джюзеппа Фіамеппипи! признаете ли вы его за того самаго, копорый увезъ васъ изъ дома вашего вопчима, держалъ васъ у себя въ Парижѣ,—за того самаго, копорый покушался на жизнь вашу?“

Пъвица задрожала при взглядѣ на ужаснаго ей челоука;—она хотѣла отвѣчать, въ эпю минушу больной приподнялся въ подушкахъ, колпакъ свалился съ головы его, — волосы спюили дыбомъ; онъ едва двигался,—судорожно

протягивалъ руки; изъ груди его вырывались невнятные—хриплые звуки, хохотъ и проклятіе . . . „Ты пришла посѣтить меня, Шепперль? . . .“ сказалъ онъ наконецъ;—„хорошо, я хвалю тебя за это—и жаль, очень жаль, что ударъ мой былъ такъ невѣренъ . . .“

— „Какихъ хопише еще свидѣтелей?“ прервалъ его Директоръ. — Г. Рефендаріусъ, нишише повелѣніе объ арестѣ Г . . .

— „Что вы дѣлаете?“ вскричалъ Докторъ; „развѣ не видите, что смерть у него уже на носу? . . . Поторопите, если хопише узнать еще чтонибудь.“ —

Директоръ приказалъ привести арестанта. Между тѣмъ, больной ослабѣвалъ болѣе и болѣе, глаза его были почти неподвижны, онъ дико смотрѣлъ на Пѣвицу—злосць и опечаленіе изображались во всѣхъ чертахъ лица его. „Шепперль!“ началъ онъ опять, ны причиною моего бѣдствія, ны разорила меня — и заслужила смерть! . . . Ты погубила моего вошчима: онъ продалъ тебя мнѣ—и, подумай, его осудили на галеру; онъ заклиналъ меня опмстить тебѣ, умертвить тебѣ; я далъ слово—теперь проклинаю эту руку, которая не умѣла поразить тебя . . . .

Два спржа ввели въ комнату несчастнаго повелителя Янины, вчерашняго Али-Пашу, въ кошоромъ съ удивленіемъ узнали всѣ Коммерціи Совѣтника Вальнау. Въ особенноти

Капельмейстеръ былъ пораженъ эшимъ явленіемъ: онъ поминутно измѣнялся въ лицѣ и не зналъ, какъ скрыть свое замѣшательство. „Monsieur de Planto,“ сказалъ Директоръ, знаете ли вы этого человѣка? большой съ прудомъ открылъ глаза—посмотрѣлъ на Совѣтника и — „убирайтесь къ чорту! опвѣчалъ онъ, я его въ первый разъ вижу.“ —

Турокъ жалобно смотрѣлъ на предстоящихъ. „Я предчувствовалъ это,“ говорилъ онъ сквозь слезы, „давно, давно уже предчувствовалъ! . . . Но, скажите, ради Бога, Синьора Фіаметти, за что вы губите невиннаго человѣка?“

— „Что хочешь сказать эптогъ господинъ?“ спросила Пѣвица, я во все его не знаю . . . Г. Директоръ, что такое онъ сдѣлалъ?

— „Синьора.“ опвѣчалъ Директоръ весьма важно: „предъ правосудіемъ ни снисхожденіе, ни пощада неумѣстны. Вы должны знать этого человѣка: онъ Коммерціи Совѣтникъ Вальнау.—Ваша горничная донесла мнѣ, что вы, вы, Синьора, когда были поражены эшимъ убійцею—произнесли его имя.“

— „Конечно!“ вскричалъ Паша жалобно; „очень нужно произносить мое имя въ такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ!“

Пѣвица удивилась; и шонкій румянецъ пробѣжалъ по прекрасному лицу ея; рѣшимость изобразилась во взорахъ . . . Карлъ! вскричала

она, схвативъ Капельмейстера за руку: теперь не время молчать, . . . я должна опкрышь все. Такъ, господинъ Директоръ,—я произнесла это драгоценное имя, но опнюдь не думала припомъ о Г. Совѣшникѣ, а . . .

— „Обо мнѣ!“ подхватилъ Капельмейстеръ, выступая впередъ; „Меня зовутъ, если только это не проивно почтенному банюшкѣ, Карль Вальнау.

— „Карль! музыкантъ! Американецъ!“ кричалъ обрадованный Паша, обнимая сына. „Вопъ первый разъ въ жизни ты поступилъ умно, избавилъ меня опъ большихъ непрятностей.“

— „Если такъ,“ подхватилъ Директоръ, то вы свободны,—и только съ учшнвымъ Шевалье де Планпо мы будемъ имѣть дѣло.“—Онъ обернулся къ постель; „Директоръ! Шевалье де Планпо имѣеть теперь дѣло съ Всевышнимъ судією! . .“ сказалъ Докторъ, важно, опуская холодную руку покойника на одѣяло и закрывая ему неподвижные глаза...

Нужно ли сказывать, что спарикъ Вальнау успокоился совершенно, что проспилъ своего сына, что Капельмейстеръ и прелестная Фіамсипти соединились узами брака?

„Славно!“ говорилъ Коммерціи Совѣшникъ доброму Доктору, допивая съ нимъ однажды бутылку Рейнвейна; теперь пускай себѣ Синьора произношшь мое имя, сколько хочешъ! . . Теперь, не одинъ я Вальнау въ городъ, теперь насъ шрое!“

Съ Нѣмецкаго перев. *Издатель.*

Б Ъ Г С Т В О.

(Отрывокъ изъ второй части Историческаго романа: *Князь Курбскій.*)

Уже всё предсмертною были взыты . . . . Вѣрный Шибановъ не медлилъ, и страшно было медлить. Подкупленные убійцы ожидали разсвѣта. Каждая минута приближала къ опасности. Тонненбергъ готовъ былъ сопровождать Княгиню съ сыномъ ея. Курбскому оставалось проститься съ семействомъ:—въ послѣдній разъ онъ занималъ мѣсто за вечернимъ столомъ, возлѣ любимой супруги, въ послѣдній разъ сынъ его споллъ возлѣ него. Чувство неизяснимой скорби наполняло сердца ихъ.—Яствы на столѣ оставались почти не тронутыми.—Часто встрѣчались взоры супруговъ, но они не могли долго смотрѣть другъ на друга . . . Такъ умирающая мать не рѣдко отдаляеть отъ себя любимыхъ дѣтей, чувствуя приближеніе вѣчной разлуки, и спрашась подумать объ нихъ.—Время быстро летѣло. Ненастная ночь темнѣла надъ городомъ. Курбскій сидѣлъ безмолвно, съ поникшею главою. Княгиня вздрогнула, услышавъ бой часовъ на башнѣ—и уже не сводила глазъ съ супруга; рыданія прерывали слова ея; любовь и страхъ боролись въ сердцѣ ея.

„Сынъ мой! сынъ мой! насмотришь на оп-

ца своего!“ сказала она рыдая. — Курбскій всплеснулъ руками, и Гликерія содрогнулась, услышавъ его проклятіе виновнику ихъ бѣдствія.

„Боже! Боже! успокой его душу!“ сказала она, бросясь передъ образомъ и ломая руки въ отчаяніи . . . .

— „Дождь! непогода!“ вскричалъ Курбскій: и безъ того ноютъ раны мои; но всего болѣе перзаеется сердце мое! . . Мысль о васъ убиваетъ меня! . . Небо! даруй ей силы перенести ея бѣдствіе . . . о ты, предстоящій Божіей славѣ, великій мой предокъ, святипелъ Ѳеодоръ, услыши молитву попомка: заспупись за семейство его, прости пвой покровъ надъ сиротбьющими, умоли Всемогущаго помиловать невинныхъ, и не вмѣнишь мнѣ въ грѣхъ моего позора и бѣгства! . .

Слезы лились изъ глазъ Курбскаго, простерпаго на землѣ. Вспавъ, онъ во послѣдній разъ прижалъ къ сердцу супругу—и благословилъ сына . . . . „Прости, Марія! прости, Юрій!“ сказалъ онъ—и, закрывъ глаза, вырвался изъ объятій ихъ.

Юрій вскрикнулъ. Княгиня упала безъ чувствъ. Супругъ ея скрылся опъ ней . . . . Вдали еще слышался шумъ шаговъ его,—слышался голосъ его—и навѣки зашихъ для ней.

Была глубокая ночь;—граждане Дерпшскіе покоились сномъ . . . Одни спражи оклика-

лись на стѣнѣ городской; но у западной башни, обращенной къ Вольмарской дорогѣ, стояло менѣе стражей.—Курбскій свѣшилъ къ сѣнѣ, у которой была уже привязана пригошовленная Шибановымъ веревочная лѣшница.

О, униженіе! потомокъ Князей Ярославскихъ, надѣвася сверхъ лашъ плащъ слуги своего, и въ то время, когда послѣдній Дерптскій гражданинъ покоился подъ семейнымъ кровомъ своимъ, Дерптскій Воевода бѣжитъ отъ семейства своего, знаменитѣйшій военачальникъ укрывается отъ проспыхъ воиновъ, славнѣйшій изъ Россійскихъ Князей и Боларъ—ищеть спасенія во тьмѣ ночи. Мрачно чело его; скорбь шерзаетъ его сердце, но отчаянное чувство мести превозмогаешь въ немъ самую скорбь;—онъ перелезаетъ черезъ стѣну, спускаешь въ ровъ по веревкѣ; въ это время одинъ изъ стражей примѣчаетъ бѣгущаго, и съ горящимъ свѣпильникомъ спремился вельдъ за нимъ; но препещетъ отъ ужаса, роняешь свѣпильникъ и бердышъ, падая ницъ; шоль страшень былъ видъ Курбскаго! . . Черные волосы и плащъ развѣвались въпромъ, глаза сверкали дикимъ огнемъ, буря кипѣла въ душѣ его, и смуглое чело его искажалось отчаяніемъ.—Спражу казалось, что самъ ангель шьмы, подъ кровомъ ночи, перелепаетъ черезъ стѣну градскую!

Б. Федоровъ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.
Н А Д Г Р О Б Ъ Е К А Р А М З И Н У.

Онъ сердце съединялъ съ очищеннымъ умомъ,
И первый научилъ владышъ насъ языкомъ.

А. Измайловъ.

Д В О Е С Л Ъ П Ы Х Ъ.

(Б а с н я.)

Слѣпецъ повель слѣпца, — упали въ яму оба:
Самонадѣяностьъ опаснѣе, чемъ злоба!

А. Измайловъ.

Э К С П Р О М Т Ъ.

Ученость при умѣ—большая честь!
Однако жь, согласитесь сами,
Что межъ учеными мужами
Недоученыхъ много есть

Н.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

12) *Богемская Дльвигья война.* Историческое преданіе VIII столѣтія; соч. К. Фанъ-деръ-Фельда. — Перевель съ Нѣмецкаго Н. Павлицевъ, въ 2-хъ частяхъ, С. п. б. 1850 года, въ Типографіи Штаба Опдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи; — 178 и 133 стран. въ 12 д. л. — *Богемская Дльвигья война*, одинъ изъ лучшихъ романовъ не лучшаго Нѣмецкаго писателя Фанъ-деръ-Фельда, съ годъ тому назадъ, былъ изуродованъ безымяннымъ и безграмотнымъ Московскимъ поставщикомъ переводныхъ романовъ, и предурно напечатанъ на предурной бумагѣ, подъ заглавіемъ *Богемскихъ Амазонокъ. Г. Павлицевъ*, жалея надъ бѣднымъ Нѣмецкимъ романистомъ, и надъ Русскою читающею Публикой, издалъ нынѣ въ свѣтъ свой переводъ помянутаго романа. Чистота, правильность языка, прекрасный, чешкій шрифтъ и прекрасная веленевая бумага, вопъ отличительныя качества сего изданія—отъ грязнаго изданія Московскаго.

13) *Съверное сіяніе*, Альманахъ на 1851 годъ. Москва. Въ типографіи Н. Снепанова; 1851 г. 220 стр. въ 16 д. л. Издатель сего тусклаго сіянія посвятилъ оное семейству *Ө—ра Н—ча С—л—въ—ва*, какъ *слабый знакъ признательности, которою приспомяно его сердце . . .* Къ сожалѣнію, мы не можемъ бытъ признательными къ издателю:—въ этомъ курьезномъ Альманахѣ есть и проза Гг. *Ө. Соловьева, Д.м. С—рѣ—ва, Ив. Глхрв., Марьи Лисициной, Ив. С—ва, С—ва*

Томъ I. 15

и страшная ошибка какого-то безымянного автора; есть, такъ называемая Поэзія: *Полркова*, того же *Глхрв. Тростина, Алексъева, О. Соловьева, Вельяисвой, Лисициной, Зилулина, Спркова*, и проч. Приведемъ здѣсь одинъ образчикъ *Поэзіи Сьвернаго сіянія*:

Она меня обворожила —
 Не красной своихъ очей,
 Не спройной паліей своей —
Она влюбленнаго прельстила.
Она засшавила меня
 Любншь живые разговоры;
 Любншь живые ея взоры, --
 Живые, полные огнл.
 Но эши взоры огневые,
 Но эшопъ^ъ рѣзкій разговоръ, —
 Одинъ лишь шолько милый взоръ, (*)
 Одни лишь звуки успъ пусные.
Она живетъ не для меня,
Она давно въ рукахъ другаго,
 Въ рукахъ . . . . *дорогаго*
Она . . . . Но что жъ безъ милой я?

Каково? . . . . Надобно не человѣческое терпѣніе, чтобы прочиташъ опъ доски до доски *Сьверное сіяніе*: всего приличіе опнести ко всѣмъ вкладчикамъ эшого Альманаха, слѣдующее, помѣщенное въ немъ, цепвероспишіе:

На Пиндѣ вѣшь шебъ успѣха:
 Твои стихи доспойны смѣха; (**)
 Они пусные звуки эха —
 И спрогой кришкѣ забавная попѣха!

(*) Помилуйше, эшопъ вздоръ вовсе не милъ! . . .

(**) И проза! — не погибвайтесь!

Наружность сего Альманаха стоитъ его содержания: Издашсь не пощадишь даже памяти покойнаго *А. О. Мерзлякова*, приложивъ къ своей книжицѣ каррикатурирно-липографированный портретъ его. —

Е. А.

Т Е А Т Р Ъ.

Швейцарское семейство, или *тоски по отчизнѣ*, опера въ шрехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Нѣмецкаго *Н. И. Гречемъ*, музыка соч. *Г. Вейгелемъ*, *Любовная поэма*, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, соч. *Кн. А. А. Шаховскимъ* и *Сельскій вечеръ*, двѣршиссемешть, предсавленные на маломъ театрѣ 20 Января.

Музыка оперы: *Швейцарское семейство* поспавила творца своего въ первый рядъ Европейскихъ композиторовъ: она простотою своею также восхитительна для слуха, какъ Швейцарская природа для взора. Въ сей музыкѣ не встрѣшишь ни безконечныхъ рудъ, ни безиресанныхъ ферматъ, въ коихъ наши *Кантатриги* могли бы пощеголять à tort et à travers своимъ голоскомъ: за то ея мелодія, въ тѣсномъ союзѣ съ гармоніею, проникаеть наслажденіемъ душу образованныхъ. Душъ *Рихарда* и *Гернруды*, за ставляеть раздѣлять съ ними грусть о сердечныхъ страданіяхъ ихъ дочери, разлученной съ своимъ любезнымъ. Арія *Эмелины*, которою она шщепно спарается разсѣять печаль, доводящую ее до разшироуштва умешвенныхъ

способностей, извлекаешь вздохъ состраданія; а мещанственность глуповаго Дурмана о любви къ нему Эвелины, передаваемая звуками голоса и инструментомъ, смѣшиваетъ невольно слушающаго.

Въ этой оперѣ явились впервые Г-жи *Салойлова* и *Шелихова ст.* и Гг. *Шелаевъ м.* *Петровъ м.* и *Бльшенцовъ*. За исключеніемъ сего послѣдняго артиста, *Швейцарское селмейство* почти ничего не потеряло противъ прежнихъ своихъ репрезентацій, въ которыхъ участвовали Г-жи *Сандунова* и *Семенова м.* и Гг. *Лебедевъ*, *Гуляевъ* и *Климовскій*.

Г-жа *Шелихова* [Эвелина], уступивъ Г-жѣ *Семеновой* преимущество въ драматическомъ искусствѣ, взяла его обратно какъ пѣвица, не смотря на то, что и она измѣняла инымъ [но не всѣмъ] пошамъ.

Послѣ Г-жи *Сандуновой* роль Герпруды играла Г-жа . . . Г-жа . . . — но мы не злопамятны, и потому не можемъ вспомнить фамиліи этой Г-жи Актрисы. Въ чемъ и просимъ извиненія у нашихъ читателей. Нынѣ Г-жа *Салойлова* въ сей рольъ вполне замѣнила *Сандунову*.

Молодому артисту Г. *Петрову* необходимо было бы устарѣть по болѣе въ лицѣ Рихарда. Что это для Г. *Петрова* дѣло возможное, то онъ доказалъ намъ сценою, въ которой сей старецъ покусился по своей родинѣ.

Дурманъ [Г. *Шелаевъ*] своею глупеюкою панвноснью заславлялъ смѣяться онъ души. Опасеніе

его, что Швейцарцы не оставяют скоро въ Германіи мѣста и для Нѣмцевъ, выражено было Г. *Шемавскимъ* пресвосходно.

Любовная поема, благодаря музыкѣ Г. *Кавоса*, давно уже ходитъ и долго, долго еще проходила по Русской сценѣ. Въ этой пѣсѣ явилась, новая блистательная надежда нашей оперы, Г-жа *Лебедева*. Она играла Софью. Юный палаптъ сей порадовалъ Публику, встрѣтившую его изъявленіемъ единодушнаго, громкаго своего удовольствія. Чистый, вѣрный, довольно обширный и по прекрасной методѣ образованный голосъ Г-жи *Лебедевой*, оправдалъ сію встрѣчу и заслужилъ дебютантскѣ вызовъ ея на сцену, по окончаніи оперы. Таковымъ же вызовомъ Публика удостоила и Г. *Петрова*, игравшаго роль председателя Палаты, Пеппиохина.

Въ *Дивертиссементѣ* Г-жа *Лебедева* пропѣла пѣсню: *Соловей, мой Соловей!* и слушатели дружнымъ хоромъ повпорили: *Браво! браво!*

М. А.

С М Ъ С Ъ.

Н А Р О Д Н Ы Я И М Е Н А.

— Изслѣдователи произхожденія народовъ должны, въ числѣ прочихъ розысканій, обращать вниманіе на имена, которыми каждый народъ, или каждое племя само себя называетъ: это можетъ также служить къ разрѣшенію нѣкоторыхъ археологическихъ зага-

докт. Для сего помянутымъ изслѣдователямъ должно изучать нарѣчія обласныя, вникать въ духъ сихъ нарѣчій, тщательно замѣчать особенности нѣкоторыхъ оборотовъ и выраженій, сравнивать оныя съ тѣми, кои находятся въ другихъ, особливо ближайшихъ, языкахъ и нарѣчіяхъ, подмѣчать сходство и изъ всего этого выводившія основательныя, дѣльныя послѣдствія. Кто родился и живалъ въ Малороссіи и Украинѣ, кто корешко знакомъ съ нарѣчіемъ шамошнимъ, съ правами и обычаями жителей разныхъ состояній, тошъ вѣрно знаетъ, что въ губерніяхъ, собственно Малороссійскихъ (Черниговской и Полтавской) казенные крестьяне преимущественно называютъ себя *Козакъми*: названіе, которое удержали они со времени бывшихъ Малороссійскихъ козацкихъ полковъ, а въ Украинѣ (п. е. въ губерніи Слободско-Украинской и въ нѣкоторыхъ сопредѣльныхъ къ ней уѣздахъ Курской), такъ называемые казенные обыватели, изъ Малороссійцевъ, именуютъ сами себя *Черкасали*; это же названіе даютъ имъ и Великороссійскіе однодворцы, живущіе съ ними въ смежности и часто въ одномъ селеніи. Оба сии названія: *Козакъ* или *Казакъ*, и *Черкасъ*, какъ намъ извѣстно, суть Татарскія; подъ именемъ Черкасовъ разумѣемъ мы полудикія Орды Горцевъ Кавказскихъ. Многія слова Малороссійскаго нарѣчія намекаютъ намъ о Татарскомъ своемъ происхожденіи, какъ по: *Чулакъ* (погонщикъ воловъ, идущій въ извозъ), *лк-*

танъ (кривая, выпнутая сабля), *жупанъ* (одежда, родъ армяка), *тютюнъ* (табакъ), *гайда* (спунай, пошолъ), *жагайла* (племь), *байракъ* (лѣсистый оврагъ) и пр. и пр. Самая физіогномія Малороссіяпъ, особливо въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь Малороссійская сохранилась во всей чистотѣ, походитъ болѣе на Азіяпскую, нежели на Европейскую; а нравы и обычаи Запорожцевъ старой сѣчи весьма были близки къ нравамъ и обычаямъ дикихъ обитателей ауловъ.

Соловъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ЗАНЯТІЕ.

(Изъ Цшокке.)

Въ Венеціи, по смерти Дожа, обыкновенно топчасъ приступали къ выбору новой главы республики. Для сего назначали сорокъ одного избирателя, запирали ихъ въ залѣ, и, прежде окончанія выбора, они не могли оставить конклава. — Между тѣмъ, ихъ угощали, опилчнмымъ образомъ на счетъ города; — все, требуемое ими, исполнялось немедленно — и что спрашивалъ одинъ, то подавалось всѣмъ безъ изъятія.

Эти господа имѣли, иногда, странныя прихоти. — Напримеръ, однажды, (такъ рассказываетъ Леопольдъ Курпи, въ своихъ достопримѣчательностяхъ Венеціи), одинъ изъ избирателей потребовалъ себѣ розо-

той вѣнокъ, и потчасъ принесли сорокъ одинъ вѣнокъ; — въ другой разъ спросилъ одинъ Езоповы басни, и должно было объбгати весь городъ, чптобы набрать сорокъ одинъ экземпляръ басенъ.

Пер. Изд.

СОДЕРЖАНІЕ No. VIII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Пѣвица. [повѣсть.] Бѣгство. (Отрывокъ изъ второй части Историческаго романа: *Князь Курбскій*;) — соч. *В. Федорова.* *Стихотворенія:* Надгробіе Карамзину; соч. *А. Измайлова.* Двое слѣпыхъ; соч. *А. Измайлова.* Экспромтъ; соч. *Н. БИБЛЮГРАФІЯ.* Богемская дѣвичья война. Сѣверное сіяніе. **ТЕАТРЪ.** Швейцарское семейство, или поска по опчизнѣ; *Любовная почта;* и *Сельскій вечеръ.* **СМѢСЬ** Народныя имена. Замячательное занятіе.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 26 Января 1831 года.
Ценсоръ *П. Гаевскій.*

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

СУДЬБА ВОРОЖИТЬ ЛУЧШЕ ЛЮДЕЙ.

(П о в ѣ с т ь.)

О свѣткахъ 1819 года, Владиміръ Кузмичь Скакуновъ получилъ право носить Офицерскій меншикъ, и вмѣстѣ съ онымъ подорожную до мѣшечка Ж . . . . ., П . . . . . ской губерніи и уѣзда, гдѣ кватшировалъ иногда его полкъ. Невозможность насладиться удовольствіями свѣта, въ который безъусый гусаръ только что вступилъ, разрушила его планъ времяпровожденія въ Столицѣ. — Опдавъ прощальные визиты двумъ, шремъ знакомымъ, копорыхъ онъ имѣлъ въ Петербургѣ, за неимѣніемъ родшвенниковъ, и копорые по разчетамъ хозяйственной Бухгалтеріи проводили его недалѣе своихъ госпиныхъ, съ обыкновеннымъ флегматическимъ пожелаіемъ счастья, Скакуновъ прибылъ въ свою кватширу для окончательныхъ пригошвленій къ дорогѣ. — Собшвенныя его распоряженія и заботы — были кончены. Съ сло-

вомъ: *поскорѣй*, дядька Семень, издавна привыкшій водить своего барина на помочахъ, поспѣшно уложилъ небольшое его имущество въ чемоданъ—а свой скарбъ въ сосновый сундукъ, рассчитался съ хозяиномъ дома и побѣжалъ за лошадьми. —

Оставшись на единѣ, Скакуновъ крайне досадовалъ, что судьба назначила ему провести свѣтки въ дорогѣ, а не въ обществахъ. Маскировка, панцы, гаданья—вопъ что хотѣлъ онъ видѣть, въ чемъ желалъ участвовать. „Спранное дѣло, думалъ онъ: бытъ въ Петербургѣ и не видать его.“ Что скажущь мои сослуживцы, жипели провинціи, когда на вопросы о столицѣ и ея новостяхъ, услышавъ отъ меня одно сухое: *не знаю*.—Ныпъ, надобно, непременно надобно ознаменовавъ чѣмъ нибудь коропкое жипье свое въ Петербургѣ, виѣ Кадетскаго корпуса.“ — Подумалъ, и рѣшилъ.

Хозяйская мебель, украшавшая комнату, гдѣ онъ размышлялъ впайнѣ, состояла между прочимъ въ большомъ зеркалѣ и ломберномъ столикѣ. Къ свѣчкѣ, споявшей передъ зеркаломъ, присоединилъ онъ другую, догравшую въ передней, придвинулъ къ столику стулъ и—сѣлъ гадать. „Правда, мыслилъ онъ, здѣсь не достаешь кувершовъ; но я предославляю другимъ ужинашь во время гаданья.“—Сказавъ просно: ему хотѣлось ви-

дѣль на самомъ дѣлѣ шо, о чемъ говорятъ опѣ нечего дѣлать другіе.—Вѣ шервѣнн не было недоспапка у юноши; на присуществіе своего духа онъ могъ полагаться по своей неопытности и крайней рѣшимости; а на желаніе любить или думать о любви шакъ рано, предоставляли ему право: доломанѣ, сабля, шпоры и—будущіе усы.—Послѣ сего удивительно ли, что Владиміру Кузьмичу вздумалось посмопрѣть свою суженую? —

Многіе основываютъ свои предразсудки на какомъ-то дѣйствіи природы. — Есть сила, говорятъ они, могущая показать человѣку шайникъ его будущности, и утверждающая нить сочувствія друзей и любовниковъ, ш. е. инстинктъ ихъ соединенія; и столкновение обстоятельствъ, по ихъ мнѣнію, зависятъ не опѣ намѣреній, съ которыми мы дѣйствуемъ, но есть ни что иное, какъ игра нашей природы. Пусть шакъ. Но эши шайнственныя доводы не разрѣшаютъ вопроса: какое вліяніе можетъ имѣть время на разумъ и воображеніе? Не по пословицѣ ли: *утро вечера мудренѣе?*—Я знаю оригиналовъ, кошорые разсуждаютъ краснорѣчиво и дѣйствуютъ съ геройскою рѣшимостью днемъ, а при свѣчкѣ, съ робостью дышяши, чашаютъ или слушаютъ рассказы о духахъ и привидѣніяхъ; и кошорые вечеромъ не любятъ уединенія не пошому, чтобы оно было

для нихъ неразлучно съ скукою: но попому именно, что стукъ оконнаго ставня, вой собаки, жужжаніе мухи, даже собственная пѣнь суевѣрныхъ, все располагаетъ ихъ къ паническому ужасу.

Въ немалое число подобныхъ прусовъ можно включить и Владиміра Кузмича. Разказы нянюшекъ и мамушекъ о домовыхъ и привидѣніяхъ, такъ врѣзались въ его память, что онъ гошова былъ каждую нелѣпость призналъ за истину, но только не днемъ, а ночью. Сидя передъ зеркаломъ, онъ созидалъ въ своей головѣ тысячу призраковъ, изъ которыхъ ни одинъ не представлялся ему въ стеклѣ.—Зрѣніе, постепенно прищупляемое лучами искусственнаго свѣта, или просто свѣчки, и однообразнымъ положеніемъ спѣнь, спульевъ и дверей, кошорья видны были въ зеркалѣ, уже опказывалось ему служинь; но рѣшимость говорила ему: *терпи*, и онъ, полусонный, продолжалъ гадать, облокопясь обѣими руками. Упомленное воображеніе, безпреспанно мѣнявшее свои краски, дорисовывая ему безцвѣпную картину того положенія чувствъ, въ кошоромъ, вѣрояпшо, каждый изъ моихъ чипапелей не рѣдко заспаешъ себя, опходя ко сну, — уже гошова было бросить свою магическую кисть, какъ легкій шумъ слышался въ комнапѣ. Быспро пробѣжалъ морозъ по жидамъ юноши. Онъ хо-

либѣ обернувшись, но глаза его встрѣпили въ зеркаль человѣческую фигуру. Онъ увидѣлъ передъ собою дѣвушку въ черномъ, сумромъ канонѣ; русые поэтическіе волосы въ безпорядкѣ падали по плечамъ ея; а печальный видъ лица, на которомъ полуразвернулася цѣпь нѣжности, и блискавшія въ голубыхъ глазахъ слезы—свидѣтельствовали о ея несчастіи. — Не сонъ ли это? думалъ Скакуновъ, громко спуща зубами и опирая съ лица своего холодный потъ. Присутствіе духа измѣнило гаданелю. Не вѣря самому себѣ, онъ, какъ больной, вскочилъ со спула и продолжая смошрѣшь въ зеркаль, закричалъ прерывающимся голосомъ: „Кого тебѣ надобно?“ — Эти грубыя слова замерли на его устахъ, отвѣта не было, призракъ мгновенно исчезъ. —

Если бѣ всегда и вездѣ мужчины были въ такомъ нерасположеніи къ женщинамъ, и, обратно; если бѣ олицетворенная любовь, вмѣсто чистыхъ, нравственныхъ наслажденій, представляла человѣку одни ужасы: гдѣ нашель бы онъ искру божественнаго огня, чшобъ опогрѣшь свое холодное сердце? Бѣдный амуръ! Тяжкія цѣпи были бы тогда удѣломъ своимъ; и опѣтъ благоденныхъ береговъ Бельна, гдѣ такъ часно, шакъ долго игралъ шы съ прелестными, шы невольно повлекъ бы эти гремучія оковы подъ зной-

ное небо Юга, колыбель пивоихъ несчастій. А вы, богини земныхъ радостей! вы не представлялись бы намъ такими очаровательными призраками, предъ которыми благоговѣшь пламенный сердцемъ поэтъ-волшебникъ, а не легковѣрный юноша, подобный Владиміру Скакунову. Посмотрите; какъ смѣшонъ, какъ стряпень эшошь шрусъ! —

„Кшо шамъ?“ — глухо векрычалъ онъ, услышавъ снова въ передней шумъ. — Опвѣша не было.

„Кто шамъ?“ — повпорилъ онъ громче, обнажая саблю и какъ-бы готовясь защищаться. —

На впоричный его огласъ, кашляя опкликнулся возвратившійся дядька Семень.

Скакуновъ. Эхъ, бращецъ, не откликаешься съ разу! Чшо ты шамъ дѣлаешь?

Семень. Свѣчки нѣтъ, сударь. Такъ въ шемн инцу мѣсна, гдѣ бы положить свою шипель. —

Сказавъ эшо, Семень вошелъ изъ передней въ комнату своего барина, чшобъ увѣдомить его о лошадяхъ; но, сверхъ чаянїя, увидя его блѣднаго, какъ положно, и съ обнаженною саблею, занимаясь спросилъ:

„Чшо вы эшо, сударь?“

Скакуновъ (съ досадою.) Тебѣ чшо за дѣло? Гоповы ль лошади?

Семень. Гоповы, сударь.

Скакуновъ. Такъ неси въ сани кладь.—Нѣтъ, постой! Дай миѣ прежде одѣшья, а попомъ вмѣстѣ выйдемъ. —

Не разъ случалось миѣ быть свидѣтелемъ какъ пригопвляюща въ пупѣ люди, обязаные сдѣлать первый самоспоашельный шагъ на поприщѣ жизни. Обыкновенно эти человекѣки предспавають себѣ поѣздку по большой столбовой дорогѣ ужаснымъ путешествіемъ, полагающъ безпреспанно ѣхашъ по дремучимъ лѣсамъ, всшрѣчашъ на каждой верспѣ разбойниковъ, и — въ предоспорожностъ, всегда запасающа оружіемъ. Поздо опытноспъ обличашъ ихъ въ легковѣрїи; пошому что опытноспъ, какъ вы знаеша, досташа къ человекѣку не вдругъ, а прїобрѣтаеша имъ по времени и обспоашельспвамъ. Такъ было и съ Скакуновымъ.

Надѣвъ свержъ сюршпка, Калмыцкїй шулупъ и шинель, онъ опоясался широкимъ пашранпажемъ, въ\ который были вложены два заряженые пшплетш, взялъ въ лѣвую руку саблю, правою сотворилъ знаменїе креста, и—въ сопровожденїи своего слуги, вышелъ изъ кваршїры. — Въ обшевняхъ, зааряженныхъ прїойкою коршкконогныхъ, разношершпныхъ лошадей, нашелъ онъ просшорное для себя и своей сабли логовище; усѣлся, и велѣлъ дядкѣ занять почетное мѣшю на бесѣдкѣ, а рыжебородому ямщїку ѣхашъ. Последнїй

ударомъ замерзлаго кнута сравнялъ лошадей, онѣ двинулись, и — свѣгъ захрустѣлъ подъ санями. — Съ Богомъ! —

Не стану охлаждать вниманіе читателя подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, въ коихъ находился Владиміръ Кузмичъ на нуши своемъ. Важность, съ которою входилъ онъ, на станціяхъ, въ неоприятныя жилища смошрипелей, и, освободясь отъ плетосни шулуна и шинели, предъавлялъ шѣмъ, кого онъ видѣлъ, недавно сшитый форменный сюртукъ; его необходимостъ въ обращеніи съ хозяевами ночлеговъ; безпреспанно обнаруживаемая имъ глупостъ, когда, напри-мѣръ, садясь обѣдать или ужинавъ, или желая кончить вторую часъ любопытнѣйшей книги: *Сонъ*, начатой имъ еще въ саняхъ, — клалъ онъ подлѣ себя оружіе; видъ значительности, съ которою принималъ онъ отъ смошрипеля книгу и украшалъ въ ней свою фамилію бесполезными крючковаатыми росчерками; наконецъ, изъявленія досады на необразованныхъ крестьянъ-архипекторовъ, за чѣмъ они дѣлаютъ въ своихъ избахъ низкія двери и палати, такъ часто встрѣчавшіяся съ его лбомъ и заспававшія его отдавать невольные поклоны православнымъ хозяевамъ: все это довольно обыкновенно и не относящися къ главному моему повѣсти. — Увѣдомивъ чи-

начальства о томъ, что Скакуновъ благополучно прѣхалъ въ полкъ, былъ ласково принятъ начальствомъ и еослуживцами и весело началъ службу,—я сдѣлаю новый узелъ произшествій.—Въ рассказѣ моемъ не будетъ соблюдено пятосѣнное для автюра и не необходимое для чинапеля—единство времени. —

Осенью 1821 года, въ свѣплую ночь, ѣхала черезъ городъ Р . . . . . ямская кибитка.— Длинный, но низенькій волчокъ и занесенныя грязью рогожи, скрывали въ ней господина, копорый, судя по шинели и фуражкѣ сидѣвшаго на козлахъ лакея и почтительной позиціи ямщика, былъ военный Офицеръ. Лошади мяли кибитку, какъ бы желая убѣжать отъ кнуца, копорымъ махалъ надъ ними ямщикъ; ихъ топотъ, звонъ колокольчика и шумъ колесъ — нарушали тишину пустыхъ улицъ. Уже зданія стали рѣдѣть, уже видѣлось вдали поле, какъ вдругъ кибитка оспановилась. —

„Что такое?“—грубо спросилъ, выглядывая изъ-подъ волчка, Офицеръ, пробужденный внезапнымъ полчкомъ.

— „Ослабла дуга, Ваше Благородіе.“ Отвѣчалъ ямщикъ, слезая съ козелъ.

„Какъ душно!“ — сказалъ, по нѣкоторомъ молчаніи Офицеръ, зѣвая и попягиваясь: „какъ бы напишья чегонибудь?“ —

— „Въ эту пору всѣ спяшъ, сударь!“ — отвѣчалъ слуга. „Однако жъ попышаюсь.“ —

Одноэтажный дѣмъ, противъ котораго пушники оспановились, казался одною изъ едва примѣтныхъ почекъ на окружности города Р . . . . . Рука времени вдала его до половины въ землю: онъ былъ чорень и вѣпхъ, и склонялъ вмѣстѣ съ собою срубленные когда-то на скорую руку вороша. Въ эпомѣтпо жилищѣ слуга Офицера надѣялся выпросить для него ковшъ чего нибудь, и — не ошибся. На его спукъ, калишка отворилась . . . . языки заговорили.

Когда, укрѣпивъ дугу, ямщикъ садился на козлы, къ кибиткѣ подошелъ возвратившійся слуга, въ сопровожденіи дѣвушки, коюрая имѣла въ рукѣ спаканѣ квасу.

„Извольте, сударь!“ сказалъ слуга своему барину. „Добрые люди не откажали.“

Полусонный Офицеръ высунулъ изъ кибитки голову, и пропянулъ руку; но взглянувъ на дѣвушку, онъ, какъ бы испуганный ея присутствіемъ, выхватилъ изъ ноженъ бывшую при немъ саблю и съ размаху ударилъ ею бѣдную дѣвушку въ плечо. Спаканѣ выпала изъ рукъ ея, и, заплакавъ, она побѣжала домой, спаралась удержашъ рукою спруившуюся изъ раны кровь.

„За что, сударь, вы ее ударили саблей? Вѣдь вамъ худо будетъ.“ — Говорилъ Офицеру

удищенный слуга, занимая указанное ему форшуную мѣсто подлѣ ямщика: „пить не напились, да и спасибо-то ваше грѣшное!“ —

Офицеръ, (дрожащимъ голосомъ.) Не твое дѣло!

Слуга. Какъ же, сударь? —

Офицеръ, (закрываясь рогожами, ямщику.) Чего ждать? Пошѣлъ! —

Кибитка покашнулась . . .

Что прикажете дѣлать съ людьми, у которыхъ руки замѣняютъ разсудокъ, и которые, въ минуты безпричиннаго сумасбродства, забываютъ о правахъ и законахъ чело-вѣчества? Уже ли на каждомъ шагу должно для нихъ учреждать суды и расправы? — Вы знаете, пресупленія не всегда наспигаются, дуракамъ и злодѣямъ часто покровительствуетъ Фортуна. Но не уже ли Судьба будетъ столь несправедлива, что пощадитъ и этого пресупника? — Увидимъ!

Жизнь извѣснаго вамъ Владиміра Кузьми-ча, такъ разнообразна въ происшествіяхъ; его фамилія: *Скакуновъ* такъ не мудрена, я хотѣлъ сказать: такъ легка, что произнося ее, невольно становишься жалкимъ игролищемъ воображенія и дѣлаешь въ своемъ разсказѣ смѣлые, рѣшиТЕЛЬНЫЕ скачки.

Его усердная 10-пи-лѣтняя служба въ гусарскомъ полку, или другое какое обстоятель-

ство—не знаю; только одно изъ этихъ об-
сполительствъ было уважено Начальствомъ;
и съ прошлаго 1830 года, уже не Корнепъ,
а Его Высокоблагородіе Г. Скакуновъ нахо-
дится въ Пешербургъ. Напрасно вы будете
удивляться каждому юношѣ, видя его самодо-
вольнымъ опъ того, что у него есть шю-
ры и сабля; несправедливо будете называть
его Владиміромъ Кузьмичомъ: бесполезное уди-
вленіе, тщетныя догадки! Скакуновъ, по ро-
ду новой своей службы, оставилъ съ необык-
новеннымъ равнодушіемъ, прекрасный доло-
манъ. Шпага замѣнила ему саблю; онъ забылъ
о шпорахъ и меншикѣ; эфемерныя мысли объ
украшеніи наружномъ уже не занимаютъ
его!—Онъ питается теперь одною сущес-
венностью, живетъ счастьемъ и для счастья
милой своей супруги.

Одинъ изъ Сентябрьскихъ вечеровъ прошла-
го года, проводилъ онъ у Разумова, съ кошо-
рымъ свелъ коропкое, искреннее знакомство
вскорѣ по пріѣздѣ въ Пешербургъ. Небольшое
общество, кромѣ его, составляли тогда: самъ
Разумовъ и его юная воспитанница Ольга
К . . . . Чистосердечные разговоры, непре-
станно смѣняясь, какъ бы слились наконецъ
въ одинъ предметъ. Рѣчь была о предшоя-
щемъ бракѣ Владиміра Скакунова съ Ольгою
К . . . .

Разумовъ, (Скакунову.) Другъ мой! Это по-

слѣдняя жертва въ жизни моей. Ты видишь во мнѣ челоѣка, котораго насильственный рокъ навсегда разлучилъ съ доброю супругой, отнялъ милыхъ сердцу дѣшей, сдѣлалъ совершенно безроднымъ; но который, никогда не отказывается въ участіи другимъ сирадальцамъ. (*взявъ Ольгу за руку.*) Эта дѣвушка прирѣна мною, какъ сирота, и должна принять опѣ меня—мои правила и мое имѣніе, какъ единственная моя наследница! Прежде, нежели Всевышній благословитъ ваши сердца на вѣчное соединеніе, увѣрь меня, что ты всегда будешь достойнымъ ея другомъ, ея благодѣтелемъ; дай мнѣ клятву, что въ супружествѣ съ тобою, она не будетъ никогда приводить себѣ на память прежнихъ своихъ бѣдствій.

Владиміръ исполнилъ желаніе великодушнаго старца.—„Я говорю: прежнихъ бѣдствій!“ продолжалъ Разумовъ. „Ты не знаешь, какъ печально провела она первые пятнадцать лѣтъ своей жизни?“ —

Скакуновъ былъ весь слухъ и умиленіе. Онъ молчалъ; а молчаніе есть знакъ согласія. —

Разумовъ. Пусть она сама расскажетъ! — (*Обращаясь къ Ольгѣ.*) Проспи, милая Ольга, друзей своихъ, что они просятъ тебя въ послѣдній разъ вспомнить о своихъ несчастіяхъ. —

Ольга, поцѣловавъ руку Разумова, пачала такъ:

„Я родилась въ Пешербургѣ. Виновники моей жизни, копорыхъ лишилась я еще въ дѣтствѣ, не могли ничего оставитъ мнѣ въ наслѣдство, кромѣ доброй о себѣ памяти и благородныхъ правилъ, свойственныхъ ихъ званію. Не изъ жалости, не изъ примѣрнаго великодушія, нѣтъ! но для одного слова: *благодѣтель*, принялъ меня старый Хваснуновъ на свое попеченіе. Возможность жить въ совершенномъ довольствѣ и благошворитъ, обнаруживалъ онъ въ Пешербургѣ—полюко на словахъ, а переѣхавъ въ городъ Р. . . . шайлъ оную опъ чловѣческа въ низенькомъ, вѣпхомъ своемъ домикѣ, копорый имѣлъ онъ на самомъ концѣ города; говорятъ, однакожь, что онъ всегда слылъ за добродѣтельнаго чловѣка. Жерпвою его мнимой добродѣтели была я. Совершенное его ко мнѣ невниманіе весьма пягошило мое сердце. Но, ни эша холодность, ни чорспивая пища, ни однообразная суровая одежда—ничто шакъ не расспроивало меня, какъ жеспокое его со мною обращеніе. Я приведу вамъ одинъ примѣръ: —

„Однажды, когда мы жили въ городѣ Р. . . . , въ осеннюю ночь остановился прошивъ нашего дома проѣзжій Офицеръ. По просьбѣ его слуги и приказанію моего ложнаго благодѣтеля, я вынесла Офицеру на улицу спаканъ

квасу . . . . . Не принявъ отъ меня стака-
на, Офицеръ безъ всякой причины ударилъ
меня саблею въ лѣвое плечо. Въ слезахъ при-
бѣжала я домой, надѣясь, что Хвасуновъ
окажетъ мнѣ возможную съ его стороны по-
мощь, и—какъ ошиблась! — Жестокій чело-
вѣкъ, съ дикимъ хохотомъ, смотрѣвъ на мои
слезы, и въ теченіи мѣсяца, пока здоровье
мое возстановлялось, онъ не только не изъ-
являлъ ни малѣйшаго участія въ моей бо-
лѣзни, но еще болѣе оказывалъ ко мнѣ равно-
душія. Судите, каково было мое положеніе! . . .

„Такъ провела я время до пятнадцати
лѣтъ моего возраста, когда Небо послало мнѣ
надежду и утѣшеніе въ добродѣтельномъ че-
ловѣкѣ.“—(*Цѣлуя руку Разулова.*) „Такъ, ба-
пюшка, вамъ, вамъ однимъ я обязана шепе-
решнимъ своимъ благополучіемъ!“ —

Ольга замолчала. — Скакуновъ, какъ прико-
ванный сидѣлъ, измѣняясь въ лицѣ и всматрѣ-
риваясь въ черты лица Ольги. —

„Необыкновенная женщина, единственное
созданіе благоспи Божіей!“—воскликнулъ онъ
наконецъ, упавъ предъ Ольгою на колѣна и
цѣлуя ея руки: „Забудьте поступокъ дерзка-
го, недостойнаго юноши, который былъ ви-
ною одной изъ многихъ вашихъ горесней!
Простите меня! Я потъ самый Офицеръ,
кошорому въ городъ Р . . . . вы прино-
сили . . . —

Онъ не кончилъ.—Но въ послѣдствіи все объяснилось для Разумова, Ольги,—и даже для самаго Скакунова.

„Объяснилось необъяснимое.“ — Скажете вы, любезный чинапель, шеряясь въ догадкахъ о томъ, какъ могъ Скакунову явиться въ зеркаль образъ Ольги, назадъ тому десять лѣтъ . .

— „Нѣтъ!“ объяснимое. Мой оповѣсть вамъ. Будьте терпѣливы дослушайте конецъ моей повѣсти.

По кончинѣ своихъ родителей, Ольга была, какъ вы знаете, принята на попеченіе Хваспуновымъ, который живя еще въ Пешербургѣ, въ обращеніи съ нею показывалъ ей ужасные опыты своей суровости. Эта суровость, обыкновенно свойственная людямъ черствымъ, простиралась до того, что онъ налагалъ на Ольгу обязанности горничной. И вотъ почему однажды, посланная Хваспуновымъ къ его знакомому, жившему въ одномъ домѣ съ Скакуновымъ, Ольга по ошибкѣ зашла вмѣсто прешьяго эпажа во впорой, и именно въ ту самую квартиру, гдѣ предразсудокъ и страхъ—заспали еще передъ зеркаломъ неопытнаго Скакунова, гадавшего о своей фортунѣ. —

Не правда ли, что судьба ворожитъ лучше людей? —

Николай Лутковскій.

СТНХОТВОРЕНІЯ.

П ъ с н я.

Когда не ясная попка
 Внезапно овладѣеть мною
 Въ полночь часъ, какъ я сижу съ побогомъ,
 Скажи: за чѣмъ швоа рука,
 Мнѣ руку жметъ, мепя ласкаетъ,
 И чувспва жаръ въ меня вливаетъ
 Прикосновеніемъ своимъ?
 Скажи: еще ли я любимъ?

Скажи: когда, идя порой,
 Подъ упрю, берегами моря,
 И скрышь не въ силахъ пайны горя,
 Я плачу, другъ, передъ побой —
 За чѣмъ, съ предчувспвіемъ разлуки,
 Опяшь мон сжимаю руки,
 Ты безопвѣшно смопришь въ даль?
 Скажи: шо радость иль печаль?

Скажи—когда пастаиетъ срокъ,
 Что мой корабль, несомъ волною,
 Изчезнетъ въ моръ предъ побогомъ,
 И я въ немъ буду одинокъ —
 Скажи мнѣ: раздѣляя горе,
 Помчишься ль пы за мною въ море,
 Иль, ждя возврапа моего,
 Ты скажешь ли: »Ахъ! жаль его?«

Скажи . . . Но ежели сказапъ
 Не хочеть пы, или не смѣешь,

Когда любить ты не умѣешь,
 Когда меня не станешь ждатьъ;
 Когда въ дни горестной разлуки,
 Другому будешь жать ты руки,
 Какъ мнѣ, въ часъ упреней зары,
 Тогда..... О, лѣтъ! не говори.....

Н. Стасюловъ.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

14) *Невскій Альманахъ*, на 1831 годъ, изданъ Егоровъ Аладынымъ. С. п. б. 1831 года; въ типографіи Х. Гинце.—Невскій Альманахъ съ родни, весьма близкой родни С.-Петербургскому Вѣстнику; а попому, на основаніи законовъ гражданскихъ и по силѣ совѣсти литературной, о которой такъ много твердятъ въ наше время, — вышенамяпованный Вѣстникъ и не свидѣтельствуетъ, предъ Публичкою, о своемъ брашѣ.

С М Ъ С Ъ.

У К А З К А.

Прошло пятнадцать лѣтъ съ того незабвеннаго дня, въ который я распался съ Антономъ Григорьевичемъ Букваревымъ, наставникомъ моего дѣлства; по память о немъ еще не изгладилась въ моемъ сердцѣ. Книги и втруски, подаренныя мнѣ этимъ дѣб-

рымъ челоѣкомъ, пѣлы: пересматривая ихъ на досугѣ, я мысленно переносусь во Ржевѣ, колыбель моей жизни, сравниваю прошедшее съ настоящимъ; смѣюсь надъ прежними своими шалостями, и часто—поскую о томъ, что между подарками Антона Григорьевича не нахожу *Указки* (*). Прекрасная подруга первыхъ лѣтъ моихъ! Она мирила меня съ учителемъ, научая терпѣнію и прилежанію; о ней вспомнилъ я въ Кадетскомъ корпусѣ; и нынѣ—безъ нее—я лѣпво разбираю по складамъ непопяпную книгу жизни.

Какъ теперь сижу въ дѣтской комнатѣ за азбукой, подлѣ Антона Григорьевича. Произношу выпверженные: *Бла* и *Вла*, *Ан-гелъ* и *Ар-хан-гелъ*, и въ то же время поглядываю на учителя, который дѣлаетъ въ окно кому-то глазки. Дверь опворена. Папенька слышншь меня и—конечно—радуется моему прилежанію; между тѣмъ какъ Антонъ Григорьевичъ, продолжая свои наблюденія, ободряетъ меня безпрестанными восклицаніями: *такъ! хорошо!* Никто не мѣшаетъ намъ заниматься; не кому и подумать, что мой наставникъ проклинаетъ, можешь быть, въ сію минуцу Царя Януса, перваго изобрѣтателя двери. Мнѣ же, какъ дышать, нельзя показатъ указкой на учителя и смѣшь подумать, что онъ не хорошо исполняетъ свою обязанность.

Бывало, послѣ урока, я гулялъ съ нимъ въ окрест-

(*) Она была выпочена изъ чистой слоновой кости, самимъ Антономъ Григорьевичемъ, на кауцѣ моихъ имяннщъ.

носпяхъ города. Добрый наставникъ водилъ меня по всѣмъ мѣстамъ, кошорья ему нравились, и—я охотно слѣдовалъ за нимъ по приказанію маеньки: *повиноваться учителю!* Проходя мимо господинаго ряда, я указывалъ на игрушки и конфетки пальцомъ (потому что указки со мною не было;) видя это, Антонъ Григорьевичъ заходилъ въ лавку, покупалъ солдатниковъ или леденцовъ и, подавая мнѣ, приговаривалъ: „*звѣтъ поднять руки, когда не должно!*“— На берегу Волги игрывалъ я съ другими мальчиками въ мячъ или горѣлки, изрѣдка поглядывая на учишеля, кошорый вдали спалъ подъ деревомъ, или капался въ лодкѣ по рѣкѣ съ своими знакомыми. Не знаю, думалъ ли онъ тогда объ указкѣ; но я, и въ удовольствіи—не забывалъ о ней, опасаясь, чтобъ пансъка не увидѣлъ меня безъ учишеля и, въ наказаніе, не посадилъ бы меня за азбуку.—Особенно же правилась Антону Григорьевичу прогулка къ рощѣ. Въ ней онъ любилъ предаваться меланхоліи, тогда какъ я гонялся на ближнемъ лугу за бабочкой, плелъ изъ цвѣшковъ вѣнокъ или вырѣзывалъ изъ дерева разныя штучки. Иногда заставали въ рощѣ какую-то женщину, кошорая ходила между деревьявъ наклонясь, какъ будто-бы искала грибовъ. И шенерь, вспоминая о ней, не могу удержаться отъ смѣха, потому что роца, въ кошорую неизвѣстная ходила за грибами, была сосновая!—Но учишель погрозилъ мнѣ однажды указкой за то, что я засмѣялся при видѣ этой женщины.

Я не смѣлъ ропсать въ Кадетскомъ корпусѣ на

строгость своихъ наставниковъ и думалъ объ указкѣ: только тогда, когда между своими поварищами встрѣчалъ лѣнивцевъ или шалуновъ.

Изъ корпуса я вспунилъ въ свѣтъ. Сначала неопытность приводила меня въ замѣшательство; но послѣ чужіе характеры ободрили меня, такъ что теперь, на сценѣ жизни, я оспаюсь зрителемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда разумокъ мой опличаетъ въ другихъ хорошее отъ худого, а сердце рвется къ прекрасной указкѣ. Опытность говоритъ мнѣ:

Подари нищему указку. Пусть онъ указываетъ свѣту на богача, опказавшаго ему въ нѣсколькихъ копѣйкахъ.

Укажи на неблагодарныхъ; но не спыдись, когда признательные люди будутъ указывать на тебя, какъ на друга человечества.

Видя человѣка необразованнаго, напыщеннаго, гордящагося не достоинствами, но шипломъ, не смѣйся надъ ошибкой Фортуны, которая забыла въ гербъ высокомернаго изобразить указку.

Не называй сапирика злымъ: его указка обращена на порокъ.

И проч. и проч. и проч.

Судите же, любезные читатели, сколь основательны совѣты моей опытности, и послѣ того разрѣшите мое недоумѣніе.

Если вѣрять разумку, то каждая вещь должна имѣть свое назначеніе. Такъ на примѣръ: палка слу-

жить подпорою старику и больному.—Но я не могу понять, за чѣмъ большая часть молодыхъ людей носятъ съ собою въ прогулкахъ проросточки? Не могу придумать, что означаютъ *молоточки, журавлиные носы, собачьи головки* и другіе набалдашники. Кажется, гораздо приличнѣе имѣть при себѣ указку, которою можемъ показать на предметъ, достойный почему-нибудь нашего вниманія; носить же съ собою кусокъ дерева для того, чтобъ вершить его въ рукахъ, и махать имъ,—какъ это мнѣ не нравится!—Вспомните слова Антона Григорьевича Букварева: „*За тѣмъ поднимать руки когда не должно.*“

МЫСЛИ.

1.

Честь — монета, менѣе всего спюющая обществу — и полезная для него болѣе, нежели всѣ прочія деньги. Но честь, какъ и всякая монета: ее принимаютъ только тогда, кто ее знаетъ, — даетъ только тогда, кто ее имѣетъ.

2.

Не должно стыдиться признанія въ своихъ погрѣшностяхъ. Твое признаніе доказываетъ, что сегодня ты сталъ умнѣе, нежели былъ вчера.

3.

Терпѣніе — прегорькое зерно, приносящее, однако же, сладкій плодъ.

4.

Кому ты дѣлаешь добро, попомъ пишешь его на песокъ; кому вредишь, попомъ пишешь это на камень и мепалль.

5.

Знаете ли вы стараго Пивкова? Онъ самый аккуратный человекъ въ свѣтѣ: каждый день, въ одно и то же время, онъ—пьянъ. Для рѣдкости, стоило бы показывать его за деньги; въ его лицѣ удивляются живой картинѣ чепырехъ времянь года: на носу и лбу цвѣтущь весеннїя розы, въ горящихъ опь вина взорахъ видѣнъ жарь лѣта, щеки блѣдножелты какъ осень,—и на убѣленныхъ волосахъ лежить снѣгъ ранней зымы.

(Изъ Цюокке.)

СО Д Е Р Ж А Н І Е No. IX.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Судьба ворожигъ лучше людей. [Повѣспь.] соч. *Николая Лутковскаго*. *Стихотворенїя*: Пѣсня; соч. *Н. Ставелова*. **БИБЛЮГРАФІЯ**. Невскїй Альманахъ на 1831 годъ. СМѢСЬ. Указка. Мысли.

С. П. бургъ. — Въ Типографїи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 29 Января 1831 года.

Ценсоръ *П. Гаевскїй*.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ЕГЕРЬ ШАМУНСКОЙ ДОЛИНЫ.

(П о в ѣ с т ь.)

Въ шѣсной хижинѣ Бальмы сидѣли Викторъ и Маріанна; она шкала тонкую пряжу,—онъ чистилъ свою виншовку.—Носаь коронкаго, но живаго разговора они молчали оба;—веселою казалась Маріанна, дикъ и мраченъ былъ Викторъ, погруженный въ думы. — Вдругъ на шканьѣ Маріанны упала шѣнь мужчины, это былъ Бальма, опецъ ея; онъ пошучался въ окно и звалъ Виктора; „въ *Пріери* (*) еспь иностранцы, говоритъ онъ, это знашныя люди,—и они хопяшъ сегодня же осмошрѣшъ вершину Моншана, а завтра черезъ *Коль де Бальме* спусшпшься въ Маршани. Францъ Кушешъ привелъ уже муловъ, ждушъ только проводника,—поспъшай туда Викторъ! . „Съ досадою посшавилъ юноша свое ружье въ спорону, отворилъ окно и спросилъ: для чего не пойдете вы сами, батюш-

[*] Главное мѣсто Шамунской долины.

ка?—вы бы лучше могли угодить путешественникамъ, показать и объяснить имъ наши рѣдкости? . . Ты знаешь, ошвѣчалъ снарикъ,—что я отправляюсь въ Саленхе на ярмарку.—Пустите меня туда, сказалъ Викторъ, а сами ступайте къ ледникамъ.—Тебя? . возразилъ, смѣючись, Бальма,—что смыслишь Егеръ въ торговлѣ? . . Снупай лучше въ Пріеря, — и оставь дома свою задумчивость . . . тамъ найдешь ны прекрасныхъ незнакомокъ; судя по произношенію, онѣ должны бытъ Испанки,—и авось, поразвеселятъ тебѣ.—Тупъ подалъ онъ ему руку, кивнулъ прощальный поклонъ дочери—и удалился.

Испанцы? . ворчалъ про себя Викторъ, надѣвая эпанчу и доставая изъ угла свою охотничью сумку и палку; — это рѣдкость, но что мнѣ до нихъ! . Прощай Маріанна, и подумай о томъ, что я говорилъ тебѣ!.—Нечего думать, ошвѣчала она, покрасивши, изъ всего этого ничего не будетъ;—прощай, и завтра въ Марпини зайди къ теткѣ Веренѣ, скажи ей, что я приду на освященіе церкви; мапушка мнѣ это позволила, да поклонись отъ меня Коласу, если его увидишь.

Я спану ему кланяюсь? . и отъ тебѣ? . тупъ выпустилъ онъ руку Маріанны, которую держалъ дополѣ въ своей рукѣ; горестно покачалъ головою и вышелъ изъ хижины. Маріанна смотрѣла ему въ слѣдъ

и думала: бѣдный Викпоръ! жаль мнѣ себя, но что дѣлать? не могу пособить никому горю: — Колась мой женихъ, и я люблю его . . .

Викпоръ пришелъ въ Пріери, гдѣ спекались любопытные путешественники всѣхъ земель, чтобы обозрѣть рѣдкости славной Шамунской долины . . . Францъ Купецъ сидѣлъ на крыльцѣ гостиницы, и вспрѣшилъ Виктора насмѣшками: „наконецъ пришелъ и ты, мечтатель! . Какое лицо? .. вѣрно опять Маріанна говорила съ побою о своемъ Коласѣ? . . Послушай пріятель, выкинь эту дѣвку изъ головы, она не останется опъ Коласа и никогда не будетъ своею!“

— „Этого еще мало, возразилъ Викпоръ; Маріанна смѣется надо мною,—а я не заслужилъ опъ нее насмѣшекъ; — пусть она любитъ своего Коласа какъ хочетъ, — но кто запретитъ и мнѣ любить ее, какъ я хочу? . . и можно ли за это шутить надо мною?“ что же изъ этого выдешъ? . спросилъ Францъ.— „Мнѣ все равно, но я не потерплю болѣе шутокъ надъ собою, въ угодность своему Коласу;—онъ гордится тѣмъ, что главный Касшелянъ въ Сеопѣ ему дядя, и думаетъ, что всякой долженъ передъ нимъ изгибаться? . но, пусть придетъ сюда! я знаю, что онъ изъ числа тѣхъ Валлискихъ удалцовъ, которые чрезъ Коль де Бальме и Тем-

нуаръ, перебѣгаютъ въ нашу долину—и загоняютъ въ Савойскія границы здѣшнихъ серны; но пусть попытается еще, — я подсперегу его! . . .

„Какая злость! . какія слова! . подхватили Кушешъ голосомъ укоризны . . . . Въ это время засуетились въ домѣ,—двери опворялись и зашворялись, слуги бѣгали туда и сюда, спрашивали проводниковъ,—и, наконецъ, вышли господа, копорые приказывали весни ихъ на вершину Моншаня.—Молодой мужчина, высокій ростомъ, сухой, блѣдный лицомъ, на копоромъ видѣлся образъ разрушеннаго счастья, первый вышелъ изъ дверей.—Въ черномъ дорожномъ плащѣ, слѣдовала за нимъ дама величественнаго роста, прелестные глаза ея сверкали сквозь бѣлое покрывало, какъ два факела сквозь волны тумана . . . . Она приказывала своей горничной принести нѣчто ея забытое, — и Викторъ у слышалъ лзыкъ Испанскій . . . .

Они сошли съ крыльца, Викторъ спѣшилъ помочь ей сѣсть на мула;—въ это время взоры ея, доселѣ обращенные на громады утесовъ и снѣжныя вершины окрестныхъ горъ,—въ первый разъ устремились на юношу. Ласково спросила она Виктора, опъ ли проводникъ ихъ? . . и сквозь Французское нарѣчје легко было узнать выговоръ иностранки. — Кушешъ шепнулъ на ухо своему сопут-

нику: это знаиный Испанскій Графъ, такъ сказывала мнѣ хозяйка . . . и Графъ, сидѣвшій уже въ седлѣ, нѣсколько разъ спрашивалъ о Докторѣ;—караванъ гоповъ былъ двинушься, какъ вдругъ новое явленіе обратило на себя взоры всѣхъ предполящихъ . . .

„Не шоропишь, — и я съ вами! . крехтѣль хриповашій голосъ изъ внупри дома, и въ слѣдъ за тѣмъ явилась длинная и спиранная фигурка:—между высокими плечами воровчалась шуда и сюда головка ошврапшельнаго вида; но красножелтому лицу планулись, какъ бы вырѣзанныя ножемъ морщины, косые глаза подъ нависшими гусными бровями сверкали какъ молніи въ темноиѣ ночи . . . Высокая оспроконечная шляпа, черные закрученные усы, и красная корощенькая маншіа поверхъ поношеннаго сѣраго плашья, довершали ужасный видъ сего удивительнаго человѣка,—лѣвая нога его была гораздо длиннѣе правой и волоклась по лѣсшницѣ. Наконецъ, онъ сошелъ внизъ, взобрался на мула — и, сгорбясь ѣхалъ велѣдъ за другими . . .“

—„Кшо это? . спросилъ Викторъ одного изъ слугъ, который шелъ подлѣ него—и получилъ въ отвѣтъ:“ господа называютъ его Докторомъ, имени же его я не слыхалъ никогда. Онъ со всѣмъ не таковъ, какъ другіе люди и дѣлаешъ все совершенно иначе.—Иногда подумаешъ, что онъ куралѣсшщъ не въ своемъ

умѣ, а посмотришь, — напоследокъ выдешь, чшо онъ же правъ . . . .

Медленно и въ молчаніи тянулся караванъ; — здѣсь не видно было ни одной искры шой веселости, того всеобъемлющаго любопытства, копорья издавна содѣлались какъ бы характеромъ всѣхъ посѣщителей горъ . . . только изрѣдка рассказы проводниковъ прерывали безмолвіе; на ихъ слова оглядывались путешественники, нѣмо бросали безжизненные взоры на описываемые предметы, — и снова въ глубокой задумчивости, или, казалось, въ разсѣянности, подвигались далѣе и далѣе . . . порою, усмѣхался чему-то чудный Докторъ; порою сердился на своего мула . . .

Въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ свѣшлый Калешскій испочникъ, какъ бы, выпрыгивая изъ скалы и шихо журча, дробился по камнямъ, капяся въ долину, — ошановились наши пушники. Графиня сошла съ мула и въ первый разъ подняла покрывало. Лукаво косился Докторъ на Виктора, копорый ошомбѣнѣлъ при взорѣ на прелести молодой дамы, . . . наконецъ, онъ кое какъ сдвинулся съ мѣста, и шолкнувъ локнемъ своего поварища, шенпаль ему: не правда ли, какъ она похожа на Маріанну? онъ какъ будто родныя сеспиры . . . Ты глупъ, прервалъ Кушешъ, я не вижу ни малѣйшаго сходства; — ну, гдѣ у швоей Ма-

ріанні эти черные локоны, эти пламенные глаза, это высокое чело — и этошь орлиный носикъ? . Но Викторъ не слыхалъ, не понималъ Купеша, онъ весь шогда былъ зрѣніе, каждую минуту находилъ въ Графинѣ болѣе и болѣе сходства съ Маріанною . . . восхищеніе и мечты наполняли его душу; опъ провицательныхъ взоровъ Графини не скрылась особенная къ ней вѣщательность Виктора! . . Онъ указывалъ ей красоны долины, увлекалъ взоры ея шо на вершину горы Бреффеи, шо на подернутые пурпуромъ вершины величественныхъ ледниковъ, шо на грозные утесы, на источникъ . . . и глаза ихъ, какъ бы ушомаясь, опдыхали встрѣшясь между собою . . . . они пошли пѣшкомъ далѣе, и Графиня, подала ему свою руку,—онъ задумывался, какое-шо уладительное чувство утѣшало его душу, . . наконецъ, они спушили на вершину Моншаня . . . . Викторъ и Графиня въ безмолвіи заглядывались шо на величественныя картины дикой и грозной природы, шо другъ на друга,—Графъ говорилъ о своихъ Пиринеяхъ, Докторъ о безднахъ, скалахъ и камняхъ . . . Ужасныя громады! сказала разшироганная Графиня, какія неприступныя стѣны, какіеobelisks,—какъ разнообразны,—будшо памятники на угрюмомъ кладбищѣ! . . Ядовитая улыб-

ка разинула при сихъ словахъ рожь Доктора, — Графъ посѣбно удалился въ сторону и осматривалъ съ Купешомъ края одного ледника, между тѣмъ какъ Графиня съ своею горничною вошли въ хижину, называемую à la nature (*), чибобы отдохнуть и подкрѣпить себя завтракомъ. Викторъ остался съ Докторомъ наединѣ. „Прекрасная женщина! не правда ли? прелестная женщина? говорилъ съ усмѣшкою Докторъ, юношѣ, — и не получая отвѣта, — „голубые кристаллы, красные кристаллы! продолжалъ онъ; — а? . . . доспашь мнѣ красный кристаллъ на *Талефре* . . . . . (**) тушь пропянулъ онъ лѣвую руку, на указательномъ пальцѣ сіялъ золотой перстень, украшенный четырьмя дорогими камнями; потомъ всплеснулъ онъ обѣими руками — и Виктору явственнo слышался звукъ, подобный звуку, когда высккаютъ огонь изъ горнаго кремня; — что-то непонятное овладѣло его душою, онъ горѣлъ желаніемъ скорѣе увидѣть прекрасную Графиню. — Въ эту минуточку вышла она изъ домика, Докторъ улыбнулся снова и сказалъ: „прекрасная женщина! добрая женщина! будь счастлива! . . . „огонь и холодъ обдали сердце юноши . . . дрожащею рукою поднесъ онъ Гра-

(*) На вершинѣ Монп. выпросилъ для путешественниковъ небольшой домикъ, надъ входомъ коего естъ надпись: à la nature.

(**) Названіе одного ледника.

Финъ букетъ собранныхъ имъ цвѣтовъ, она приняла его съ признапельносною и съ глубокимъ вниманіемъ слушала темные его рассказы о вершинахъ окресниыхъ горъ. — Въ это время возвратился Графъ и предложилъ своей супругѣ предпринять обратный путь въ долину. „У подошвы ледника *Бол* мы соединимся говоримъ онъ, намѣреваясь спуститься туда по узкой угнѣсистой дорожкѣ. . . . — „я пойду съ вами, возразила Графиня и насмѣивалась въ томъ, не смотря на всѣ увѣренія проводниковъ, что эта дорога слишкомъ затруднительна для дамъ. — Графъ шелъ уже впереди съ Купцомъ, Викпоръ все еще опговаривался, но Докпоръ кричалъ ему: впередъ, впередъ! такъ угодно Графинѣ; сударыня, продолжалъ онъ, вамъ нечего опасаться съ такимъ ловкимъ вожакомъ;— онецъ его *Valma des Dames!* (*) Насвѣщывающая какую-то почти забытую опть древности ибѣню, побѣжалъ онъ за Графомъ; а прекрасная Графиня, облегшись на руку пылающаго юноши, медленно, какъ бы луна въ свѣпломъ небѣ, текла за ними; — вдругъ гулъ и грохотъ и шумъ; она запрепепала и съ воплемъ ужаса упала въ его руки;— опломокъ утеса, обросшій вѣковыми деревьями, вмѣснѣ съ огромною свѣжною лавиною промчался вихремъ передъ

(*) *Valma dit des Dames*, обыкновенный проводникъ дамъ въ Шамуни.

ними въ черную бездну; звучный хророшь разлился по скаламъ—и серебристая пыль рассыпавшагося снѣга взвилася къ небу.—Съ широкимъ вздохомъ и нѣжнымъ румянцемъ стыдливости, подняла Графиня прелестную голову. Оглянувшійся Докторъ коварно улыбался и пощипывалъ руки. Викторъ сползалъ какъ испуганецъ, будто лавина упала на грудь его... всепожирающій пламень разливался въ его жилахъ.

Машинально шли они впередъ. Въ долину, гдѣ у подошвы вѣковыхъ скалъ и глешшера, упавшая съ Авейрона тихая рѣка капить струи свои, осѣненная густою рощею, гдѣ такъ часто предавались веселому отдыху усналые посѣтители Шамуни, въ прохладной тѣни деревъ, на бархатной муравѣ расположились и наши спранники, любуясь величественною карпиною обнаженныхъ скалъ и цвѣтущей долины.

Полдневное солнце пылало въ небесахъ. Голубыя, сизыя, розовыя—льдистыя вершины Авейрона, какъ волшебный храмъ Фей, блискали огнями, какъ воздушная радуга сіяли на чистомъ небѣ. Громада дю-Дрю, какъ исполинецъ, подымаясь изъ глубокой бездны, шерялась въ необозримомъ эфирѣ; лишь изрѣдка показывалась красноватая ея вершина.—„Посмотрите, вскричалъ Викторъ, какіе цвѣшны, какъ играешь дю-Дрю въ радугахъ!“—Да, да,

подхватилъ Докторъ: „пусть себѣ поиграетъ, придетъ время и эта громада обрушится!— „О, возразилъ Купецъ, это не такъ-то скоро можетъ случиться; дю-Дрю еще пакъ здоровъ и крѣпокъ, что его не сломятъ ваши предсказанія!— „Крѣпокъ! отвѣчалъ насмѣшливо черножелтый Докторъ; но что у васъ крѣпко, что прочно? . . . не ваши ли ледники, или полуразрушенныя горы? . развѣ не при мнѣ *Антерне* у *Серволя* (*) и *Чортова гора* въ *Валлисть* (**) разсыпались въ прахъ?— А Боссонскій ледникъ въ короткое печеніе одного только года не подался ли впередъ по крайней мѣрѣ на бо шаговъ? . “—Что? сказалъ Купецъ, при васъ обрушился *Антерне*? Да тому уже безъ малаго семдесятъ лѣтъ, и самыя старыя жители долины едва запомнятъ это; какъ же могло случиться оно при васъ? . . Докторъ окинулъ его взглядомъ съ ногъ до головы, не отвѣчалъ ни слова, и поглаживалъ подбородокъ.— „Что же касается до движенія ледниковъ, продолжалъ Купецъ, то вы должны также знать, что они снова отдвигаются назадъ? . . „Да, говорилъ усмѣхаясь Докторъ, точно такъ, какъ разбитое войско отступивъ, отпавляя за собою слѣды опустошенія—и потомъ съ новыми силами, съ новымъ несомнѣваемъ, обрушится на об-

---

(*) 1751

(**) 1714 — 1749.

лапши и превращишь все въ дикую пустыню! — Попробуйте хоть разъ привести все въ прежній порядокъ тамъ, гдѣ пронулся ледникъ, попробуйте эти утесы и камни съ ихъ испочниками, водопадами, ледниками и лавинами перенести опять на вершины *Монтблана*, оградите ихъ несокрушимыми стѣнами, прикуйте ихъ — и силой металла и чарованій и моливъ; посмотримъ, долго ли они тамъ удержатся? . Не съ каждымъ ли годомъ ваши Альпы болѣе и болѣе холодѣютъ, обнажаются и дряхлѣютъ? . Не было ли прежде дороги изъ Шамуни чрезъ Моншаверсъ въ Д'аосту? . Гдѣ она? . погребена на тысячу футовъ подъ лавиною! я переживу еще по время, когда долина ваша, ея прекрасные дуга, хижины и роши, оныя энихъ ледниковъ и горъ, копорыми вы прельщаетесь, и копорыми вы прельщаете,—обратитесь въ печальную снѣжную пустыню! . При сихъ словахъ, онъ надувался, глаза его блистали—и Викторъ не понималъ, какая сила удерживала его попочиванъ *Альпійскою палкою* этого злодѣя, копорый съ такою безчеловѣчною радостію предрекалъ гибель прелестной ихъ долины.

Графиня, копорая съ явнымъ неудовольствіемъ слушала Доктора и видѣла пламя гнѣва на пылающихъ щѣкахъ юноши, спросила его: не охотился ли онъ за сернами? . Къ его утвердительному отвѣту, присовокупилиъ

Купешъ: о, это самый ошважный и мѣшкій шрълокъ въ цѣлой обласни, не смотря на то, что ему только двадцать лѣтъ ошъ роду.

„Ошанься у насъ, въ Маршени, сказала Графъ; я долженъ побыть тамъ три, или чепыре дня, въ ожиданіи одного друга—и хотѣлъ бы, для сокращенія времени, пойти на охоту за сернами.“—Покорнѣйше благодарю, Графъ! ошвѣчалъ Викторъ,—Валлицы не расположены ко мнѣ, мы съ ними въ непрерывной ссорѣ . . . . Воспоминаніе о Маршени погрузило его въ молчаніе, онъ опушелся на праву и снова предался мечшамъ, но шепотъ прекрасной Графини пробудилъ его.—„Неправда ли, говорила она по Испански: своей преданной спутницѣ въ полголоса „онъ прекрасенъ, какъ упрення заря на Воспокъ? . . . —„Взойдетъ солнце,“ подхвашилъ Викторъ съ жаромъ, на помъ же языкъ—и блескъ ярчайшей звѣзды будетъ замѣтенъ столько же, какъ блескъ свѣщающагося червя! . „Неожиданность этихъ словъ, Испанскій языкъ въ устахъ Альпійца—поразили Графиню не меньшимъ ужасомъ, какъ и паденіе лавины. Пылающія щеки, удивленные, пламенные взоры, были единственными исполкователями ея чувствъ, ея мыслей,—во время долгаго молчанія—и неожиданнаго смущенія, изъ котораго вывелъ ее только приходъ Графа, ухѣ-

дившаго съ своимъ проводникомъ осмогрѣшь единственнымъ грошъ Авейрона; — приказано подвести муловъ и караванъ попянулся назадъ къ *Пріери*.

Викторъ не пошелъ домой. Опъ, какъ будто не могъ выдти изъ волшебнаго лабиринта, кошорый прелестныя взоры Графини накиннули на его существованіе.—Наконецъ они были у дверей гостинницы; мраченъ и задумчивъ бродилъ онъ кругомъ;—въ это время любопытная горничая подошла къ нему съ разсирсами: кто онъ, что онъ и какими судьбами знаетъ Испанскій языкъ?—Викторъ опвъчалъ неудовлешворительно и скоро освобо-дился опъ докучливой . . . Маріанна, кошорая за его вѣрную, посполнную приверженность плашила ему обиднымъ равнодушіемъ—знаменишая иностранка, принимавшая, по видимому, въ одинокомъ юношѣ шакое участіе, опячь Маріанна и опячь Графиня занимали попеременно его мысли;—уже шуманный сумракъ сходилъ въ долину съ безмолвныхъ утесовъ, даль синѣла, перялась, привѣпный огонекъ свѣпился въ окна хижинъ, звѣзды заискрились въ далекой пучинѣ небесъ — и луна, какъ одинокій лебедь, ныряла въ волнахъ эфира . . . Задумчивый Викторъ все еще бродилъ кругомъ селенія, вдругъ остановился, помный взоръ его полетѣлъ къ небу . . . не столько ли звѣздъ въ небѣ, , сколько сердець въ мѣрѣ?

думалъ онъ, не каждая ли изъ нихъ свѣспитъ своему подвластному или оспрадой, или скорбию? . . . Гдѣ же моя пушеводная? . . . Не та ли, что закашилась теперъ въ необозримую даль? . . . такъ мечшалъ Викторъ, кака-то недовѣрчивая безнадежность ко всему милому, ко всему дорогому—помила его душу—и вмѣстѣ кака-то незнакомая, небывалая утѣшительница—дума бесѣдовала съ его душою. Ничто иное, какъ усталость осправляешь мое спокойствіе, думалъ онъ—и бросился подъ тѣнь, дерева; благошворная прохлада и прелестныя картины спящей природы разгоняшь тяжкую грусь сердца, эшошь день унонешъ въ безднѣ прошедшаго—и все, что пакъ мучитъ меня, пройдетъ съ нимъ! . . . Но напрасно обманывалъ онъ самага себя, душиспный зефиръ прохлаждалъ пылающее лице его, а пламень чувствъ разливался въ сердцѣ—и глухое журчаніе далекаго ручья сливалось съ нѣмыми его вздохами.—Вдругъ слышился ему знакомый голосъ,—то была Графиня, вышедшая въ сопровожденіи своей горничной полюбоваться вечернимъ небомъ, прелестями цвѣшущей природы. Покрывало ея было опкинуто, черныя локоны разсыпались по плечамъ, легкой въшпрокъ, играя лилейною одеждою, обрисовывалъ величественный спань! . . . Взоры Виктора вонзились въ прелестный образъ красавицы—и душа его разгадала шайную поми-

тельную грусть; порывы ея упили. Какъ горный орелъ, пронзенный на полетѣ къ облакамъ, трепещеть, вьется на одномъ мѣстѣ—и обезсиленный падаетъ въ бездну, — такъ душа Виктора изъ горняго эфира мечты, низверглась, заключилась въ образъ милой чужестранки! . Но онъ не могъ разслушать словъ ея въ опдаленіи, не могъ на нее наглядѣться и не смѣлъ къ ней приблизиться! . Какъ другъ, помогъ ему вѣперокъ вечерній: смѣло сорвалъ онъ покрывало съ головы Графини и рѣзво покапиль его по мягкой муравѣ . . . далѣе, далѣе . . . прямо къ восхищенному Виктору; быспро, какъ топъ же вѣперокъ, подлѣпль онъ къ Графинѣ;—она изумилась, — блескъ черныхъ очей ея спорилъ съ блескомъ луны на небѣ, сладоспнѣ звука опдаленной арфы, проговорила она ему благодарность, и безмолвный Викторъ, трепещною рукою опдалая ей покрывало, мечиналъ, что опдалеть вмѣстѣ съ нимъ свое сердце! — и слезящими глазами смопрѣлъ вельдъ ей, когда она возвращалась въ гостинницу.

„Славно, мой другъ; браво, мой другъ! я вижу, что ты умѣешь пользоваться случаемъ—и тебѣ легко соснавинъ свое счастье у прекраснаго пола!“ Какъ бы при видѣ ужаснаго чудовища, отступилъ Викторъ при сихъ словахъ Доктора назадъ и хопѣлъ, не опвѣчая ни слова, удалился, но топъ ласково оста-

новиль его.—Не спѣши, пріятель, я хочу поговорить съ тобою, я желаю тебѣ добра отъ всего сердца;—не плошай только самъ; не можешь ли, другъ мой, доспать мнѣ красный кристалль? . . . — Нѣтъ, отвѣчалъ Викторъ сухо. — Пустое, возразилъ Докторъ, споймишь только захопѣшь—и ты диня счастья;—дай-ко мнѣ свою руку, лѣвую;—не хотя пропянуль ему ее Викторъ: диня счастья, диня счастья! какіе чудные линіаменты! продолжалъ Докторъ;—доспаны мнѣ только красный кристалль—и я сдѣлаю тебя большимъ человекомъ. —Вы? . . . спросилъ Викторъ, улыбаясь. Да, сказалъ Докторъ, воть видишь ли,—ты нравишься прекрасной Графинѣ — и для этой бѣдной женщины было бы большое счастье, если бы и она тебѣ понравилась.— Ты вѣрно замѣнилъ, какъ мало занимается ею мужъ ея . . . Сказалъ ли онъ ей, въ цѣлый долгій день болѣе двухъ словъ? . Она очень, очень несчастлива—и погибеть ея безъ тебя неизбежна! . . . Я не понимаю шутъ ни слова, возразилъ Викторъ.—Поймешь, если только захочешь, сказалъ Докторъ; но ты вовсе не любопытенъ.—„Почему вы это знаете? .“ О, я знаю еще гораздо болѣе, я знаю тебя, какъ самага себя, я зналъ также и отца твоего и въ одно время мы были съ нимъ друзьями.—„Вы знали моего отца? .“ — Да, мнѣ очень извѣстно, что ты чужой всѣмъ въ

этой долины, где покойный отец твой нашел себя послѣднѣе убѣжище. — Скажи, не правда ли, что послѣ-завтра двадцать первый день твоего рожденія? . . не въ этотъ ли день хочешь ты разпечатать зеленую сумку, которую отец твой при смерти подъ кляпвою завѣщалъ тебѣ не открывать ранѣе? . Викторъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ;—откуда вы это знаете? спросилъ онъ. — Говорю тебѣ, что я былъ другомъ твоего отца,—и сказать правду, ты не любопытенъ, ты сдержалъ свою кляпву; — за то важная награда! . . Помни мои слова: ты будешь счастливъ съ Графинею, ты не такъ далекъ отъ нее, какъ тебѣ кажется.—Ты не находишь ключа къ этой загадкѣ? . . ничего, я позабочусь объ этомъ—и еще кое о чемъ, только съ условіемъ: остапьясь съ нами въ Маршини.—Вы наспоющій колдунъ, вскричалъ Викторъ — и полный сомнѣнія, по опсупалъ, по невольню подвигался къ непоспужимому для него человеку, который такъ много ему высказалъ—и казалось, еще болѣе упалъ;—но что мнѣ дѣлать въ Маршини? . продолжалъ онъ. — Довершишь твое счастье, упрямецъ! отвѣчалъ Докторъ. Тамъ ожидаешь себя блаженство, я все уже устроилъ, положишься только на меня; ну, дай мнѣ руку, молодой человекъ! . . Викторъ стоялъ въ нерѣшимости, вдругъ на сонной рѣкѣ раздалась

стройные женские голоса въ опдаленіи; хоровадь дѣвиць изъ ближней деревни показался на холмѣ, очаровательные звуки сельскихъ пѣсенъ, въ которыхъ, мнилось Виктору, слышалъ онъ голосъ Маріанны, обворожали его душу; онъ забывался, мечты кипѣли, слезы вырывались, сердце спрадало . . . : мнѣ оспавить васъ? . . . вскричалъ онъ, нѣтъ! . . . я не пойду въ Марпини? . . . Какъ угодно, отвѣчалъ Докторъ, такъ мы увидимся въ другомъ мѣстѣ.—Они разошлись.

Какъ рѣдко вѣрмъ мы неожиданному блаженству, какъ часпо среди упоеній настоящаго, мы невласны забышь прелестное минувшее;—справедливо, вчера вѣрнѣе, нежели завтра:—очарованіе будущаго облакаетъ душу свѣтомъ надежды, но сомнѣніе, какъ тяжельй паръ, одѣваетъ ее мрачнымъ облакомъ горести — и счастливецъ, неувѣренный въ сбыточномъ, вздыхаетъ о прошломъ! . . . То самое чувствовалъ Докторъ: ему казалось, даже хотѣлось повѣринь, что прекрасная Графиня не въ силахъ была сдѣлать на него впечатлѣнія; онъ отрицалъ ея могущество надъ сердцемъ—и увѣрялъ самого себя, что только милое сходство съ Маріанною, очаровало его душу;—но Докторъ сверхъестественною силою овладѣлъ имъ, онъ не могъ побѣдить непоняннаго къ нему влеченія; въ Докторъ видѣлъ онъ сосирадающую дружбу,

вспоминалъ его разговоры о скалахъ де Бальмы, о расщѣпяхъ, объ опасностяхъ сернолововъ, о ледникахъ, о лавинахъ — и удивлялся его глубокимъ познаніямъ, припоминалъ таинственные слова о самомъ себѣ, о Графинѣ, о шайнѣ — и ему подъ кляпвою еще неизвѣстной!

Съдой шуманъ взвивался къ небу, серебристые водопады золотились въ лучахъ румянаго разсвѣта, шѣни высокихъ утесовъ шлепались въ долину; сквозь сизый дымъ волнующихся облаковъ проглядывали радужныя вершины ледниковъ; повѣялъ ранній вѣтерокъ и съ первымъ лучемъ выкапившагося солнца, наши путешественники пронулись въ Марпини. Безмолвно шелъ караванъ; уже въ необозримой дали исчезали опть взоровъ шихія долины Савои и Валлиса; какъ исполинъ, упиравалась въ небо бѣлая громада Монблана — и сипѣющая цѣпь Альповъ смыкалась съ величественнымъ С. Готтардомъ. Тамъ блеснѣли огнистые ледники, тамъ зеленѣли неподвижныя сосны, какъ безмолвные памятники; окрестность и лазурная даль молчали, какъ кладбище; какъ разсыпанныя перлы блистали въ голубой дали шихія воды величавой Роны, свѣшлые кровы башенъ Сіона горѣли золошомъ. Здѣсь предѣлъ долины Шамуни. — Задумчиво провожалъ Викторъ прекрасную Нецанку; она казалась чѣмъ-то удрученною, чѣмъ-то разпироганною; но когда между де-

ревьями показался приближающийся къ нему Докторъ, она мгновенно обратилась къ юношѣ, тихимъ и полнымъ участія голосомъ прошептала ему: „берегись его, если только спокойствіе души, если самая душа твоя для тебя драгоценна!..“ Это было послѣднее слово, которое Викторъ слышалъ изъ устъ Графини. Во весь день, во всю продолжительную дорогу, при видѣ цвѣтущихъ долинъ, шумящихъ водопадовъ, прелестныхъ хижинъ и пѣнистыхъ роць, до самаго Маршини, она едва удостоила его нѣсколькими взорами—и съ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ отворачивалась прочь, когда онъ начиналъ говорить съ тайнственнымъ.—Хорошо, я спану его осперегаешь, думалъ Викторъ, но онъ долженъ удовлетворить моему любопытству. Докторъ старался однако же отдѣлываться отъ его вопросовъ; почему вы знали отца моего? . почему знаете меня? вскричалъ наконецъ Викторъ. Зеленая сумка! зеленая сумка! . отвѣчалъ шопомъ, одинъ только день терпѣнія . . . посмотри, и у меня такая же сумка, продолжалъ онъ, показывая ее изумленному Виктору, который находилъ въ ней чрезвычайное сходство съ хранившеюся у него. — Докторъ разкрываетъ сумку, говоря: чудныя бумаги, важныя бумаги! . . посмотри, вотъ Графскій паспортъ. Его имя — ну, читай же . . . . Донъ Эспланцианоръ, сказалъ юно-

ша. Эспландіапоръ! пввпорилъ Докторъ, не забудь этого имени, я спрошу тебя о немъ.
„Когда? . гдѣ? .“—я найду тебя, я спрошу тебя; а теперь возьми эшошь ключь, примолвилъ онъ запирая свою сумку, онъ пригодися . . . Но вопъ и Маршнини передь нами процай, помни имя Эспландіанора!

(Окончаніе въ слѣдующемъ Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

В и д ѣ н і е.

Изъ края въ край земли созрѣлой,
Какъ громъ, какъ ревъ лепящихъ водъ,
Мнѣ слово дивное грьмѣло:
»Великій градъ падѣтъ! падѣтъ! . .
Я не подамъ за пресупленья
Ни въ день, ни въ ночь опрады злымъ!
И да сполбомъ опъ ихъ мученья
Изъ вѣка въ вѣкъ возходипъ дымъ!“
Сходило облако предь мною:
Вдругъ замолчалъ на небъ громъ!
И Ангель съ пламеннымъ серпомъ
Парилъ, блистая надъ землєю!
»Я слышалъ: На поляхъ земли
Да будетъ по дѣламъ награда!
Ты серпъ сей на поля понли —
Созрѣли грозды винограда!
Я зрѣлъ: на землю серпъ падѣтъ —
И жашва собрана обильно!

И Ангель въ чашу мести сильной
 Повергъ земли созрѣлый плодъ!
 Въ мосмъ пророчесвеншомъ взорѣ
 Преобразился видъ земли!
 И небо и земля прешли —
 И въ берегахъ изсякло море!
 А предо мной Ерусалимъ
 Сноляль, какъ дѣва молодая,
 Когда предъ алпаремъ свяпымъ
 Она споншь, красой блиспая! . . .

Ротчевъ.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

15) *Стихотворенія Михайла Дмитріева.* 2 части, Москва, 1830 года, въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 251 и 243 стран. въ 8 д. л.

Достоинство сихъ швореній, супъ *сухость* вымысла и *водлность* стиховъ. Впрочемъ М. А. Дмитріевъ небезызвѣстенъ въ нашей липературѣ, какъ неумышленный Зонль: его крипика Комедіи: *Горе отъ ума*, была напечатана въ *Вѣстникъ Европы*, въ живѣ скончавшемся; но только ныцъ погребенномъ журналѣ.

16) *Роза Грацій, или собраніе стихотвореній для прекраснаго пола.* Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1830. 72 стран. въ 12 д. л. — Это какой-то липературный венигрепъ, составленный, какою-то пенскусною и безвкусною спряпухою, изъ давно из-

вѣстныхъ всѣмъ стихопвореній первоклаеныхъ, впо-
рокласныхъ и, даже безклассныхъ Русскихъ поэтовъ:
въ довольно дурно напечатанной книжицѣ, чинашели
пайдуть перепечатанные стихи Пушкина, Баратын-
скаго, Барона Дельвига, Барона Розена, Туманскаго,
Тютчева, Бушмакина;—нѣсколькихъ безымянныхъ и
двухъ вешераповъ нашей словесности. —

С М Ъ С Б.

С Т Р А Н Н Ы Й   З А К О Н Ъ .

(Изъ Цшоокке.)

Спарикъ Діодоръ Сицилійскій хвалилъ чрезвычайно
одного Туріумскаго законодателя, по имени Харонда-
са. Чиная законы этого чловѣка, должно сознашья,
что времена и нравы слишкомъ переменились.

Напримѣръ, онъ постановилъ, чпобы уличенные въ
клеветѣ, ходили вездѣ съ вересковыми вѣнками на го-
ловахъ, дабы чрезъ то сдѣлашь ихъ извѣстными свѣ-
ту, какъ людей, достигшихъ въ злобѣ совершенства.
Если бы этотъ законъ существовалъ въ нашемъ вѣ-
кѣ, я думаю, тогда пришлось бы расширь болѣе ве-
реску, нежели картофелю.

Искусство писать, законодатель предпочиталъ всѣмъ
прочимъ искусствамъ и наукамъ: приказано было обу-
чать оному, на счетъ общественной казны, сыновей
всѣхъ гражданъ. Это, можеть спашься, заслуживаетъ
и подражаніа!

Но чудеснѣ всего былъ слѣдующій законъ: „кто въ войнѣ малодушно оспавилъ свое знамя, или устранился поднять оружіе на защиту отечества, шопъ долженъ, въ наказаніе, три дня сряду просидѣть на рынкѣ въ женскомъ платьѣ. Милосердое Небо! какіе маскарады были бы въ частую на нашихъ рынкахъ! Цѣлые полки встрѣчались бы намъ въ юбкахъ!

С Д А Ч А А М С Т Е Р Д А М А .

Въ 1672 году Людвигъ XIV, подъ копорымъ командовали Принцъ Конде и Маршалъ Тюрениъ, завоевалъ почти всю Голландію, и явился съ войскомъ предъ воротами Амстердама. Смятеніе было неопи- санное. Никто не думалъ болѣе о защитѣ. Жалкіе Коменданты крѣпостей погдашняго времени, всегда готовые къ сдачѣ, оспаривали спыдъ одинъ у другаго, и оправдывали тѣ льспивые слова, копорыя написалъ Королю Мариюмъ:

„Una dies lotharos, Burgundos hebdoma una,

„Una domat Batavos luna; quid annus erit?“

Въ Амстердамѣ ни о чемъ болѣе не думали, какъ только о сдачѣ. Въ одинъ день городской Совѣтъ долго разсуждалъ объ эпюмъ предметѣ, и наконецъ согласились единодушно, поднесши Королю ключи города. Тупъ замѣшили, что одинъ старый Бургомистръ заснулъ и еще не подаль своего голоса. Его разбудили. „О чемъ дѣло?“ вскричалъ онъ, проширая себѣ глаза.

— „О сдачу городскихъ ключей Французамъ.“

„А развѣ Французы ихъ уже требовали?“ спросилъ старикъ.

— „Нѣтъ еще.“

„Хорошо, такъ подождите, по крайней мѣрѣ, пока ихъ опятъ насъ не потребуютъ.“

И это одно слово (такъ говорилъ преданіе) снало Голландію.

Изъ письма въ Москву къ Н. Н.

. . . . .
 . . . . . Дельвингъ, Измайловъ. Миръ праху
 вашему! — Талантъ поэта, приносящій душевное наслажденіе благомыслящимъ, или смѣло и резко изобличающій невѣжесиво и пороки, находилъ и находишь всегда и вездѣ крипиковъ.

Необходимость сколько нибудь разсѣять грусть, причиненную мнѣ потерей тѣхъ, кого я уважалъ по дарованію ихъ и почивалъ по ихъ душѣ, заставила меня принять приглашеніе (извѣснаго тебѣ) юнаго литератора А. Л. Н—ча—посѣпить ихъ благородный театръ. Давали одинъ изъ лучшихъ Русскихъ водевилей: *Знакомые незнакомцы*. Десять разъ выдалъ я его на Петербургской сценѣ, по привычѣ онъ впервые принесъ мнѣ полное удовольствіе, не взирая, что моя душа совсѣмъ не была расположена къ этому водевильному удовольствію. Чудо это совершили съ

нею *благородные артисты*, участвовавшие въ *Знакомыхъ незнакомяхъ*. Для тебѣ они *не незнакомя*.

Опоставнаго моряка Палубина игралъ П. П. И. десять разъ, выдавъ на публичномъ театрѣ эпипъ водевилъ, [см. выше] я только нынче познакомился въ немъ съ паспоющимъ Палубинымъ. Племяницу, или дочь его, право не вспомню, представлялъ Г. Пав . . . . Игра и пѣніе его были упреками природѣ, создавшей его мужчиною, давъ ему лице, спанъ, голосъ и манеры дѣвицы-красавицы.

М. А.

Н О В О С Т И.

На всѣхъ Парижскихъ театрахъ въ теченіи 1830 года было играно слѣдующее число новыхъ піесъ:

Въ большой оперѣ 3 піесы (2 оперы и 1 балетъ).

Въ Итальянск. театрѣ 5, (4 Нѣмецк. оперы и 1 Итал.)

Во Французск. театрѣ 12: (4 трагедіи, 6 драмъ и 2 комед. чаешо были играны: Карлъ IX, Зависпникъ и Зяпъ.)

Въ Комической оперѣ 9.

Въ Одеонѣ 24: (3 трагед. 6 драммъ, 14 ком. и 1 водевилъ.)

Въ Драмашической Гимназіи 10: (9 вод. и 1 драма.)

Въ театрѣ водевилей 21 водевилъ.

Въ — — Variétés 24 водсвиля.

Въ Театрѣ Новостей 17: (10 водев. 5 оперъ, 1 комедія и 1 паншомима.)

Въ *Gaité 14*: (5 мелодраммъ, 5 комедій и 4 водевиля, часто играли: Фенелона, и Добродѣтельнаго галернаго невольника.)

Въ *Ambigu Comique 18*: (10 мелодраммъ, 5 комедій и 3 водевиля.)

Въ Театръ (*Porte St. Martin*) 9: 4 мелодрамы, 4 комедіи и 1 водевиль; часто были играемы: Свѣтскій человекъ и Первое дѣло.)

Въ Олимпическомъ Циркѣ, 9 мелодраммъ.

И того 175 пьесъ.

СОДЕРЖАНІЕ №. X.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Егеръ Шемунской долины. *Стихотворенія*: Видѣніе; соч. Ротгева. **БИБЛОГРАФІЯ.** Стихотворенія Михайла Дмипріева. Роза Грацій или собраніе стихотвореній для прекраснаго пола. **СМѢСЬ.** Справный законъ: Сдача Амстердама. Изъ письма въ Москву къ Н. Н. **НОВОСТИ. НОТЫ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 2 Февраля 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ЕГЕРЬ ШАМУНСКОЙ ДОЛИНЫ.

(П О В Ъ С Т Ъ.)

(Окончаніе.)

„Повѣрь мнѣ, говорила жена Бальмы своему мужу:“ съ нашимъ Викпоромъ случилось что нибудь необыкновенное. Съ пѣхъ поръ, какъ онъ провожалъ иноспранцевъ чрезъ горы до Маршини, онъ совсѣмъ перемѣнился, одичалъ; онъ чего бы эпо? . . — „Вздоръ, прервалъ шарикъ, — онъ всегда былъ мечтателемъ, всегда любилъ задумываться и бродить одинъ одиныхонекъ; къ тому жъ и Маріанна врьзалась ему въ сердце и въ голову! . . „Да, ты бы могла съ нимъ обходиться ласковѣ!“ — продолжала мать, обращаясь къ Маріаннѣ, — а то всегда, подходилъ ли онъ къ тебѣ съ дружеской привѣпливостію, — просилъ ли тебя танцевашь съ собою на нашихъ праздникахъ, или приносилъ тебѣ въ подарокъ спраусовыхъ перьевъ, — ты всегда принимала его насмѣшливо и гордо. Не забудь, Маріанна, дни

несчастливаго юноши оспанулся на душѣ твоей!—, Въ силахъ ли я перемѣнить его мапушка?— отвѣчала Маріанна.—, И въ силахъ ли перемѣниться сама?— подхвативъ женихъ ея Колась! Спиранный человекъ эпошъ Викторъ! хочешь невозможнаго; — но пусть себѣ поспеетъ, не будетъ Маріанны здѣсь—и онъ спанетъ спокойнѣе.—, Жаль бѣдняка, говорила со вздохомъ мать,—онъ такой доброй:—, И такой удивительной человекъ, прервалъ Колась. Я его видѣлъ прешьяго дня, — едва мы вошли съ Графомъ и Графинею на мостъ, чпо надъ водопадомъ,—показался и онъ со споронны Форклау (*). Онъ споялъ съ какимъ-шо черно-желтымъ, отвращительной наружности, человекомъ,—жарко говорили они о чемъ то:—казалось, о зеленой сумкѣ, которая была въ рукахъ послѣдняго.—, Не та ли эпо сумка, подхватила Маріанна: надъ копорою просидѣлъ онъ вчера цѣлый день?—, Какая надобность ему брать ее съ собою въ горы, возразилъ шарикъ? Эту сумку я уже давно знаю. Опець Виктора цѣнилъ ее очень дорого, и когда смерть приближалась къ нему, онъ завѣщалъ ее сыну—какъ единственнае, неоцѣненное наследіе. Можетъ быть тамъ есть важныя бумаги и письма;—полько она очень легка, я держалъ ее нѣсколько разъ въ рукахъ, она хранилась у меня для Виктора, до двадцати-

(*) Форклау, южная оплогоспъ горы Коль де Бальма.

дѣтняго его возраста. Такъ завѣщаль мнѣ о ецѣ его.—„Удивительно! подхватила жена Бальмы: прѣшьяго дня едва пришелъ Викпоръ домой, немедленно бросился въ свою каморку, и оспавался шамъ, пока я не позвала его ужинашь. Я заспала его въ задумчивосіи, — надъ раскрытою сумкою . . . и еще вчера, когда входила я къ нему, чпобы подарить его въ день рожденія, подсмопрѣла, какъ онъ облокпясь на споль, задумчиво глядѣлъ на разбросанныя передъ нимъ бумаги; — разноцвѣшныя, — золотыя буквы печати — песпрѣли въ моихъ глазахъ, временемъ, тусклые взоры его вспыхивали, какъ порохъ, лице горѣло, будто пламя.—Я вамъ сей часъ же сказала, вы сами видѣли, сами удивлялись ему, когда онъ сошелъ къ намъ, — и въ ту жъ мину, бросился въ горы; поздно ночью пришелъ онъ назадъ; — а сегодня опяшь, едва спало брезжипься — его уже не было.—„Что же далѣе — сказалъ, усмѣхнувшись, Бальма: — можешъ бышь, онъ узналъ тайну свою, копорая скрывалась въ этой непоняшней сумкѣ. Я увѣренъ, чпо ошець его былъ не то, чѣмъ онъ казался: въ его обращеніи, во всѣхъ его пошункахъ проглядывало чпо-то благородное, видъ и дѣла, невольню привлекали къ нему почшеніе, онъ казался каждому выше своего состоянія! . . Въ Саленхе, онъ называль себя купцомъ изъ Байоны; мало вѣрили ему, по

по крайней мѣрѣ вѣроятно было одно въ этомъ непоспимомъ чловѣкѣ, что онъ Испанецъ: его выговоръ, обращеніе, нравъ, словомъ все, утвердили меня въ этой догадкѣ... Не научилъ ли онъ и Виктора отечественному языку? я думаю такъ!—Путешественники были по же Испанцы; кто знаетъ, что они говорили съ нимъ? — Мнѣ нисколько не удивительно, что онъ сегодня ушелъ такъ рано, уже четверо сутокъ сряду онъ бродилъ за сернами: „Она! . . ужь не волшебная ли это книга, продолжала жена Бальмы: печатныя буквы, показались мнѣ такими ужасными! . Старикъ захохоталъ,—но вынужденъ былъ дать слово, искалъ Виктора въ долине и въ горахъ, около опасныхъ ледниковъ.— И во что бы ни стало, привесни его съ собою . . .

Напрасно! онъ не нашелъ его! Въ противоположной сторонѣ долины блуждалъ Викторъ,—печально глядѣлъ онъ на знакомыя хижины, долго и тщетно искалъ онъ дороги къ нимъ! — Съ утесистой скалы, — и подъ тѣнью наклоненнаго надъ нимъ гранита — рѣшился повесни еще одну ночь! — Съдыя шуманы одѣли вершины горъ, — синѣющая даль утонула въ росистой мглѣ вечера, индѣ, какъ могильныя привидѣнія, блѣли въ сумракѣ снѣжныя пирамиды ледниковъ,—долина у ногъ его подернулась мракомъ, — вездѣ цар-

спивовало торжественное молчаніе,—ни одного человѣческаго голоса не было слышно, — изрѣдка . . . томный грохотъ каплящихся въ бездны камней,—или, какъ духъ . . . промчавшаяся лавина . . . пробуждали звонкое эхо, и нѣмыя пещеры перекаливались съ лѣсами.. Душа печальнаго юноши помилась . . . чувства его, какъ первобытный хаосъ, изъ ничего . . . образовывали . . . новый, ему полько вѣдомый міръ! — Онъ открылъ зеленую сумку — и пожиралъ глазами все, что тамъ было!—Уже понималъ онъ свою гадапельную поску о чемъ-то неизвѣстномъ:—взоры его обнажили досаду души, все стало ясно, тайна уничтожилась . . . онъ узналъ въ самомъ себѣ попомка вельможи Иенанія, Графа Ленкосъ, узналъ, что Графъ Эспландіапоръ . . . смертельный врагъ его фамиліи, что нѣкогда рука обиженнаго отца его, пронзила сердце Эспландіапора, что кровавая месья, опная у него все, гнала изъ края въ край, съ злополучнымъ сыномъ —младенцемъ, что виновникъ его быпія, невинный и подъ ужаснымъ типломъ убійцы, какъ пѣнь скипался всюду, опрекся всего—и въ тихой долине Шамуни, въ униженной долѣ и ранней могилѣ, нашелъ надежный пріютъ ошъ ненасыпной злобы враговъ своихъ.—Сердце пылакаго Виктора, казалось, хотѣло разорваться, кровь обратилась въ пламя! . . . „Помни

имя Эциландіапора!“ . . . Вопшь что значили послѣднія слова удивительнаго незнакомца! . . . Не сынъ ли это убившаго моимъ опцемъ! Угадалъ ли онъ, что сынъ убійцы-мшисшеля . . . его отца . . . провожалъ его опъ бездны къ безднѣ:—что бѣдное рубище горнаго стрѣлка прикрывало безызвѣснаго попомка, несчастнаго поколѣнія Ленкосъ?

Но кто эпомъ непоспижимый Докпоръ, опъ кажется мнѣ въ связи съ духами? . . . Чшо еще знаешъ онъ обо мнѣ, опъ кого, или опкуда? . . . Гдѣ взялъ онъ эпомъ ключъ, кошорый опворилъ мнѣ безъ него на вѣкъ бы погребенныя тайны! . . . Сомнѣнія, догадки — умножали муки мечпапеля-юноши; — о, за чѣмъ я поперялъ эпомъ день, за чѣмъ я не былъ въ Марпини!—тамъ бы все, все обнаружилось! Правда, непоняпный Докпоръ обѣщаль опяпъ увидѣпсья со мною — но сдержипъ ли онъ слово?—Захочетъ ли онъ вывести меня изъ темной бездны незнанія? — Если бъ онъ былъ здѣсь! Если бы щеперь былъ первый день нашей встрѣчи,—хощя бы скорое ушро . . . но едва наступила ночь . . . гдѣ найду его опяпъ? . . . Голова его опустилась на мшиспный камень,—взоры опонули въ глубинѣ омраченной долины, голубовапный пламень шихо мерцаль въ шуманной дали,—шю переливался, шю изчезаль, шю снова сверкаль яснѣе и ближе . . . кака-шо черная

пѣнь ошсвѣчивалась въ лучахъ его—это былъ образъ человѣка.... „Не духъ ли пустынныхъ горъ приходитъ нарушить мирный сонъ долины?“—думалъ Викторъ... ужасъ омрачалъ его взоры и замораживалъ кипящую кровь... нѣтъ . . . это образъ Доктора. Явственно видишь онъ . . . по шюишь, по мелькаешь съ мѣста на мѣсто . слышенъ его голосъ. Какъ будто онъ заклинаешь . . . . . онъ сморришь на него и слухъ Викторъ пожираешь ужасные звуки его говора: „ я знаю, кто опдыхаетъ шамъ на вершинѣ скалы, кто спонешъ! . . Я знаю, это вы, Графъ Ленкосъ?

Холодный потъ облилъ члены юноши... Какъ могъ голосъ обыкновеннаго человѣка достигнуть до ушей его! . . Докторъ обратился снова къ пламени, —и вмѣстѣ съ нимъ поворачивался шуда и сюда; — зеленое пламя ошсвѣчивалось на ужасномъ лицѣ его . . и пылало въ рукъ. „Я иду! я иду!“ кричалъ онъ . . . и съ боязливомъ изумленіемъ, сморрѣлъ Викторъ, какъ онъ скоро взбирался къ нему, съ камня на камень, съ утеса на утешъ, . . . и вошь—свѣтя ему прямо въ глаза . . . спюалъ онъ уже близко и хрипло просилъ его: „помогите мнѣ, дайте мнѣ руку“ . . Викторъ препеналъ, холодный ужасъ поглотилъ его чувства, онъ не могъ поднять руки.—Горячая мысль свергнушь его снова въ глубокую бездну . . . или убійственнымъ выстрѣломъ

или сильнымъ ударомъ тяжелаго камня, какъ молнія блеснула въ умъ его,—но въ шонгъ же мигъ—непонятный уже спюлялъ передъ нимъ. Пламя было ни что иное, какъ обыкновенная лампада, онъ обвелъ ею кругомъ—и все-ло смѣясь, пожималъ руку Виктора . . . .

„Прекрасный ночлеги для Графа Ленкосъ? Вы не могли сыскать лучшаго . . . Видите ли, что я васъ знаю? — „О если бы и я могъ узнать васъ скорѣе! . . —„Еще узнаете, еще придетъ ваше время—все узнаете — продолжалъ черный, спановя у ногъ лампаду.—„Но скажите, какъ вы здѣсь?“ . . спросилъ Викторъ . . . какъ нашли вы сюда дорогу, среди глубокой ночи, когда и серна здѣсь еще никогда не прокладывала ноги своей! . . . Не злой ли духъ вы? удалитесь! . . . Докторъ хохоталъ!.—„Эпо шушки! Добрый духъ, добрый духъ! Вы мнѣ кажешесь не въ своемъ умѣ! . . Сколько здѣсь пайныхъ душей, смотрише, дорога идетъ прямо черезъ разсѣлину.—При свѣтѣ лампы, Викторъ точно уви-дѣлъ пропину, копорой онъ напрасно искалъ въ шемношѣ . . „Не правда ли, что мой ключъ очень вамъ пригодился?“ продолжалъ Докторъ. Да! да! я имѣю всякаго рода ключи! . . . Не правда ли, что въ сумкѣ были удивительныя, прекрасныя вещи? . . Какъ называешесь врагъ Графа Ленкосъ?“—„Эспландіаноръ!“—вскрикнулъ изсшупленный юноша — эхо опозвалось . . .

непуганная сова съ крикомъ промчалась надъ нимъ въ глубину долины . . . и помный опголосокъ повторялъ ея дикіе споны! . . . Лампада упала, и дребезжа, покапилась въ темную пропасть.—Невриonicaемая ночь покрывла взоры двухъ спранниковъ, Викпоръ онъмѣль, что-то дикое и ужасное ворчалъ про себя Докпоръ—спуспя минушу—онъ началъ: „не бойся, пугливый ребенокъ, это обыкновенный случай, можетъ быть, искаженный своимъ робкимъ воображеніемъ! . . . Забудь все, думай объ одномъ Эспландіапорѣ. Но ты хорошо это помнишь, ты наследовалъ опща твоего опсрую память, онъ во всю жизнь не могъ забыть гнуснаго имени Эспландіапора. „Я не оппущу васъ!“ прервалъ Викпоръ, пока вы мнѣ не скажете, почему вы знали опща моего? „пока не скажете: — „эпотъ Эспландіапоръ, не сынъ ли того Графа, которому вашъ опецъ размозжилъ черепъ?“ подхватилъ Докпоръ: „Вашъ опецъ былъ другъ мнѣ.“ Это не возможно, вскричалъ Викпоръ.— „Но . . . прервалъ его черный, я споялъ подлѣ него, когда онъ спрѣлялъ. Превосходный выспрѣль, ни одного въ жизни онъ не сдѣлалъ такъ удачно. „Но опкуда вы узнали, возразилъ Викпоръ, что мой родишель пашелъ здѣсь убѣжище, что я сынъ его? . — „О! я много, очень много знаю, не я ли былъ его помощ-

никъ, его таинственный навѣспишель въ глухія ночи, когда измѣнялъ ему опрадный сонъ:—я забавлялъ его рассказами о мерцвездѣ Эспландіапорѣ, напоминалъ ему поле его смерти;—величественную картину ненавистнаго врага, упоающаго въ крови своей! . . . „Замолчите, замолчите! это раздраетъ мою душу!“ говорилъ Викпоръ.—„Глупость!“ со смѣхомъ отвѣчалъ Докпоръ: „никшо къ вамъ не расположенъ такъ хорошо, какъ я! „Напрорпивъ, мнѣ кажется, вамъ нѣтъ ничего милаго, священнаго, возразилъ Викпоръ:“ скажите, что за пламя сіяло вокругъ васъ, шамъ въ долинь? . . . „Тамъ хранятся богатые клады?“ отвѣчалъ Докпоръ: не уже ли вы этого не знали? . . . что значить голубое пламя? Авейронъ родинъ золото, всѣ эти горы имъ богаты! Я думаю, что глупые пастухи Альповъ, этого доселѣ не изыскивали. Тамъ, погребены навѣкъ ваши сокровища? . . . Онъ замолчалъ на мигъ, и снова съ таинственнымъ видомъ, какъ бы опасаясь, чтобы кто не подслушалъ, продолжалъ:“ — если бы мнѣ еще красный хрусталь! . . . Посмотрите сюда, онъ пропянулъ лѣвую руку—и изумленный Викпоръ, увидѣлъ сіяніе разноцвѣснаго перстня, даже опсвѣчивалась и рука. „Вотъ стихійный перстень, онъ помогаетъ мнѣ скрывать клады! Четыре стихіи образуютъ природу—четыре драгоценныхъ камня стоятъ цѣны міра,

я бы желалъ, чѣобы въ мои дни смерпные проникли пайну чепырехъ спихій, чепырехъ камней! . . . Зеленый смарагдъ, знаменуетъ землю и красому ея, голубый сафиръ, опливаешел цвѣшомъ невѣрной спихии моря; какъ свѣшелъ эфиръ, шакъ свѣшелъ неощенный діаманшъ . . . красный рубинъ, означаетъ огонь,—огонь главнѣшшая и благороднѣшшая стихія! . . . Огонь воспламеняешъ жизнь, огонь образовалъ міръ сей! . . . человекъ и дышешъ и наслаждается огнемъ—въ немъ все необходимое, все полезное! Три вещи управляютъ самовластно свѣшомъ! Монепа, мечъ и корона—все изходишъ въ своемъ блескѣ изъ огня! И человекъ, ничего безъ огня, онъ горитъ огнемъ спрасшей, разудокъ пылаешъ и свѣшишъ ему въ жизни какъ солнце, сердце его, какъ зной! . . . „Говорите мнѣ о томъ, что касается до меня, сказалъ Викпоръ . . . есть ли еще кто либо изъ моей фамиліи въ Испаніи? Кто они, какова жизнь ихъ?—Докпоръ покачалъ головою: худобѣдшвенно! . . . Ваши богатшсшва разхишили руки жадныхъ . . . Эспландіапоръ захватилъ болѣе всѣхъ! Нѣшъ ничего! . . . Но явишесь со мной въ Испанію . . . “ Чшо въ ней, когда шамъ ничего не существуетъ для меня? . . . „Все возвращишъ, побѣдишъ враговъ, Эспландіапоръ владѣешъ вашимъ, опнимите у него свое и его собственное, шакъ поступи-

пають въ больномъ свѣтѣ, и вы будете богаты! „Вы, изступленный человекъ, вскричалъ Викторъ, Графъ вашъ властелинъ и вы? — „Властелинъ!“ захохоталъ Докторъ: „мой властелинъ! Надо мной нѣтъ властелина въ мѣрѣ . . . Бѣдный Графъ, гдѣ бы онъ былъ, если бы я не помогъ ему? . . . Его прекрасная супруга была бы монахиней! . . . Подумайте, что значить, присвоить себѣ, какъ жертву, милую овечку, обрученную небу! и жизни бы святошаща и ста жизни его, если бы онъ имѣлъ ихъ, недовольно было бы насытить неумолимыхъ судей, но они его не нашли: я скрылъ его, я берегу его, какъ мою жертву:—одно маніе моей руки и онъ исчезнетъ съ лица земли, какъ пѣнь. Со мной, со мной въ Испанію—вы будете тамъ Министромъ! . . . „Глупо и думать объ этомъ — возразилъ Викторъ, какое разстояніе отъ ничтожнаго серолова до Министра!— „Ого! возразилъ, усмѣхаясь, Докторъ, развѣ не достаетъ вамъ знаменитой фамиліи Графа Ленкось, не такъ ли вы рождены для званія Министра, какъ Принцъ для пипла Короля? И не значить ли это, опасаться пѣмъ же ловчимъ! . . . Ловля сернь, ловля людей; одно и то же! Вамъ надо знать, что охопа за людьми гораздо выгоднѣе!—Дружекъ! ты будешь Министромъ! Тогда все падетъ къ стопамъ твоимъ, а за то ручаюсь, а твой по-

мощники! . . .“ Послушайте: сказалъ Викторъ, вы мнѣ кажешесь тѣмъ, кто нѣкогда возвелъ на скалу Спасителя и указывая прелести міра, искушалъ его . . . все дамъ тебѣ, пади передо мною и поклонися мнѣ, но вмѣстѣ съ нимъ, я оппрекаюсь! . . . Изчезни, искушитель! — Докторъ низко поклонился и примолвилъ: — „навсегда вашъ поклонный!“

Солнце взошло, Викторъ очнулся опъ пылаго сна;—полунощная бесѣда съ неизъяснимымъ Докипоромъ, все, что было вчера, казалось ему сновидѣніемъ! . .

„Объ одвомъ прошу тебя, милая Маріанна, говорилъ Викторъ, провожай ее изъ долины въ горы, однимъ полько не терзай моего сердца! Знаю, я не милъ для тебя,—но что сдѣлалъ я тебѣ?.. часто, будто ядовитое остріе, вонзаешь ты въ грудь мою,—когда дружески пожимаешь его руку,—когда ваши взоры, полные нѣгою спраши, вспірѣчаючися, когда онъ сжимаетъ тебя въ своихъ объятіяхъ. За чѣмъ ты радуешься . . . въ моемъ присутствіи! Не отправляй болѣе моей души—моей жизни! Еще вчера, проспаясь съ шобою, какъ язвительно улыбнулся онъ, какъ ужасны были слова его: — мы вспірѣшимся гдѣнибудь съ шобою на охотѣ! Это былъ явный вызовъ,—

Для тебя одной я крошечку выслушалъ его — но забыть этого я не властенъ! — И наконецъ, прервала Маріанна, должна ли я ненавидѣть Коласа за то, что онъ тебѣ прошивенъ! Что онъ сдѣлалъ тебѣ?—прежде вы были друзьями; мое къ нему расположеніе, вопль вся вина его! Ахъ! Викторъ, зависть твоя ужасна! Могу ли вѣрить, что ты любишь меня, когда ищешь моихъ слезъ—ищешь погибели моего друга? Коласъ знаетъ, что ты его не шепишь, онъ помнитъ твои угрозы, подсперечь его на охотѣ:—онъ не спрашится угрозъ твоихъ! . . . „И я такъ же!“ прервалъ Викторъ. — „Но ты долженъ перемѣниться, продолжала Маріанна. Не уже ли ты хочешь вооружить всѣхъ противъ себя:— что спалось съ тобою?—дня чешыре уже, ты наспоящій дикарь; — такъ превожень, такъ ужасенъ видъ твой, — Викторъ! Викторъ! . . . взгляни на меня. Онъ не могъ снести свѣтлаго взора непорочности! „Я не мыслю зла, я не мыслю добра, — я ничего не могу мыслить!“ проговорилъ юноша. „Все погибло невозвратно! . . . Куда мнѣ скрыться? Проговаривали о твоей свашьбѣ! Коласъ покупаетъ домъ вошчима и его виноградники, я долженъ ихъ оставить! . . . Да, Маріанна! прости! . . . Испуганная дѣвица схватила его за руку . . . „Что, Викторъ? Но не теперь, но не на этомъ мѣстѣ?“ Теперь, или когда нибудь,

опвѣчалъ онъ—все равно, здѣсь говорю я тебѣ . . . прости, прости, милая, обожаемая Маріанна! . . . Мгновенно обвинялъ онъ ее руки вокругъ своего стана, прижалъ ее къ груди и, рыдая, осыпалъ уста ея кипящими поцѣлуйми . . . она прошивилась — умоляла, онъ оставилъ ее, прости, прости на вѣки — прошепталъ онъ и помчался, какъ вихорь въ горы.

Съ разшерзанною душою бѣжалъ онъ далѣе и далѣе; съ дикою горестію озирался назадъ; памъ покидалъ онъ все милое, все неоцѣненное сердцу . . . грудь задыхалась онъ вздохомъ, напрасно спиралъ онъ съ лица обильныя слезы:—пламениѣ, сильнѣе выступали онъ снова! . . . густой шуманъ ушра подернулъ непроницаемой завѣсой вершины скаль, индѣ проглядывали чернѣющіеся ушесы, индѣ, сквозь раздранныя, облака улыбалось небо и заронившійся во мглу ихъ лучъ свѣта, золотилъ гористыя ихъ края. Мрачна, какъ природа, была душа юноши, онъ взошелъ на гору, онъ споялъ на шомъ мѣснѣ, гдѣ прекрасная Графиня лежала на рукахъ его, имена: Ленкосъ и Эспландіаноръ . . . сполкнулись въ сердцѣ его, какъ оспрые кинжалы враждующихъ на смертномъ поединкѣ! голова его склонилась, поджавъ руки, погруженный въ мрачныя думы, щель онъ далѣе, шель выше и выше . . . Уже шуманъ, покрывавшій долину, волновался у ногъ его,—уже чистое

небо ближе сіяло надъ его головою, пишицы ледниковъ горѣли радужными огнями восходящаго солнца. Викторъ какъ будто пробудился, тяжело вздохнулъ онъ—и сморгнулъ на небо: „тамъ думалъ онъ:—тамъ все найду я, что потеряно въ жизни, но скоро ли? Тутъ повернулъ онъ вправо, и по утѣсненнымъ камнямъ пробирался оспорожно въ необозримую цѣпь горъ! . . . Уже онъ былъ далеко, уже безплодные утѣсы, поражали его взоры, ни одно дерево, ни одна травка, не прельщали его взоромъ,—могильное молчаніе царствовало вокругъ его, изрѣдка, шумъ скользящихъ въ бездны камней, или грохотъ прокатившейся лавины, нарушали тишину мертвою природы;—сѣдыя вершины Альповъ, какъ гробовыя пѣни, упирались въ небо, дорога исчезла,—ни одного слѣда человѣческой ноги; ни одного признака жизни, но, охладѣлый къ жизни Викторъ, непрепешно, безъ цѣли, безъ мыслей, прошапывалъ цушь далѣе и далѣе. На каждомъ шагу, грозила ему смерть, бездны чернѣли подъ его ногами, — съ камня на камень, съ утѣса на утѣсь, перепрыгивалъ привычный къ ужасамъ ловчій;—но вошь пропась, пресѣкла дорогу, на прошивной споронѣ чернѣлъ огромный утѣсь,—оспрые камни высывались изъ хребта его;—онъ равнодушно измѣряетъ глазами разспояніе:—кипитъ душою, бросаешя—и счастливо охватя

руками одинъ изъ камней, виситъ, отдыхая, и какъ змѣй, вскалзываетъ на вершину неприступнаго утеса! Вдругъ обрадованные взоры его открываютъ вдали серну—она кружитъ между камней, онъ преслѣдуетъ ее взорами:—спрѣлаетъ и первый разъ въ жизни мимо . . . пуля ошкочила отъ холоднаго камня—серна исчезла! . . . „Никогда со мной этого не случилось!“ вскричалъ раздосадованный Викторъ,—правда, счастье меня навсегда оставило! Снова зарядилъ онъ ружье,—пуля скапцалась въ дуло, ударилъ шомполъ, и—сумка съ патронами, какъ будто къмъ вырванная изъ рукъ, покапцалась въ бездну! Гореснъ разорвала сердце Викторъ.—Что это?“ говорилъ онъ, бѣды меня ошпили, печаль усыновила!—Оставался одинъ зарядъ въ ружьѣ; что мнѣ съ нимъ, думалъ онъ, иду ошыскивать серну, она вѣрно тамъ . . . гдѣ видны двѣ сросшїяся скалы; можетъ бытъ найду ихъ больше: однимъ выспрѣломъ положу двухъ,—и труды и опасности вознаграждїся!—наконецъ достигъ онъ вершины ледника, отдыляющаго Савойю отъ Валлиса, онъ спунилъ за предѣлы послѣдняго, — и въ жару своихъ поисковъ не обдумывалъ опасности своего поступка: онъ шелъ все далѣе и вдругъ глухой шорохъ влечаетъ въ слухъ его . . . Викторъ дрожитъ отъ испернїя, и вошь,—медленно и важно . . . высшунаетъ къ нему изъ раз-

сѣлины каменный баранъ, (Steinbock.) Сердце запрыгало въ груди Виктора, — гремишь выстрѣлъ . . . и шохъ лежитъ мерпвѣй! Никпо, кромѣ звѣролова Альпійскаго, — не можешь оцѣнить, не можешь понять восторга Виктора! . . . Это неоцѣненная, это первая награда стрѣлковъ! Викторъ полетѣлъ къ нему, любовался и теперь понималъ причину его медленной походки, — онъ былъ уже подстрѣленъ, задняя лѣвая нога была раздроблена! . . . Все равно! подумалъ онъ, теперь онъ мой! связавъ ему ноги, перекинулъ онъ его черезъ плечо, и съ тяжелою ношей, спѣшилъ удалиться, спѣшилъ скорѣе достигнуть границъ Савойскихъ, опасаясь Валлискихъ стрѣлковъ, копорые бы не дешево уступили ему добычу. — Онъ не смѣлъ возвращаться чрезъ ледникъ прямо. Съ четверть часа, назадъ, тамъ видны были слѣды охотниковъ, онъ спустился немного внизъ, — и къ неописанной радости, увидѣлъ развившуюся передъ нимъ лощину, по скату оной, зеленѣлъ сосновой лѣсокъ: и Викторъ могъ безопасно въ тѣни его, обратиться непримѣтно на Коль де Бальме. Онъ рѣшился идти этою дорогой. Утесъ, на которомъ онъ находился, склонялся внизъ косогоромъ, по которому легко было спуститься. Съ противоположнаго края разсѣлины, въ срединѣ копорой журчалъ свѣшлый ручей, виднѣлась доли-

на, разбросанныя деревья, сгущаясь далѣе, образовывали прохладный лѣсокъ,—Викторъ не долго думалъ, привязалъ свою добычу къ охотничьей сумкѣ, спустилъ ее оспорожно съ утеса, вслѣдъ за тѣмъ спустился и самъ. Уже хотѣлъ онъ съ своею ношей перейти ручей, какъ вдругъ услышалъ голоса, звавшіе его сверху, онъ оглянулся, и на скалѣ, съ которой онъ едва успѣлъ сойти, увидѣлъ двухъ Валлискихъ охотниковъ: они кричали ему, чшобы онъ оставилъ звѣря.—Быстро бросился Викторъ впередъ! . . . „Оставь его, или я застрѣлю тебя! кричалъ одинъ изъ охотниковъ . . . Викторъ кинулся въ ручей, волны сшиблись надъ его головою, загремѣлъ выстрѣлъ и пуля просвистала мимо плечь его! Онъ оборотился, грозя имъ рукою,—другой охотникъ приложился, до противоположнаго берега было еще порядочное разстояніе. — Викторъ былъ одинъ... насъ онъ руки убійцы, изплѣпъ безъ гроба, казалось ему ужасно! Онъ не долго думалъ, бросилъ свою добычу, и медленно удалился.... Слезы оскорбленной гордости, выступили на глазахъ его! Онъ пробѣжалъ долину, быстро взошелъ на вершину утеса. и укрылся за его высотами. Охотники сошли внизъ, казалось, въ одномъ изъ нихъ Викторъ видѣлъ своего ненавистнаго соперника Коласа, и дикій восторгъ объялъ его душу, когда съ приближе-

нѣмъ ихъ, онъ удосповѣрилъ въ своей догадкѣ. Другаго онъ не могъ долго разпознать, но наконецъ, по зеленой охотничьей курткѣ, по блѣдному лицу, по вѣтмъ примѣтамъ, онъ узналъ Графа Эспландіанора! Два непримиримыхъ врага, въ такомъ общояшельствѣ, — что могло болѣе раздражить его!—Онъ слышалъ ихъ хохотъ, онъ видѣлъ, какъ они уносили его добычу, злобно надъ нимъ издѣваясь! Нѣтъ, это такъ не кончится! . сказалъ онъ, и повпорилъ ужасную кляшву мести!—Едва они скрылись, Викторъ опять сбѣжалъ въ долину; переплылъ ручей, вихремъ, какъ ловець за серною—взлетѣлъ на противоположную скалу, и снова увидѣлъ Графа съ Коласомъ. Они далѣе и далѣе углублялись въ громады Альновъ. Солнце уже склонилось къ западу;—„домой, подумалъ Викторъ, они не успѣютъ возвратиться, и вѣроятно проведутъ ночь, въ какой нибудь охотничьей хижинѣ.— Тайно и непримѣтно крался за ними Викторъ; и тамъ, гдѣ ручей, капилъ среди сосноваго лѣса, въ уединенныхъ громадахъ Альновъ, они остановились у паслушескаго шалаша, вошли въ него;—терпѣливо ожидалъ Викторъ ихъ возвращенія. Онъ видѣлъ ихъ вышедшихъ безъ ружей, медленно прохаживающихся по лугу,—снова скрывшихся въ шалашъ, и удосповѣрилъ въ своей догадкѣ, что здѣсь они будутъ имѣть ночлегъ. Мысленно измѣряя

время для перехода отселъ въ домъ и обрат-
но, онъ нашелъ, что въ самую полночь онъ
заспанешъ ихъ въ глубокомъ снѣ, что ус-
пѣешъ совершишь ужасное дѣло!—прекрасное
справедливое дѣло, шакъ нашепшывалъ ему
неистовый голосъ бѣшенствующей мести!
Угасающее солнце золопило снѣжныя верши-
ны неприступныхъ скалъ, ночныя тѣни бро-
доли по долинь, вся природа предавалась слад-
кому покою, но кровожадное мщеніе бодрс-
твовало, оно окрыляло быспрыя ноги пыл-
каго юноши въ непроходимой пуспынѣ,
оно укрѣпляло заранѣ его руку, освѣжало—
изсохшій опъ усалоссти языкъ, какъ бы хо-
лодною струею свѣшлаго испочника,—изос-
прыало взоръ его, въ непроницаемой пемно-
тѣ,—пробуждало умирающую надежду! . . . еще
успѣю и шамъ и шамъ . . . думалъ кипящій
мспишель, и дешѣлъ какъ пуля ружья его! .
уже доспигаетъ онъ послѣдней опрасли горь,
но какъ далеко еще до дому . . . какъ дологъ,
какъ шрудень и опасень пупъ обратный, но
они осмѣяли меня, они вырвали у меня мою
добычу, искали моей смерши! . . . Нѣшъ,
вѣшъ! это не можешъ шакъ кончипсья! Я
накажу шебя злой Колась! — Погоди, Графъ
Эспландіапоръ! Твой дьяволъ—Докшоръ гово-
рилъ, одно мановеніе руки его и ты погиф-
нешъ, но прежде моя рука испребитъ шебя,
ненависпный. Прекрасный обычай фамиліи

Ленкость, умерщвляютъ Эспландіапоровъ! Надо уважать его! О, если бы я всхрипнулъ Доктора, волшебникъ бы перенесъ меня въ мою комнату, гдѣ такъ много лежатъ празднаго пороха и свинцу! О, если бы хотя одинъ зарядъ былъ со мною!

„Посмотрите, что я нашелъ!“ вдругъ поразилъ его, знакомый, ужасный голосъ, Викторъ, какъ пруть, охолодѣлъ. Докторъ стоялъ передъ нимъ, и одной рукою показывалъ ему сумку съ папиронами. Посмотрите, это необходимая вещь для каждаго охотника, а я не охотникъ, но вы отличный стрѣлокъ, вамъ нужно, возьмите себѣ. Но откуда вы теперь, вы такъ безпокойны; шоропливы, куда? . . . „Изъ ада въ шарпартъ, съ вами или безъ васъ!“ вскричалъ Викторъ въ неистовомъ безпамятствѣ, съ жадностью вырвалъ изъ рукъ его порохъ и свинецъ и препепалъ въ дикомъ испугѣ. „Помилуйте! . . . Какія слова, что съ вами сдѣлалось, кто пронулъ васъ, или неудача на охотѣ? „Неудача! Промажь, проклятый промахъ!“ кричалъ бѣснующійся Викторъ, но теперь его не будетъ, клянусь не будетъ! Онъ успремился назадъ, какъ тѣнь, въ слѣдъ за нимъ Докторъ, ужасный видъ его, быстрые неимовѣрные шаги, которыми онъ преслѣдовалъ ожесточеннаго юношу, его непонятныя грозныя слова, пипали неукротимую ярость души Виктора, среб-

рисный свѣтъ луны, озарялъ лѣса, долины, грозныя скалы и снѣжныя вершины неприступныхъ Альповъ; шиха и безмолвна была вся природа, и крошкое спокойствіе, какое-то умиленіе, прошьсались въ грудь юноши, но, какъ злой духъ, кровавый взоръ Доктора, спорожилъ его душу ошъ жалости;—гонясь за нимъ, ужасно повпорялъ онъ: „Графъ Ленкосъ! Графъ Эспландіапоръ! и огненный ядъ, изливался на раны расшерзаннаго сердца Виктора. Вопъ доспигъ онъ своей цѣли, видишь пошъ шалашъ, гдѣ оспавиль онъ ненавистныхъ враговъ . . . Счастіе! „думалъ онъ, пуля миновала мой черепъ, но если бы нѣшъ, окровавленный шрупъ мой лежалъ бы шеперь въ источникъ, прошли бы дни, прошли ночи, и онъ изплѣлъ бы непогребенный! . . О, Коласъ! Твой убійственный свинець миновалъ меня, шакъ ли измѣнишь мнѣ мой глазъ и моя пуля? Посмотримъ! Онъ оглянулся, Доктора уже не было. Съ шрепетомъ зарядилъ онъ ружье, рука его билась о шволь, когда онъ сыпалъ порохъ на полку, но пламенное чувство мести, заглушало голосъ крошккой жалости, окрестность молчала, какъ шихая могила, и Викторъ споялъ уже передъ шалашемъ! При свѣшѣ луны, увидѣлъ ихъ онъ: въ углу, передъ пошухающими угольями лежали оба рядомъ, одна пуля пронзила бы сердца обоихъ, онъ вспомнилъ, какъ мечшалъ

онъ, однимъ выстрѣломъ убить двухъ сернь, онъ вспомнилъ, что тогда ужасная мысль смертоубійства, не искушала души его, тогда и весь міръ былъ для него прекраснѣе; но, „подумалъ онъ:“ одинъ напискъ перста, и когда они въ судорожныхъ движеніяхъ смерти, будуще обливаясь своею кровію, не буду ли я сожалѣть объ этой минутѣ? Они спятъ спокойно! Они могутъ спать спокойно, ихъ руки не осквернены убійствомъ, но я . . . я не знаю промаха, я не усну во вѣки съ миромъ въ душѣ! Умертвить человѣка, умертвить предательски, умертвить двухъ, окованныхъ мертвымъ сномъ! Тяжелый грѣхъ намѣренія: убить! оплучилъ ихъ отъ Неба, погубилъ ихъ неочищенныхъ раскаяніемъ! ихъ души погибли, а моя? . . . Какъ привидѣніе, явился Докшоръ, „Графъ Эспландіаноръ, тамъ? спросилъ онъ. Да, да! онъ тамъ. Я разбужу его!“ вскричалъ испуганный Викшоръ и быспро отбросилъ двери . . . полумертвые отъ страха, вскочили проснушіеся и передъ ними, какъ ангелъ мститель, стоялъ уже узнавній ими грозный юноша! „Что ты, Викшоръ?“ воскликнулъ шрепещущій Коласъ и схватилъ ружье! Ославъ его, подхватилъ Викшоръ, презрительно. Не испугаешь, оно пусто, послѣдняя пуля твоя пролетѣла мимо моей головы. Чего не могъ я сдѣлать съ вами, слабодушные совлывцы. Мщеніе бодр-

пшовало, однимъ выстрѣломъ поразилъ бы я васъ обоихъ, вы хотѣли моей смерти, но напрасно, ваша жизнь была въ моихъ рукахъ! Тотъ небесный хранитель, который опвелъ роковой свинецъ отъ моего черепа, тотъ погасилъ во мнѣ жажду мщенія! Благодарю его! Я не убійца! подражайте мнѣ!“—Графъ безмольвно глядѣлъ на него, Колась не могъ проповинься влеченію сердца, онъ удивлялся его благородному великодушію, и со слезами раскаянія, упалъ къ нему на шею . . .

„Ужасно, поспыдно, поспунилъ я съ тобою, за звѣря хопѣлъ опнять у тебя жизнь, прости меня, я спыжусь, я ненавижу самага себя! Смощри, шамъ лежишь швоя добыча!“ говорилъ онъ: сохрани Богъ, чшобы я къ ней прикоснулся! Она принадлежитъ тебѣ, возьми все, возьми ружье мое, опнынъ я не возьму его въ руки, я не достоинъ его, прости меня Викторъ! „Викторъ дружески заключилъ его въ объятія. Графъ, который не могъ не пронуться симъ зрѣлищемъ, подошелъ къ нимъ и хотѣлъ пожать руку Виктора . . . „Графъ Эспландіапортъ, знаете ли вы меня, знаете ли мое имя?“ Графъ молчалъ. Лучше, продолжалъ Викторъ, если мы здѣсь не спанемъ говоришь ни слова, если мы даже не встрѣтимся въ нашей жизни! Графъ, пораженный величественнымъ его видомъ, взоромъ и голосомъ, не могъ най-

ши опвѣта! Колась раздулъ угасающіе уголья, развелъ огонь и побѣжалъ къ источнику, принести воды для Виктора. Викторъ и Графъ оспались одни въ шалашѣ. — Безмолвны — пошупивъ мрачныя взоры, сидѣли они одинъ противъ другаго; борьба спрасшей, жажда мщенія, попухали въ душѣ Виктора, сердце его пило сладость побѣды надъ самимъ собою, изрѣдка взглядывалъ онъ на Графа съ какимъ-то сожалѣніемъ, но Графъ какъ бы не смѣлъ поднять на него взора. Наконецъ вошелъ Колась съ водою, и вслѣдъ за нимъ Докпоръ. Викторъ взглянулъ на него равнодушно, но Графъ бросился къ нему, какъ изснупленный!.. „Вашъ другъ прибылъ, сказала Докпоръ: онъ послалъ меня за вами!.. Важныя извѣстія изъ Мадриша! Онъ желаетъ скорѣе васъ видѣть! Тушъ покачалъ онъ сурово головою, и озирался кругомъ съ неудовольствіемъ. Здѣсь нечего большіе дѣлать! Пойдемъ-ше дорогой мой, пойдѣмъ-ше продолжалъ онъ, обращаясь къ Графу, и они немедленно удалились.

„Хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ, говорилъ Колась: если бы не Графъ, никогда бы я не поднялъ на тебя руки! Оппусти ему Господь, онъ склонилъ меня! Вы другъ друга знаете, за что онъ такъ ненавидитъ тебя? „Оставь это, сказалъ Викторъ, и послѣ нѣкотораго молчанія, подавъ ему руку, продолжалъ: можетъ быть мы долго, долго не увидимся! Скажи

опъ меня моимъ добрымъ попечителямъ, скажи ей, которую я такъ неизъяснимо любилъ, мое послѣднее проспи! „Что ты задумалъ?“ спросилъ встревоженный Колась! „Ты на ней женишься, продолжалъ Викторъ, ты будешь съ нею счастливъ, очень счастливъ, она—одно изъ лучшихъ созданій Небеснаго Творца! Но я прошу, даже пребуду опъ себя, содѣлай и ее счастливою: если хопя разъ черезъ тебя слезы горести блеснутъ на глазахъ ея: тогда, о дай Богъ, чпобъ я встрѣчился тогда съ тобою! „Но куда ты? спросилъ его Колась.—Далеко отсюда, въ незнакомый свѣтъ, за моря, въ пылъ войны, все равно, куда бы то ни было! Я не могу, не смѣю оставаться долѣе съ вами, ты это понимаешь? Проспи, Колась! Останься здѣсь, не провожай меня, я долженъ идти одинъ, чпобы и слѣдъ мой былъ безъизвѣстенъ!—Онъ вышелъ въ глубокомъ молчаніи! Луна, въ полномъ блескѣ озаряла дремлющія горы и долину. Проспи Маріанна, воскликнулъ рыдающій Викторъ, обращай къ долину, проспи на вѣки! На вѣки, повторило унылое эхо! Колась задумчиво шелъ за нимъ, Викторъ примѣпилъ его шѣнь, и обращаясь къ нему сказалъ: не далѣе, милый другъ! Поклонись опъ меня твоей Маріаннѣ; когда вы будете совершенно счастливы, когда спокойствіе водворится въ душѣ моей, —

когда упомянусь оны бурь жизни, — тогда
возвращуся къ вамъ!“—Онъ сжалъ его руку,
и какъ пѣнь исчезъ между успешивыхъ гро-
мадь Альповъ. Онъ не возвращался болѣе!

Съ Нѣмецк.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ КОЗЛОВУ, ПО ПРОЧТЕНІИ ПО-
ВѢСТИ ЕГО: БЕЗУМНАЯ.

Дерзнулъ тебя почтпшь правдивою хвалою,
Мечтапсьль сладоспный! тебя ль Судьба сразила?
Опъ глазъ пвоихъ она сокрыла мѣръ земной,
Но мнрь души пвоей она не возмутила.
Такъ, пакъ! ты пребылъ пвѣрдъ въ часъ сердцу роковой,
Когда взоръ гаснущій съ блестящею слезой,
Согрѣпной вѣрою, надеждами свяпыми,
Ты въ небеса вперилъ, какъ бы прощаясь съ ними,
Блескъ конхъ для тебя смѣнился вѣчной пьмой! —
Ты не роппалъ погда— молилса, уповая,
И креспъ низпосланный тебѣ благословляя,
Супругу пѣжвую и плачущихъ дѣпей
Прижавъ къ груди, прочёлъ безпрепетпой дупей
Небесной благоспи въ нѣмъ знаменье святое, —
И какъ прямой супругъ, какъ истпный онецъ,
Ихъ презирапъ училъ несчаспие земное,
Терпѣнья давъ собой прекраснпый образецъ!

Но счаспливъ ты! тебѣль роппать на Провидѣнье?
Оно жеснокпй рокъ смягчаепъ для слыпца;

И въ самомъ бѣдствіи даруешь утѣшеніе:

Тебѣ изпосланъ даръ — высокій даръ Пѣвца!

Такъ, счастливъ, ты поэзія! — И лирою небрежной
(Она знакома намъ!) звучишь въ *Безумной* вновь
Про пайный жаръ спрастней, здѣсь — въ жизни, неизбежной,
И бѣдной сироты несчастную любовь!

Обманъ молодыхъ надеждъ, пищу земныхъ желаній,
Мечны безумія и чистыхъ упованій,
И помпой красоты прелестный идеалъ

Такъ живо въ ней ны намъ скопироваль,
Что процупый её сгубившею поскою,
Я духомъ къ ней лепгль, чтобъ плаканъ вмѣстѣ съ нею.

Тебя почишь, пѣвецъ, безсмертьемъ самый рокъ!
Тебѣ *Безумная* уже свила вынокъ!
Ты въ ней поспигъ свой даръ — опраду въ скорбной долѣ!
Она — проспи, пѣвецъ, нескромности двухъ спрокъ! —
У насъ словесности еще въ цвѣтущемъ полѣ,
Неувядаемый цвѣшокъ!

Бе—ъ.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

17) *Метеоръ*. Альманахъ на 1831 годъ, изданный Осдоромъ Соловьевымъ. Москва, въ типографіи Лазаревыхъ Инсипупа восточныхъ языковъ. 1831. въ 16 д. л. 127 и 69 страницъ.

18) *Рыцарь блага филина, Шетина, наследникъ Ильи Муромца. Сатирическій романъ, сочиненіе Александра Орлова*. Москва, въ типографіи Н. Степанова, при Императорскомъ Театрѣ. 1830 года 74 стр. въ 12 д. л.

19) *Соколы были бы соколы, да курица его съгла, или бѣжавшая жена. Сочиненіе Александра Орлова*. Москва, въ Типографіи Н. Степанова, при Императорскомъ Театрѣ, 1831 г. 44 стр. въ 12 д. л.

Вотъ Липерашурныя диковинки, выползшія, изъ-подъ Типографскихъ спанковъ Москвы бѣлокаменной. Местеоръ Г. Соловьева, по своей неопрышной паружности и своему курьезному содержанію, въ близкомъ свойствѣ, свавовствѣ и кумовствѣ съ Московскимъ *Свернымъ сілніемъ* и Петербургскимъ *Чертюполохомъ*. — Чшо сказать теперь о творцѣ *блага Филина* и *Сокла*, котораго съѣла курица, или бѣжавшая жсна? . . . Скажемъ, что Г. Александръ Орловъ, ссей неупоминмый сподвижникъ Г. Николая Оолина, изъ Москвы, громящій нашу словесность сподудовыми бомбами своей прозы, между пѣмъ, какъ знаменитый союзникъ его, съ береговъ Невы, осыпаетъ бѣдняжку стихотворною карпечью; что сей Г. Орловъ и былъ бы порядочнымъ писакою, да безграмотность его съѣла! .

С М Ъ С Б.

П Р Е Д Ч У В С Т В І Е.

Чшо предвѣщаешь ты мнѣ, давно небывалый гость, опрадный, двойственный сонъ мой? . . не повья ль бѣды? не новое ли горе? . . Но я не спрашуся ихъ! . . бѣды и горе сдружились со мною: онѣ любяптъ, не осиваляютъ меня, какъ брата! . мнѣ ли спрашиться ихъ! . я свыкся съ ними, какъ съ родными! . . Или, сулишь ты убийпой душѣ моей неожиданную радость? . . Нѣптъ, я давно не видалъ въ лице этой красавицы, давно не слыхалъ привѣпливыхъ рѣчей ея! . . Воскреситъ ли ушренная, живипельная роса нѣжный цвѣпокъ, разтопшанный твердою ногою невнимательнаго пупника? . . Воскреситъ ли призракъ радости, воскреситъ ли сама радость мое, раздавленное невнимательнымъ спутникомъ чловѣковъ, неумолнымъ, жеспокимъ

рокомъ, сердце? . я не знаю! . Но огнь божественнаго предвѣденія еще пламенѣеть въ эпомъ убитомъ, раздавленномъ сердце! . Не здѣсь наша опшизна, не здѣсь конецъ бытія челоуька! . Тамъ, за гробомъ, ждетъ насъ другая, лучшая жизнь; — и я вѣрю тебѣ, оправданный, двойсшвенный сонъ мой! . . .

Благодѣтельный Морфей склонилъ удрученную печалыми главу мою на орошенное слезами ложе, — и я увидѣлъ снова моего ангела — утѣшилелю, увидѣлъ тебю, добрая, несравненная Марія! . . Гласомъ Неба былъ врачующій голосъ твоей больной души моей! . . Ты увѣряла меня въ вѣчной, неизмѣнной любви;—ты увѣряла страдальца, что есть еще средство склонить непреклонныхъ твоихъ родителю! . . . Ахъ, зачѣмъ это счастливое мгновение не было послѣднимъ мгновениемъ моей жизни? . . Зачѣмъ, зачѣмъ проснулся я? . . Вѣчный, непробудный сонъ былъ бы высшимъ для меня благомъ! . . Но таковъ неодолимый рокъ смертныхъ! . .

Пешербургъ закипѣлъ жизнью и суетами:—записные франты рыщутъ по Нѣвскому, — беспыдное любовнышество заглядываетъ подъ шляпки встрѣчныхъ дамъ; — я спѣшу размыкать грусть мою въ кругу добрыхъ знакомыхъ, въ кругу родныхъ мнѣ по чувствамъ, еще ближе родныхъ мнѣ по родственному участию ихъ въ безпомощномъ сиротѣ моемъ, — и, на яву, вижу снова тебю, Марія! . . . Я глядѣлъ, не выдавъ ничего, по привѣтствію твоего добраго брата пробудили меня опять безсоннаго сна моего! . . я видѣлъ тебю, видѣлъ сквозь вуаль твою небесные взоры, — прочелъ въ нихъ твое участие ко мнѣ, — мученику искренней любви и неискренней дружбы — и пожалѣлъ снова, зачѣмъ это счастливое для меня мгновение не было послѣднимъ мгновениемъ моей жизни! . . . .

Но меня утѣшаетъ мысль, что есть Богъ въ небѣ, съ превыспренняго престола своего хранящій землю и земнородныхъ; — что близокъ часъ, Марія, *здесь* или *тамъ* моего соединенія съ побою! . .

Въ нашихъ пророческѣй вѣкъ предчувствіе сень вѣрное пророчество: оно не обманетъ такъ жестоко обманутаго сердца! . . *Здесь* или *тамъ* ты будешь моею, Марія! . . Въ печеніи полусушокъ я видѣлъ тебя дважды! . .

Что же предвѣщаешь ты мнѣ, опрадный двойсвенный сонъ мой? . .

(*Воскресенье, 25 ч.*)   *Григорій Лидинъ. (*)*

[*] Въ Невскомъ Альманахѣ на 1851 годъ напечатано испиное произшествіе, подъ заглавіемъ: *Бракъ по смерти*. Въ этой повѣсти изложены подробно жизнь и приключенія Григорія Владимировича Лидина, скончавшагося вмѣстѣ съ прекрасною Графиней С***. въ одинъ и пошъ же день, въ одинъ и пошъ же часъ. — Теперь попалась намъ еще одна собственноручная записка Лидина, — и мы передаемъ ее вполнѣ нашимъ читателямъ.   (*Издан.*)

СО Д Е Р Ж А Н І Е No. XI.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Егеръ Шамунской долины. *Стихотворенія*: Ивану Ивановичу Козлову, по прочтеніи повѣсти его: Безумная; соч. *Бе—а*. БИБЛИОГРАФІЯ. Менсюръ. Рыцарь бѣлаго филина. СМѢСЬ. Предчувствіе.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 6 Февраля 1851 года.
Ценсоръ П. Гасвскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВЪСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

СВИРСКАЯ ПЕРЕПРАВА.

(Русская быль.)

Быстрая Свирь, среди лѣсовъ Сѣверныхъ, въ вѣковомъ бою съ гранитными порогами, соединяетъ два величайшихъ озера. На однообразныхъ берегахъ ея, осѣняемыхъ дремучимъ боромъ, разбѣяны тамъ и сямъ жилища, и только по большой дорогѣ, ведущей къ древнему монастырю Александра Свирскаго, два селенія, съ обѣихъ сторонъ рѣки, служатъ преддверіемъ опасной переправы . . .

Зажиточный крестьянинъ содержалъ эту переправу, и, изъ значительныхъ барышей, за скудную плату, занималъ бѣднаго, дряхлаго собрата, который съ помощію 17-ти-лѣтняго сына, день и ночь двигая по канату огромный поромъ, доставалъ себѣ дневное пропитаніе. Маленькая избенка на самомъ берегу рѣки, была имъ убѣжищемъ отъ непогоды и мѣшомъ ошдыха послѣ тяжкихъ трудовъ.

Недолго выносишь старецъ такую жизнь: суровая осень и усиленная работа въ заморозки, изнурили его силы; но въ великодушной борьбѣ съ болѣзнію и родительскою любовью, онъ не оставлялъ роковаго каната. Тщепно добрый сынъ убѣждалъ его въ возможности управиться одному въ послѣднее время; старикъ былъ неумолимъ, и не прежде слегъ на пукъ соломы, какъ первый ледъ прекратилъ переправу и вмѣстѣ съ тѣмъ многотрудную ихъ работу.

Всю зиму пролежалъ спарикъ на болѣзненномъ одрѣ, всю зиму добрый сынъ рыбною ловлей доставалъ ему и себѣ пропитаніе. Рѣдко, весьма рѣдко показывался онъ въ домъ богатаго содержателя перевоза, гдѣ добрая спарушка-жена и 16-ти-лѣтняя дочь его принимали въ спарикъ участіе, но не иначе осмѣливались показаться оное, какъ въ отсутствіе хозяина, у котораго сердце такъ же было холодно къ состраданію, какъ ледъ, покрывавшій въ то время источникъ его доходовъ.

Съ приближеніемъ весны, силы спарца очевидно угасали; онъ помышлялъ не одной болѣзнію, но и мыслию о невозможности раздѣлять съ сыномъ обычную работу. Наконецъ природа взяла верхъ; чувствуя близкую свою кончину, добрый отецъ благословилъ сына крупною слезою, которая вмѣстѣ съ послѣд-

нимъ вздохомъ слялась на запахъ несчастнаго юноши. Тяжка была потеря, но еще сильнѣе была горестъ бѣднаго Ивана; онъ оспивался въ нищестѣ, сирота сиротою. Скоро испыталъ онъ всѣ бѣдспвія подобнаго состоянія. Хозяинъ перевоза, съ неудовольствіемъ замѣчавшій расположеніе къ нему жены и дочери, скоро нашелъ бѣдняковъ для будущей работы, и на прешій день послѣ похоронъ отца, объявилъ грустному Ивану, чпобы онъ не только очистилъ немедленно хижину, но и въ деревню не смѣлъ бы никогда показываться, если не хочеть испытать его гнѣва. Сиротка зарыдала, повалился хозяевамъ въ ноги и поблагодаривъ ихъ за хлѣбъ-соль, въ первый разъ, послѣ своей потери, рѣшился войти въ скудную избушку, гдѣ, сколько перенесъ онъ горестей. Едва успѣлъ бѣднякъ связать маленькую кошомку, собирався перейти черезъ рѣку по хрупкому льду, какъ добрая Марья запыхавшись вбѣжала въ хижину и отъ имени матери принесла ему большой хлѣбъ, два пирога и полшину денегъ на дорогу.

— Какъ! ты уже готовъ бѣдной Ваня? сказала сквозь слезы сострадательная дѣвушка. Чего же мнѣ ждать Марья Игнатъевна? разве ты не слыхала опцовскаго приказа? „Да куда же ты пойдешь?—Куда? бѣднымъ одинъ путь, куда глаза глядишь.—И, полно, Ваня, не захо-

ди далеко; здѣсь все таки своя сторона, раз-
вѣ нельзя найти работы въ деревнѣ на той
сторонѣ? вѣдь шамъ не безъ добрыхъ людей,
или ты хочешь совсѣмъ насъ покинуть? —
Не радъ бы, да какъ бышь, не своя воля,
что Богъ дастъ то и будетъ; прости Марья
Игнашевна!“— „Нѣтъ, Ваня, вѣрно ты насъ
никогда не любилъ, если такъ радушно по-
кидасшь;—не любилъ! Видишь Богъ, люблю
ли я васъ, и какъ пняжко распеваешься мнѣ
съ вами! . . да что же дѣлашь? Твори во-
лю пославшаго, бѣдному завсегда пняжелый
крестъ! . . .“

Крупныя слезы навернулись на глазахъ его,
и разстроганная Марья не въ силахъ была бо-
лѣе уговаривать; слово крестъ, поразило ея
мысли. Дрожащею рукой она снимаетъ свой
крестъ съ шеи и отдавая его Ивану гово-
ритъ: помѣняемся Ваня крестами, вездѣ, гдѣ
бы ты ни былъ, помни, что у тебя есть
крестовая сестра, которая тебя никогда не
забудетъ!—Желанная Марья! вскрикнулъ изум-
ленный Иванъ, и ты не чуждаешься назвать
меня братомъ? Съ чисною вѣрою они пере-
крестились, обмѣнялись крестами, и первый
поцѣлуй брацкой любви, былъ символомъ
взаимнаго ихъ счастья.

„Марья! раздался вдругъ голосъ ея мате-
ри . . . Марья вздрогнула и какъ бы въ ис-
пугѣ первая сказала горестное прости и по-

бѣжала домой, онасалась, чптобы опецъ не замѣтилъ ея опсупспвія. Чпо опсавалось дѣлашь Ивану? Тяжкій вздохъ вылетѣлъ изъ груди его; положивъ при земныхъ поклоне въ передній уголь и облобызавъ лавку, на копорой спрадалецъ-опецъ его кончилъ жизнь, онъ взялъ копюмку и, благословясь, пуспилъ за рѣку.

Медленно капилось солнце по голубому своду безъоблачнаго неба, послѣднія лучи его горизонтально ложились на гладкихъ водахъ, выплупавшихъ на синюю поверхность льда, ежеминупино гопповаго съ шумомъ ворваться въ Ладожское озеро. Безпрепетно Иванъ перебирался съ одной льдины на другую; мысль о смерти не ужасала его: и сколько несчастныхъ, съ воспоргомъ бросились бы въ ея объятія, если бы вѣра укрьпляя шерпѣніе, не останавливала опчаянныхъ.

Спупивъ на берегъ, онъ въ первый разъ рѣшилъ оглянушь ея назадъ; сердце его разрывалось на часпи. За рѣкой опсалоось все, чпо усаждало для него горькую жизнь: прахъ опца, сердобольная спарушка, напоминавшая ему ласки мащери и добрая Марья, къ копорой онъ чувстввовалъ чпо-то непоспижимое! одно мгновеніе, одинъ переходъ за рѣку, вдругъ лишили его всего! Тяжко вздымалась грудь его, замирало сердце, но благодѣшель-

ныя слезы облегчили спираданія. Послѣ мнупнаго забвенія, онъ задумчиво поднялся на гору, по хребту которой спиройно возвышалась красивая деревня.

Гулъ нѣсколькихъ голосовъ возбудилъ его вниманіе, онъ поднялъ полузаплаканные глаза и увидѣвъ себя окруженнымъ толпою крестьянъ, собравшихся на мірскую сходку, почтительно снялъ вѣшную свою шляпенку и поклонился спарикамъ съ обычнымъ привѣтствіемъ: „*Богъ въ помощь добрые люди!*“—Напомъ спасибо, Иванушка, отвѣчали поселане, почти всѣ знакомые ему по перевозу, куда пупъ держишь.“ — Куда глаза глядятъ, добрые люди. — Что ты? Богъ съ тобою, развѣ у Игнастья Тимофѣевича за службу твою хлѣба не спало?—Видно что такъ; промолвилъ сквозь слезы бѣдный Иванъ; и въ короткихъ словахъ объявилъ имъ кончину отца и грозный приказъ хозяина.

Крестьяне призадумались, легкой шумъ въ толпѣ сопровождается покачиваніемъ головъ, служилъ знакомъ общаго неудовольствія. Грѣхъ ему покинуть сироту! часто повшорали добрые крестьяне, наконецъ одинъ изъ спариковъ сказалъ: Православные! мы сошлись пошолковать объ дѣлѣ и приходѣ Ивана намъ какъ сонъ въ руку. Вы всѣ знаете его за презваго и добраго парня, а намъ такого и нада, пусишь послужишь у насъ льшо въ пас-

пухахъ, мы положимъ ему чешскую плащу, а хлѣба-соли у насъ съ него спаветь! . Съ мѣру по нишкѣ, голому рубаха, будетъ сытъ.

— Благодаримъ за доброе слово, Григорій Арпамоновичъ, въ одно слово, вскрикнули крестьяне, ты всегда у насъ первой на Христіанское дѣло! Что скажешь, Иванушка?—Заплаши вамъ Царь Небесный за вашу добродѣшель, радъ служить вамъ, сколько силъ моихъ.

— Благослови Хрипость! мы плашили за покойнаго нашего пасуха мѣрскія подаши, да на обувь ему 12 руб., а кормили и поили по очереди, согласенъ ли Иванушка?—Благодарю васъ добрые люди, чего же мнѣ больше! Мы съ покойнымъ бапюшкой оба не вырабывали сполько у Игнапья Тимофѣевича, а работа была тяжкая!—ну, слава Богу, дѣло слажено, по рукамъ кормилецъ, сегодня суббота, сказалъ Григорій Арпамоновичъ, милоспи просимъ ко мнѣ въ баню, я первой выговорилъ, мнѣ первому и угощанъ дорогова гостя.

Быстро развиваешя весна на Сѣверѣ, не успѣютъ исчезнуть снѣжные острова и уже юная зелень покрываешъ пажити. Съ полнымъ радушьемъ принялся Иванъ за новое дѣло. Ласковый со всѣми, онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь, и даже деревенскія собаки, какъ бы чувствуя тяжкую учаснь сиротки, спарались раздѣлять шруды его, спорожили

съ нимъ въ полѣ и охраняли беззащитныхъ овецъ отъ лѣсныхъ хищниковъ. Спиройная свирѣль его не знала веселыхъ плясовыхъ пѣсень, одни заунывные звуки ея, сходные съ тогдашнимъ положеніемъ сироты, услаждали его одиночество. — Звуки сіи часто, весьма часто раздавались на крупномъ берегу Свири; шамъ казалось бѣдному Ивану, что онъ не одинъ, что добрая Марья издали его слушаетъ.

Онъ не ошибся: сердце Марьино постигало сладкую гармонію свирели и угадывало, кно игралъ на ней. Но къ чему это служило? Быстрая, широкая рѣка была непреодолимою преградой для дѣвушки, которая кромѣ воскресенья и большихъ праздниковъ, цѣлую недѣлю должна была раздѣлять съ мамерью хозяйственныя заботы. Давно уже не работаютъ онѣ въ полѣ, жилищное состояніе ошца, позволяеть ему чужими руками приговлять себѣ избыточные запасы. Въ одинъ только праздники ходила Марья съ подругами въ лѣсъ, и то съ утра и до обѣда, лѣтомъ по ягоды, а осенью по грибы; но и тутъ какъ урванься онъ своихъ? какъ дашъ знать Ивану, что она ждетъ его?

(Окончаніе въ слѣдующей No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Л Ъ Ш І Й.

(С К А З К А.)

Помнишь ли, братъ мой, рассказы покойнаго дядьки Леона
 О спаринѣ, о диговнишнхъ быляхъ, пуспыхъ небылпцахъ?
 Царешво небесное доброму! Въ дѣнспвѣ насъ пѣшнлз онѣ много.
 Вѣчная память ему! Иногда говорилъ онѣ и правду.
 Мы же, сознайся, какъ глупы мы были при жизни Леона!
 Пешнцу словъ спарика о дѣлахъ и обычаяхъ предковъ —
 Ложью тогда называли, а нынѣ мы въ книгахъ находимъ...
 И небывалымъ кикиморамъ, копмъ шеперъ шакъ смѣемъ,
 Слѣпо мы вѣрили въ сказкахъ Леона, кикиморъ боялись! —
 Я не забыть, никогда не забуду ужасной той сказки,
 Помнишь, во Ржевѣ спарикъ намъ конорую сказывалъ ночью...
 Намъ уложивши тогда, онѣ бесѣдовалъ съ нами шакъ началъ:

»Нынѣшнй дѣнь, господа, не шалили вы много: за это
 Я расскажу вамъ, какъ слышалъ онѣ шепки Архиповны, сказку,
 Будете ль слушать?» — »Голубчикъ нашъ, будемъ! Увидишь
 самъ, будемъ!« —
 »Ну-ше жъ, не спише! Я спашу шеперъ говорнше вамъ о Лѣ-
 шемъ.

Около Твери веселой давно, въ незапамятны вѣки,
 Жилъ, поживалъ однешопекъ—дюжнй мужикъ *Негорисвѣтъ*.
 Дѣла не дѣлалъ онѣ днемъ, и онѣ дѣла не бѣгалъ онѣ ночью;
 Свѣзна дневнаго боялся, а пемью все по лѣсу рыскалъ...
 Дивное диво! Прокляшнй съ нечиспымъ, знашъ съ молада
 знался!
 Пѣш! Не съ нечиспымъ, съ жожами: въ лѣсу убпвалъ онѣ
 прохожихъ.
 Хлѣбъ доспавалъ онѣ разбѣемъ, а съ хлѣбомъ и денши чужд.

Много о немъ было слуховъ и долго искали злодѣя . . . .

Слухи остались все тѣ жъ: *Негорисвѣта*, иль не поймали.

Слухи все тѣ жъ: иль ограбленъ купецъ мимоѣхавшій лѣсомъ,

Или креспьяиницъ убить, иль зарѣзана женщина ночью . . . .

Всѣмъ доставалось! Пошады не зналъ никогда и служивый:

Если самъ-другъ, иль одинъ—не ходи и не ѣзди близь лѣса!

Такъ говорила мнѣ тетка. — »Да развѣ не зналъ онъ, что

Богъ есмь?»

»Развѣ, спросилъ я, суда на землѣ не бываетъ злодѣямъ?» —

— То-по и грѣхъ, мой голубчикъ, Архиповна мнѣ отвѣчала:

— То-по и горе, что вѣдал Бога, его не боялся. —

Радъ былъ злодѣй; если мѣсяцъ въ часъ добрый надъ лѣсомъ
проглянеть,

И на дорогѣ означилъ прохожаго тѣль ненарокомъ . . . .

Пупникъ спокойно идетъ, доверяясь Божію свѣту;

А *Негорисвѣтъ*-разбойникъ, завидя добычу, — съ пожесть къ
къ ней! —

Долго ль такъ жилъ своевольно и сколько людей погубилъ онъ?

Вспни объ эпосѣ до насъ не дошло; но судъ Божій коротокъ!

И *Негорисвѣтъ* покался поздно предъ Богомъ въ злодѣйствѣ!

Разъ, молодая креспьянка изъ Твери домой возвращалась . . . .

Въ городъ ходила она изъ деревни къ Николѣ молившая:

Дѣвка-невѣста была, сирота; со слезой умиленной

Бога, опца всѣхъ бездомныхъ, о счастья въ молитвѣ просила . . . .

День былъ Воскресный . . . . креспьянка сходить не забыла и
въ рынокъ,

Чтобъ на копѣйку, другую, — купить, подъ вѣнецъ, хоть се-
режки.

Только лишь смерклося, она, по обычаю правдѣю нашихъ —

Креспъ сошворила и съ Богомъ—одна побрѣла до деревни.

Дѣвушка въ жизнь не слыхала, что ночью опасеть пупъ лѣ-
сомъ.

Спутниковъ не было ей: одиноконька шла себѣ тихо
Той же знакомой дорожкой . . . . . А почь между пѣвмъ на-
спунила . . . . .

Тучи сбирались на небѣ, сосна шевелилась опъ вѣтра . . . . .
Вопъ молодая креспьянка идетъ себѣ далѣе къ лѣсу,
Вопъ ужъ и лѣсомъ идетъ . . . . . Но лишь пополько она по-
ловину

Лѣса прошла, изъ-за пучъ показался вдругъ мѣсяць — свѣтъ-
ясный;

И за собою креспьянка вдругъ слышишь вблизи шихій ше-
лестъ . . . . .

Въ спрахъ она обернулась, и видишь мужикъ передъ нею
Съ буланымъ пожемъ . . . . . То былъ хищникъ, ужасный
злойъ *Негорисвѣтъ*.

«Спой!» — Закричалъ опъ, схвапъ бѣдну дѣвицу за грудь ру-
кою . . . . .

«Боже, спаси!»—Обративъ взоръ на небо, креспьянка сказала;
Креспъ сошворила, очпулась—и видишь: предъ ней, на дорогѣ,
Ножъ лежишь; вмѣсто жъ разбойника, видишь преспрашнаго
чорпа,

Съ ревомъ быгущаго въ лѣсъ опъ нея, за рога ухвапившись.

«Ахъ! ахъ!» Она закричала въ испугъ, бѣжа вопъ изъ лѣсу

Той же дорогой въ деревню, и слыша вдали за собою

Гуль, повторяющій громко, пропяжно слова ея: Ахъ! ахъ!

Какъ добѣжала креспьянка тогда до деревни? Не знаю.

Счастлива ль мужемъ была? И о помъ не дошло до насъ вѣспи.

Только съ пѣхъ поръ, какъ узнали, что водниша въ лѣсъ не-
чисной,

Слухъ о разболхъ пропалъ, и искашь мужика переспали.

Съ самыхъ пѣхъ портъ все проѣзжіе лѣсомъ или пѣшеходы —
 Ночью ли, днемъ ли, всегда опасаются чорна съ рогами . . .
 И говорятъ православные: бѣсъ, по прозванію *Львій*,
 Манитъ прохожихъ къ себѣ, опзываясь на рѣчи ихъ *Эхоль*.

Бойтесь, сударики! Бойтесь вы этого чорна!
 Пѣсенъ, гуляя въ лѣсу, вы не поймете онъ ихъ повпоряетъ . . .
 Ночью одни не ходите: сведетъ васъ проклятый съ дороги,
 Въ глушь заведетъ онъ — а шамъ, помниай васъ какъ звали!

Такъ заключилъ свою сказку Леонъ . . . . Но вы поминше
 ли, брагъ мой,
 Какъ мы дрожали тогда онъ пельной *Леоповой* сказки?
 Царство небесное доброму! Въ дѣспивѣ онъ славно насъ пѣшилъ,

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

20) *Живые обмороки, или оттыки невѣжества, глупостей, пронырства и обмана.* Сочиненіе Александра Орлова. Москва, въ Университетской типографіи, 1831 года. 54 стран. въ 12 д. л. Вопль и еще новое издѣлье Г. *Александра Орлова!* . . . Нужно ли говорить о немъ нашимъ читателямъ? . . . Нѣтъ, оно само говоритъ за себя! . .

С М Ъ С Ъ.

НѢскольکو словъ о Бейронѣ.

Вопъ что разсказываешь *Миллингтъ*, врачъ, находившійся долгое время при Бейронѣ, объ этомъ необыкновенномъ чловѣкѣ:—«мало найдется людей съ такими странностями, предразсудками, каковъ былъ Лордъ! Суевѣріе, упрямство, необыкновенная сила воли—все въ немъ было слишкомъ. На примѣръ, во время пребыванія своего въ Миссолонгѣ, онъ однажды только въ мѣсяць ѣлъ мясо, остальные дни питался овощами, супомъ и хлѣбомъ. Въ одинъ день подали ему вкуснаго каплуна: Лордъ хотѣлъ было за него приняться, но вспомнилъ, что это не былъ еще для мясояденія назначенный день—и каплуна снятъ со стола непочатый . . .

Въ молодости своей, Бейронъ любилъ страстно азартныя игры, и отъ того вошелъ въ значительные долги. Однажды, у себя въ домѣ, провелъ онъ цѣлую ночь за картами; упромъ къ крыльцу подѣзжала карета, выходилъ дама, оказывавшая Лорду издавна свою благосклонность. «Примите это, какъ маловажный знакъ моего участія!» сказала дама, улыбаясь и поспавивъ на столъ ящичекъ: «мнѣ извѣстна ваша неудача; здѣсь найдете вы все мои брилліанты и деньги! . . .» Но Бейронъ хлопнулъ сердито дверью, и грозно закричалъ: «возьмите все назадъ; я не продажный товаръ! . Если бы вы были увѣрены, что я низокъ до

такой спешки, чтобъ воспользоваться дарами вашими, вы не предложили бы ихъ мнѣ! . . .»

Бейронъ ненавидѣлъ сѣрые глаза. Говоря однажды о физиогноміяхъ, вопль что сказалъ онъ: »вы, молодые люди, слушайте слова мои, и пользуйтесь ими: не довѣряйте сѣрымъ глазамъ! . . .«—Но у васъ сѣрые глаза, Милордъ!» возразилъ кто-то. »И не худо бы держаться этого правила всѣмъ, кто имѣетъ со мною дѣло!» отвѣчалъ Бейронъ.

Онъ болѣе желалъ смерти, нежели спрашивалъ ее!.. »Я пресыщенъ жизнью!» сказалъ однажды Лордъ: »радостно встрѣчу я часть моей кончины; — и почему разспаханіе съ землею можетъ быть тягостно душѣ моей? . . . Какихъ опрады ждашь мнѣ? . . . Развѣ я не вполне наслаждался? . . . Кто такъ быстро прожилъ, какъ я, я—въ полномъ смыслѣ слова, молодой спарецъ! . . . слава осѣнила меня въ опроческомъ моемъ возрастѣ! . . . Лордъ упомнилъ жизнь и желалъ смерти; но, умирая, снова предался суевѣрію: призвалъ гадательницу и требовалъ, чтобы она опшратила отъ него бѣду . . . . Какъ могли соединяться такіа спрацносши въ такомъ человѣкѣ! . . .

(Изъ Zeitung für Elegante Welt.)

Анекдоты о Паганини.

Недавно Паганини издалъ свои записки. Онъ оччень серьёзно рассказываетъ въ нихъ многія смѣшныя подробности. Представимъ нѣкоторыя нашимъ читателямъ.

„Мать моя рассказывала, что когда мнѣ было пять лѣтъ отъ роду, будто бы во снѣ явился ей Спаситель, обѣщавшій исполнить одно изъ искреннихъ ея желаній: она молила Предвѣчнаго, чтобы я сталъ знаменитымъ скрипачемъ, и моленье матери моей, по словамъ ея, исполнилось! . .

18-ми лѣтъ отъ роду, я поѣхалъ путешествовать по Италіи; на нѣсколько дней остановился въ Ливорнѣ, гдѣ сочинялъ многія музыкальныя пьесы для одного Шведа, который игралъ на фаготѣ и жаловался на то, что все на этомъ инструментѣ казалось ему очень легко.

Возвратясь изъ путешествія, я сталъ учиться хлѣбопашеству—и выучился играть на гитарѣ.

Въ Миланѣ проживалъ я во время королюванія Наполеона. Все смѣялись надъ полщиною струнъ моей скрипки—и длиною смычка; не смотря на то, я собиралъ такія рукописканія, какихъ не удавалось заслужить другимъ концернистамъ. Принцесса Элиза слушая меня, отъ восхищенія не разъ падала въ обморокъ.

Не перья изъ виду собственннхъ выгодъ моихъ, я старался дать возможное разнообразіе игрѣ моей.

Однажды отвязалъ я секунду и терцію съ моею скрипки, и импровизировалъ сонать: *scena amozosa*, полагая, что за Адониса шелъ у меня бастъ, а квинта была Венера!

Когда я давалъ концертъ въ Ливорнѣ, въ погу мою вопкнулся гвоздь—и я, хромя, долженъ былъ проходить по сценѣ: раздался хохотъ. При первыхъ ударахъ смычка, уронилъ я съ пульпета свѣчи: смѣхъ раздался громче. Къ довершенію возможныхъ бѣдствій, лопнула квинта—и вообразите веселый шумъ слушателей! . Но на трехъ струнахъ доигралъ я концертъ, и съ торжествомъ удалился . .

(Изъ *Journal des Dames et des Modes.*)

З а к о н ъ О е о д о с і я :

(Изъ *Цшоокке.*)

Ееодосій Великій, былъ, не смотря на чрезвычайно вспыльчивый свой характеръ, однимъ изъ лучшихъ Государей и законодателей своего испорченнаго вѣка. Онъ издалъ въ 317 году слѣдующій законъ противъ оскорбителей чести Монарха:

»Кто позволилъ себѣ порочить наше имя, или наше правленіе, тотъ да не накажется по смыслу законовъ, да не смирился строгостію судей. Если онъ по одному легкомыслию говорилъ о насъ худо, то должно презирать его; если это случилось по глупости, должно сожалѣть о немъ; если же по злости, то должно простить ему.

Перев. Изд.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

С Н Р О Т К А,

Альманахъ въ пользу Заведенія для призрѣнія бѣдныхъ сиротъ, учрежденнаго въ Москвѣ въ Октябрѣ 1830 года.

Цѣль сего Альманаха, состоишь въ томъ, чтобы соединить удовольствіе читающей Публики съ пользою для несчастныхъ, покровительствуемыхъ благотворительностію Московскихъ жилищей.—Все деньги, выручаемыя за оный, поступаютъ въ кассу заведенія, въ пользу коего издается Альманахъ, въ непосредственное распоряженіе Начальника оного Г. Оберъ-Прокурора Князя П. П. Гагарина. Почти все Московскіе и многіе Петербургскіе Литераторы участвуютъ въ семь изданіи.

Подписка на Альманахъ, который выйдетъ въ скоромъ времени, принимается въ Типографіи Селивановскаго на Дмипровкѣ, гдѣ можно видѣть опечатанные листы оного и въ книжной лавкѣ А. С. Ширяева, въ С.-Петербургѣ въ магазинѣ А. Ф. Смирдина. Цѣна за экземпляръ, съ виньеткию и пошамы на бѣлой бумагѣ 5 рублей ассигнац.; на веленовой съ золотымъ обрѣзомъ и въ фулярѣ 10 руб. ассигнац. Особы, желающія платитъ болѣе назначенной цѣны, въ пользу Заведенія могутъ записывать пожертвованія свои въ шнуровую книгу за печатью Г. Начальствующаго, которая находится въ каждомъ мѣсѣ подписки. Имяна всехъ Гг. Подписавшихся будутъ припечатаны въ концѣ Альманаха.

С О Д Е Р Ж А Н І Е No. XII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Свирская переправа. [Русская быль. *Стихотворенія*: Лѣшій. (сказка.)
БИБЛИОГРАФІЯ. Живые обмороки. СМѢСЬ. Нѣсколько словъ о Байронѣ. Анекдоты о Чагашинѣ. Законъ Θεодосія.
ОБЪЯВЛЕНІЕ. **НОТЫ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 9 Февраля 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

СВИРСКАЯ ПЕРЕПРАВА.

(Русская быль.)

(Окончаніе.)

Изобрѣшательный геній первой любви вывелъ ее изъ неудовѣія. Въ одно воскресенье, завернувъ въ бѣлой плапокъ ищеничный пирожекъ, назначенный ей на завтракъ, она пошла, по обыкновенію, въ лѣсъ и пользовалась первою возможностью опдѣляться онъ подружекъ, спустилась тропинкою къ берегу: знакомые звуки свирѣли съ противоположной стороны, служили ей проводниками. Скоро достигла она желанной цѣли. Яркое солнце, позлащая холмы, усыпанные многочисленнымъ спадомъ, освѣщало скромный шалашъ юноши; нѣсколько минутъ не видавъ его, Марія наслаждалась гармонією свирѣли. Наконѣцъ звуки умолкли, громко хлопнулъ паспущій арапникъ и сшадю пошянулось къ рѣкѣ ва полдневный водоной. Нетерпѣливая Марья, привязавъ плапокъ на длинную палку, махнула имъ по воздуху, кричавъ привѣщное *Ау!* и, какъ шись своего поступка, скоро

Толъ I.

комъ пирога и, положивъ его на береговомъ камнѣ, убѣжала въ лѣсъ къ своимъ подругамъ.

Жадными глазами смотрѣлъ Иванъ за рѣку, ничто не ускользнуло отъ его вниманія; онъ, не измѣряя силъ своихъ, рѣшился добыть въ плавъ залогъ, оставленный ему Марьею. Онъ готовъ уже былъ броситься съ крушаго берегу въ рѣку; но увидя въпхій ушлый челнокъ, поспѣшилъ привести его въ порядокъ: въ одно мгновеніе распущенъ пеньковый пастушій кнушь. Широкія щели законопачены; ременный поясъ спянулъ расколошую корму, и лыковая бечева скрѣпила носъ, челнокъ готовъ! Не думая объ опасности, отважный Иванъ съ шестомъ въ рукахъ, вмѣсто весла, мужественно сражается съ пѣнистыми волнами посреди кремнистыхъ скалъ и достигаетъ завѣснаго камня. Радостнымъ поцѣлуемъ привѣтствуя гостиница, онъ недоволенъ былъ пирогомъ: къ чему это? казалось ему: развѣ она не знаетъ что я сътъ ея любовью? просидѣвъ съ полчаса на помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ спояла Марья, онъ пустился въ обратный путь съ твердымъ намѣреніемъ видѣть ее ближе, нежели сей разъ.

Долго шекла недѣля; наконецъ настала желанный день. Въ воскресенье по утру рано, чавъ по сбыкновенію спадо, онъ свиль чокъ изъ васильковъ и съ нимъ у. Желая удивить Марью не-

чаяннымъ свиданьемъ, онъ тщательнѣе спря-
талъ челнокъ между каменьевъ и положивъ
вънокъ на помъ мѣспѣ, гдѣ лежалъ плашокъ,
скрылся самъ въ ближайшемъ кустарникѣ.
Не долго былъ онъ въ ожиданіи, легкій шорохъ
знакомой походки возвѣспилъ ему близкое
свиданіе. Явилась Марья, робко подошла она
къ камню и увидѣвъ голубой вънокъ, съ ра-
доспѣію прижала его къ груди своей: не думая
быть никѣмъ замѣченною она покрывала его
поцѣлуями. Не могъ долѣе выдержавъ восхи-
щенный Иванъ, — Добрая Марья! вырвалось
изъ груди его. Вспыхнувъ пламеннымъ румян-
цемъ сподла неподвижно испуганная дѣвушка.
— Это ты? сказала она, послѣ минушаго мол-
чанія, какъ давно мы не видались и сколько
грушнаго я должна сказать тебѣ? — говори
Марья, я давно привыкъ къ горю, и ты вѣр-
но ничемъ кромѣ доброты твоей удивишь
меня не можешь. У Марьи навернулись слезы
и она дрожащимъ голосомъ объявила ему, что
неумолимый отецъ, не смотря на просьбы ма-
тери и на ея слезы, выдаетъ ее за мужъ за
сельскаго Засѣдателя, который часто прѣзжа-
етъ свидѣтельствовать перевозъ, и что свадь-
ба опложена только до *Кузьмы и Дельяна*.

Неожиданная новость поразила Ивана. Все рѣ-
шено!., сказалъ онъ, послѣднее благо отнимаюшь
у меня, не живи мнѣ здѣсь. Въ грушномъ
молчаніи протекли послѣднія минушы сви-

данья, полуденное солнце возвѣстило часъ разлуки: невинный поцѣлуй и взаимныя слезы сопровождади упѣшишельное: „до свиданья!“

Всѣ креспьяне, охотно, принимали въ своего очередь сиротку — пастуха; но радушиѣ всѣхъ была къ нему семья Григорья Артамоновича: шамъ онъ былъ просто семьяниномъ. Ни разу не сажали его за особый столъ, спарикъ, часно угощая его лучшимъ кускомъ, приговариваль: — покушай кормилецъ, на пивою долю намъ Богъ дастъ, мы живемъ спуспя рукава а тебѣ всяко бываешъ. Добрая старушка никогда не оппускала его въ поле безъ мягкаго пирога; да и невѣстка, пригоняя коровъ, всегда приносила ему чшо нибудь на полевой завтракъ. Сюда приходилъ Иванъ безъ очереди, когда груспн съѣдала его сердце; сюда пришелъ онъ послѣ грустнаго свиданья съ Марсей. —

Задумчиво вошелъ онъ въ избу, не обращая вниманія на окружающіе его предметы, поклонилъ хозяйкамъ и хопѣлъ по обыкновенію съспн въ любимомъ уголкѣ своемъ; но плачь и спюны цѣлаго семейства оспановили машинальную его походку; онъ поднялъ глаза и, увидѣвъ всю семью въ тяжкой горести, началъ упѣшашъ ее: — Христось съ вами, мои родимые! о чемъ вы прикручинились? Господь милосшивъ къ добрымъ людямъ! „Да будешъ Его святая воля, груспно про-

молвилъ спарикъ, опѣтъ бѣды не уйдешь; видишь ли Иванушка, Богъ благословилъ меня претрѣя сыновьями, спаршій женашъ и вошъ уже претрѣй ребенокъ у невѣсшушки; второй сынъ, какъ самъ знаешь, по волѣ Всевышняго не домогаешь; а претрѣему всего 12-й годокъ. Государю нашему батюшкѣ понадобились слуги: объявленъ наборъ съ Кузьмы Демьянова дня — по новой годъ; семья моя на очереди, хошъ волкомъ вой, а пришлось благословить спаршаго и самому на спароспи сиронъ кормишь!—Вошъ наше горе, радъ бы наняшь за себя, да не шѣ времена, гдѣ возьмешь шакую гору денегъ?

— Не грѣхъ ли вамъ родимые претре по-рыѣ кручинишься? . развѣ вы забыли про вашего Ивана. Помолимся Царю небесному! го-повъ за васъ на службу Царскую, я сиропша, мнѣ жалѣшь некогю, не оставили вы меня въ нищестѣ и впередъ не покинете!—отецъ ты нашъ, взвыла вся семья, кинувшись ему въ ноги, благослови тебя Господи за добрую твою душу, во снѣ не снилось намъ шакой милости!—Встаньше, родимые, Бога благодарите, не меня, вы видите, что онъ невидимо благословляетъ добрыхъ людей!

Зашеплили свѣчу передъ образомъ Спасителя и, помолясь съ чисною вѣрою, спарикъ снявъ со стѣны ликъ Св. угодника чудотворца Николая, благословилъ имъ добраго юношу.

Вся семья снова кинулась обнимать его — будь намъ опѣть нынѣ вмѣсто отца роднаго, осушилъ ты наши слезы, ты пустилъ насъ на бѣлой свѣпъ.

Радостныя лица осчастливленнаго семейства и удовольствіе сдѣлавъ доброе дѣло, минушно заглушили въ сердцѣ Ивана собственное его горе, но послѣ кратковременной задумчивости, роковой день Кузмы Демьяна не выходилъ изъ его памяти. Онъ радовался спеченію обспояпельспвѣ и считалъ ихъ небеснымъ предъопредѣленіемъ, бывъ пвердо увѣренъ, что онъ не въ силахъ оставашься въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ должна совершиться Марьяна свашьба.

За споломъ старикъ объявилъ сыновьямъ, что слугѣ Царскому не приспало паспи деревенской скопъ, и пошому должны они по очереди исполнять, въ послѣднее время, его обязанность; а Ивану предложилъ располагать всѣмъ домоу, какъ своимъ имуществомъ.— „Погуляй другъ, говорилъ онъ ему, бери денегъ сколько тебѣ надобно, платье наше все швое, куда вздумаешь, конь готовъ!“

Иванъ не думалъ объ гуляньяхъ, всѣ его мысли стремились къ тому, чтобы увидѣть Марью и объявить ей о своей участи; но для сего пужно было выбрать время, когда опецъ ся былъ въ оплучкѣ. Покровская ярмарка въ ближнемъ городѣ даа ему возможность ис-

полницѣ это желаніе. Тяжко приняла Марья роковое извѣстіе, крупныя слезы упрекали Ивана въ опрометчивости, но вздумавъ о близкой своей сватьбѣ, она рѣшительно отвергла глаза съ грустною рѣчью, что „видно у нихъ на роду написано не видать красныхъ дней!“ Созданные другъ для друга юноши дали себѣ слово чаще видѣться въ послѣднее время на посидѣлкахъ, куда стали уже сходиться по вечерамъ деревенскія дѣвушки, и клятву не расставаться навсегда, не проспившись.

Близкое разстояніе деревень и свободный перевозъ, сначала много способствовали свиданьямъ; вся молодежь охотно принимала Ивана на бесѣдахъ, считая его за наемщика; по сему названію онъ часто долженъ былъ угощать деревенскихъ красавицъ пряниками и другими бездѣлками, ибо обыкновенные наемщики, получая отъ хозяевъ большія деньги, имѣютъ привычку вести разсѣянную жизнь, чтобы, по словамъ ихъ, передъ службою отгуляться. Иванъ былъ исключеніемъ изъ этого правила. Всѣ шутили надъ его задумчивостію, но одна Марья знала цѣну безкорыстнаго его поступка.

Сильные морозы сгустили рѣку и затруднили на нѣкоторое время перевозъ; цѣлыя двѣ недѣли не видалъ Иванъ Марьи, между тѣмъ, какъ время разлуки часъ отъ часу

сближалось; наконецъ за недѣлю до отпѣзда, рѣка стала. Иванъ первый пересѣжалъ по льду. Услышавъ пѣсни въ домъ богатаго Игната (чего прежде никогда не бывало) сердце его спѣнилось, и, какъ ни пріучалъ онъ себя къ жестокой мысли, но узнавъ о еговорѣ, ошолбенѣлъ и не могъ сдѣлать ни одного шага. Грустная Марья, предчувствуя его приходъ, часпо выглядывала на улицу, и лишь только сребристая луна освѣтила блѣдныя черты спрадальца, она украдкою съ любимую, вѣрною подругою вышла къ нему на встрѣчу въ богатомъ уборѣ невѣстны и съ крупными слезами на глазахъ. Несчастные любовники молча поняли другъ друга, Марья первая рѣшилась запечатлѣть горесипный поцѣлуй разлуки и, ради Бога, умоляла его возвратиться скорѣе домой, не шерзая себя и не доводя ее до послѣдней крайности.

Иванъ сказалъ роковое проспш, и безъ всякаго вниманія пустился по льду, ославивъ неподвижную Марью провожать его глазами. Не долго мелькалъ онъ на поверхности, въ нѣсколькихъ саженахъ отъ берега, обманчивый ледъ обрушился и онъ исчезъ! Не смѣла вскрикнуть Марья, спрахъ оковалъ языкъ ея. Отчаянная не шерзаетъ времени въ размышленіяхъ, но слѣдуя внушенію сердца, съ быстрою молніею летишь спасашь несчаст-

тнаго или погибнуть вмѣстѣ; уже достигая она грозной полыньи, и только что успѣла пропянуть руки, обломилась къ нему въ объятія и тяжестью своей увлекла его подъ ледъ!

На опчаянный крикъ подруги прибѣжало много народу — прибѣжалъ и отецъ Марьи! Все поиски были тщетны — быстрая Свирь далеко увлекла свою добычу! Черезъ недѣлю, во время сильной оттепели при вскрытіи рѣки, тѣла несчастныхъ выбросило въ 15 верстахъ близъ сарага погоста. Они держали другъ друга въ объятіяхъ и такъ закоспѣли, что никакія усилія не могли раздѣлить ихъ. Одна могила сокрыла прахъ двухъ жертвъ любви! . . .

Игнавій ясно увидѣлъ надъ собою гнѣвъ Божій, душа его почувствовала всю тяжесть угрызающей совѣсти; въ чистосердечномъ раскаяніи онъ отворилъ домъ свой неимущимъ, и почти все имущество свое употребилъ на построение каменнаго храма съ богадѣльней на старомъ погостѣ, гдѣ древняя деревянная церковь грозила уже разрушеніемъ. Попечищельное Правительство вошло въ положеніе Григорья и семейство его освобождено отъ рекрутскаго набора, до возраста меньшаго сына. —

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Къ С. И. А.

По спрасни пылкой къ эпиграммамъ,
 Я не писалъ въ альбомѣ дамамъ,
 Боюсь насмѣшливымъ стихомъ
 Забыть альбомную учтивость,
 Павлечь гоенье на альбомъ,
 Мужей всшревожить щекопливостью —
 И бытъ невинно ихъ врагомъ! .
 Признаться, страхъ боюсь сердитыхъ
 Полу-Лукрецій знаменитыхъ! .
 Дѣвицамъ много я писалъ.
 Про то, про сѣ — всего же болѣ
 Я имъ писалъ про идеалъ,
 Котораго (будь въ ихней волю),
 И самъ ни чушь не понималъ! . .
 Но такъ, какъ все, что только бредит
 Всегда пріятно для дѣвиць,
 То я не первый, не послѣдній
 Былъ распочинать небылицъ! . .
 Съ вдовой со всемъ другое дѣло:
 Предъ вами унижалъ даръ,
 Я въ вашъ альбомъ вхожу такъ смѣло,
 Какъ въ вашъ роскошный будуаръ!

А. Башиловъ.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

21) *Что такое хороший томъ?* Сѣверо-Американскій романъ. (!) переведенный (??) Константиномъ Масальскимъ; 4 части, С.-Петербургъ, 1831 года. — Рекомендуемъ нашимъ читателямъ эпопу занимательный, хороший, хорошо переведенный и хорошо напечатанный романъ.

С М Ъ С Б.

Историческая истина.

(Изъ Цшокке.)

По заключеніи мира при Кампо-Форміо, сдѣлали военный счетъ, чтобы привести въ числа подвиги Французовъ. Тамъ сказано, что съ 8 Сентября 1793 по 19 Февраля 1797 года, Французы одержали надъ своими непріятелями 261 побѣду, и въ помъ числъ выиграли 31 генеральное сраженіе. При семъ убило 152,600 и въ плѣнъ взято 197,784 человека; завоевано 1,338 крѣпостей или важныхъ городовъ и взято 519 укрѣпленныхъ лагерей или редушовъ. Пусть будетъ это и правда, но какая оныя польза для исторіи?

У меня былъ одинъ знакомый; его можно назвать добрыйшимъ человекомъ въ свѣтѣ: онъ не могъ видѣть окровавленнаго пальца, не могъ видѣть плачущаго ребенка; но въ газетахъ для него всегда было

мало убитыхъ. Жестокость его доходила до такой степени, что онъ, при каждомъ новомъ заключеніи мира, восклицалъ: «бѣдные газетчики!»—Но въ этомъ случаѣ, во-истиннѣ, онъ сожалѣлъ только о себѣ, изъ болѣзни будущей скуки.

Послѣ Тильзитскаго мира сдѣлалъ онъ генеральный счетъ всѣхъ опмѣченныхъ имъ жертвъ революціи и послѣдовавшей за нѣмъ войны. Для этого съ 1787 года велъ онъ особенную книгу и Гамбургскій Корреспондентъ, Франкфуртскія почтовые вѣдомости и Посельшова всеобщая газета, которыя онъ выписывалъ собственнымъ издвигеніемъ, были преимущественно источниками его справокъ; сверхъ того, онъ черпалъ и изъ другихъ публичныхъ листковъ, попадавшихся ему случайно.

И когда военносмертный бухгалтеръ заключилъ свою книгу и свелъ итогъ всѣхъ по газетамъ погибшихъ на гильотинѣ, убитыхъ, застрѣленныхъ, изрубленныхъ, пропавшихъ безъ вѣсти, падшихъ, или уплывшихъ въ морскихъ сраженіяхъ, умерщвленныхъ или сожженныхъ въ горахъ и деревьяхъ, присовокупивъ къ тому четвертую часть всѣхъ раненыхъ, которые должны были умереть въ госпиталяхъ и лазаретахъ (онъ полагалъ эту пропорцію весьма умеренною), то сумма погибшихъ отъ войны и ужасовъ революціи людей составила болѣе ста сорока двухъ милліоновъ, (именно 142,214,817 человекъ).

Онъ хотѣлъ напечатать свой смертный реэстръ, съ указаніями на всѣ газеты, служившія ему докумен-

тнами, и чрезъ то блеснуть передъ свѣтомъ такимъ
чрезвычайнымъ подвигомъ. Въ расчепляемыхъ издаше-
ляхъ не было бы недостатка, но у добраго моего
знакомца не доспало собственной воли, когда я пред-
ставилъ ему, что сумма всѣхъ жителей Европы едва
составляетъ сто восемьдесятъ милліоновъ жителей;
следовательно газетчики, въ теченіе какихъ нибудь
двадцати лѣтъ, истребили войною почти все народо-
населеніе нашей части земнаго шара.

Добрый военносмертный регистраторъ, котораго
имя стоить теперь также въ реэспирѣ *бывшихъ*, много
хлопоталъ объ исторіи, много писалъ, считалъ и раз-
личивалъ; словомъ, дѣлалъ точно такъ, какъ поитъ
Англичанинъ, который путешествуя по Греціи, за-
нимался счётомъ шаговъ идущаго передъ нимъ въ ка-
раванъ верблюда и наконецъ, могъ утвердительно ска-
зать, что это живописное проходимъ въ часъ двѣ и
три четверти Англійскихъ мили; не вздумавъ о томъ:
у всѣхъ ли верблюдовъ равны шаги? —

Фонпенель называлъ исторію *Fable convenue*.

Сиръ Валтеръ Рамейгъ, творецъ со тщаніемъ и
глубокомысліемъ обработанной всеобщей исторіи,
которой въ свое время достойно удивлялись, и кото-
рая, еслибъ онъ ее кончилъ, сдѣлала бы его бессмерт-
нѣе, нежели подвиги его въ Америкѣ, пережилъ на
своемъ вѣку странную комментарію къ вышеприве-
деннымъ словамъ Фонпенеля.

Извѣстно, что Сиръ Ралейгъ напечаталъ только первую часть своей исторіи, а рукопись второй бросилъ въ огонь. Одинъ изъ его біографовъ говоритъ, что издатель исторіи Бурре жаловался на плохой расходъ книги и на невыручку еще издержекъ и что Ралейгъ, осердясь на это, принесъ остальной манускриптъ въ жертву пламени.—Иначе рассказываютъ иные, не знаю справедливѣе ли, но за то гораздо интереснѣе, о поводѣ къ этому литературному *Аутодафе*.

Въ 1615 году Ралейгъ былъ заключенъ въ Товеръ за то, что онъ, какъ полагали, участвовалъ въ конспираціи въ пользу Арабеллы Стюартъ. Здѣсь прудился онъ надъ своею всеобщою исторіей, и однажды невзначай подошелъ къ окошку, гдѣ вдругъ сильный шумъ обратилъ на себя его вниманіе. Онъ увидѣлъ на дворѣ, на которой выходило окошко, двухъ дерущихся челоуѣкъ; одинъ изъ нихъ, судя по плащю, былъ Офицеръ и имѣлъ при себѣ шпагу, которою защищаясь онъ падаеній своего противника, закололъ его; но сей послѣдній, уже падая, нанесъ убійцѣ столь сильный ударъ палкою, что тотъ самъ повалился на землю.

Пришедшая стража увлекла съ собою Офицера, который лежалъ почти безъ чувствъ, между тѣмъ, какъ другіе люди старались унести прочь убитаго. Имъ стоило не малаго труда пробраться сквозь толпу собравшагося народа.

На другой день посѣщилъ Ралейга одинъ изъ друзей его, извѣстный своею строгою правотою, — и ему-то рассказалъ онъ видѣнное имъ приключеніе. — Какъ же удивился Ралейгъ, когда другъ его замѣнилъ ему, что во всей этой исторіи нѣтъ почти ни слова правды; что, такъ называемый имъ, Офицеръ былъ только слуга одного Посланника, и что онъ первый началъ ссору;—что не онъ, а пропившикъ его защищался шпагою и воцѣпилъ ее въ ребра этому мнимому Офицеру; что потомъ одинъ изъ зрителей ударомъ палки повергъ убійцу на землю, и нѣсколько постороннихъ людей унесли съ собою тѣло убишаго.

«Позвольте!» сказалъ Сиръ Ралейгъ: «можетъ статься, что я ошибся въ званіи убійцы; но прочія обстоятельства случились точно такъ, какъ я вамъ рассказывалъ;—смѣю увѣрить васъ, что все это я видѣлъ собственными глазами, все происходило подъ мои окошкы, тамъ, внизу на дворѣ, близъ этого четверугольнаго камня.»

«Совершенная правда,» отвѣчалъ другъ Ралейга: «на этомъ самомъ камнѣ сидѣлъ я въ то время, какъ случилась ссора. Видите ли вы рубецъ на моей щекѣ? я получалъ его, оппимая шпагу изъ рукъ убійцы. По чести, вы ошибаетесь во всѣхъ пунктахъ этого происшествія.»

Оставшись одинъ, Сиръ Ралейгъ взялъ рукопись втораго тома своей всеобщей исторіи, и преспокойно бросилъ ее въ огонь. «Если я могъ ошибиться въ

помъ, что случилось передъ моими глазами, то кто же поручится мнѣ за истину происшествій, бывшихъ сотни и тысячи лѣтъ до моего рожденія? сказалъ онъ. —

Н О В О С Т И.

Знаменитая Актриса Г-жа *Бауеръ* ангажирована Дирекціею Императорскихъ Театровъ, въ здѣшнюю Нѣмецкую труппу.

Въ Пешербургъ посятся слухи, что во время наступающей масленицы, въ одномъ изъ строящихся теперь на Дворцовой площади балагановъ, будутъ показываться чѣтыре *Сіамца* и одинъ молодой *Альбиносъ*.—Замѣчательно то, что эти Сіамцы, родились, будто бы, въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, и попомъ росли попарно!!! — Впрочемъ, помни старинную Русскую пословицу: *«не всякому слуху вѣрь!»* мы не выдаемъ и этихъ слуховъ за истину.

Одинъ изъ Нѣмецкихъ журналовъ нынѣшняго года, (*Beobachter an der Spree*), рассказываетъ между прочимъ слѣдующее о нашемъ Сѣверѣ: «въ Россіи, при большой снужѣ, вмѣнено въ обязанность часовымъ, коль скоро они замѣпятъ, что у кого нибудь изъ проходящихъ забѣлѣла носъ, тотчасъ предостерегать его, дабы онъ, своевременнымъ напираниемъ носа снѣгомъ, могъ спасти себя отъ значительнаго вреда. Но, такъ какъ, болышею частію, предостере-

гаемые изъявляютъ бгагодарность свою дачею какой нибудь мелкой монеты, по случается перѣдко, что часовые окликають прохожихъ и съ красными носами!!!

Въ Росгултѣ, что въ Графствѣ Донегадь, въ Ирландіи, Миссъ Фанни Макбридъ, танцовала на одномъ балѣ такъ много, что возвратившись домой въ чрезвычайной усталости, проспала десять дней и десять ночей сряду, въ одиннадцатый день проснулась, потерла себѣ глаза, зѣвнула прижды,—и опять уснула навѣки! —

Въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, 20 Декабря прошедшаго года, Г. Ларрей сообщилъ свѣденіе объ одномъ челоѣкѣ, который худъ и сухъ до такой степени, что Анатомики прозвали его живымъ скелетомъ. Этотъ Individium, льтъ шесть тому назадъ началъ, такъ сказать, *убывать* постепенно и теперь онъ $2\frac{1}{2}$ вершками менѣе проинвъ прежняго своего роста. Кожа его, какъ бы приросла къ костямъ, она морщиновата и неспособна къ испаренію. Мускулы его, біеніе сердца и голось слабы до чрезвычайности; между тѣмъ, онъ ѣстъ и пьетъ не меньше самаго здороваго челоѣка. Голова его, соопвѣпствующая прочимъ частямъ тѣла, покрыта весьма тонкими, короткими, почти совершенно бѣлыми волосами, глаза спраждупъ онъ воспаленія. Не смо-

зря на такую удобу, эмпотъ человекъ обладаетъ
вполнѣ душевными и тѣлесными силами: въ послѣдніе
годы онъ прижилъ чепырехъ дѣтей, здоровыхъ и до-
родныхъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е №. XII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Свирская пе-
реправа. [Русская быль. *Стихотворенія*: Къ С. И. А.; соч.
А. Башилова. БИБЛОГРАФІЯ. Чпо такое хорошій
любовъ? СМЪСЬ. Историческая испица. НОВОСТИ.

К О Н Е Ц Ъ I-го Т О М А.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 12 Февраля 1831 года.

Ценсоръ *П. Гаевскій*.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА:

Стран.

Исполнскія горы, (изъ разсказовъ путешественника.) соч. <i>О. М. Солова</i>	-	:	-	1, 57 и 75
Певца. (Повѣсть.)	-	-	97, 117, 143, 169 и 195	
Бѣгство, (отрывокъ изъ Историческаго романа: <i>Князь Курбскій</i> .) соч. <i>Б. М. Федорова</i>	-	-	205	
Судьба ворожитъ лучше людей. (Повѣсть.)	-	-	217	
Егеръ Шамунской долины. (Повѣсть.)	-	-	241 и 269	
Свирская переправа. (Русская быль.)	-	-	301 и 319	

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Пѣсня; соч. <i>Кн. В—го</i>	-	-	-	25
Душа юноши; <i>А. Г. Ротчева</i>	-	-	-	25
Къ Ш—ву, <i>Н. М. Языкова</i>	-	-	-	61
Басня, <i>Норова</i>	-	-	-	62
Не забудь меня; Барона <i>Розена</i>	-	-	-	87
Съпованіе;	-	-	-	88
Пѣсня; <i>М. Д. Деларю</i>	-	-	-	109
Розовый вѣнокъ;	-	-	-	110
Въ Альбомъ; <i>Н. М. Языкова</i>	-	-	-	132
Къ Лили; Барона <i>Розена</i>	-	-	-	159
Смѣхъ и горе	-	-	-	159
Забудь меня; <i>А. Г. Ротчева</i>	-	-	-	185
Надгробіе Карамзину; <i>А. Е. Измайлова</i>	-	-	-	208
Двое слѣпыхъ; <i>его же</i>	-	-	-	—
Экспромтъ	-	-	-	—
Пѣсня;	-	-	-	255
Видѣніе; <i>А. Г. Ротчева</i>	-	-	-	262
Ивану Ивановичу Козлову; <i>Б—ра</i>	-	-	-	296
Лѣтній, (сказка)	-	-	-	509
Къ С. И. А. <i>А. Башилова</i>	-	-	-	528

II

БИБЛИОГРАФІЯ:

Стрлн.

1] Поездка въ Германію; соч. Н. И. Греча. 2] Гер-	
нанн; перев. А. Г. Ропчева - - - - -	25
3] Борисъ Годуновъ; соч. А. С. Пушкина - - - - -	62
4] Альціона, Альманахъ на 1831 годъ, изд. Баро-	
номъ Розеномъ - - - - -	88
5] Альманахъ анекдотовъ - - - - -	90
6] Начертаніе исторіи Государства Россійскаго,	
Профессора Н. Кайданова; 7] Заря, Альманахъ	
для юношества; 8) Молитва Русскаго народа -	111
9] Сочиненія, переводы и подражанія въ стихахъ	
Константина Масальскаго - - - - -	152
10] Сѣверные цвѣты на 1831 годъ - - - - -	162
11] Новая дѣпская библіотека, журналъ въ пользу	
воспитанія - - - - -	180
12] Богемская дѣвичья война; соч. Фанъ деръ Фельде;	
13] Сѣверное сіяніе, Альманахъ на 1831 годъ -	209
14] Невскій Альманахъ на 1831 годъ - - - - -	254
15] Стихотворенія Михайла Дмипріева - - - - -	
16] Роза Грацій, или собраніе стихотвореній для	
прекраснаго пола - - - - -	265
17] Мешеоръ, Альманахъ на 1831 годъ; 18) Ры-	
царь блага филинъ, Щспина, наследникъ	
Ильи Муромца; 19) Соколъ былъ бы соколъ,	
да курица его съѣла, или бѣжавшая жена -	297
20] Живые обмороки, или опшѣнки невѣжества	
глупостей, пронырства и обмана - - - - -	312
21] Что такое хорошій тонъ? - - - - -	329

ТЕАТРЪ:

Бѣлана, опера въ 5-хъ дѣйствіяхъ - - - - -	26 и 28
Взглядъ на Русскіе спектакли, съ 1 по 7 Января 1831 г. -	91

Кровавая рука, трагедія въ 5 дѣйс. — Изора, или бышенная, ком. въ 5 дѣйс. - - - - -	153
Женщина-лунатикъ, водев. въ 5 дѣйс. — Фра-Диа- воло, опера въ 5 дѣйс. - - - - -	162
Швейцарское семейство, опера;—Любовная почта опера;—и Сельскій вечеръ, диверт. - - - - -	211

СМѢСЬ:

Закладъ, (истинное происшествіе) - - - - -	50
Извѣстіе - - - - -	55
Глубокомысленные доводы Г. <i>Габакука-Пулпера</i> чистипеля сапоговъ при дворѣ Японскаго Императора, о томъ, что нашъ желудокъ есть средоточіе вселенной - - - - -	65
Опъ Издапелл - - - - -	68
Объявленіе - - - - -	69
Не худо бы ввести эпю и вездѣ - - - - -	95
Домашній обспоятельствва - - - - -	112
Анаксагорова лампа и Русская Княгиня - - - - -	155
Геологія - - - - -	159
Извѣстія - - - - -	140
Замѣчательная находка - - - - -	164
Анекдоты - - - - -	166
Хорошо быть хорошимъ писателемъ - - - ; -	187
Мысли и замѣчанія - - - - -	188
Донъ Педро, Король Португальскій - - - - -	189
Народныя имена - - - - -	213
Замѣчательное записіе - - - - -	215
Указка - - - - -	254
Мысли - - - - -	258

Справный законъ - - - - -	264
Сдача Амстердама - - - - -	265
Изъ письма въ Москву къ Н. Н. - - - - -	266
Предчувствіе - - - - -	298
Нѣсколько словъ о Бейронѣ - - - - -	315
Анекдоты о Паганини - - - - -	315
Законъ Феодосія - - - - -	316
Историческая истина - - - - -	

НОВОСТИ: - - - - 166, 168, 191, 267, 317 и 354

МУЗЫКА:

- 1) Пѣсня, соч. П. Макарова. — 2) Polonaise von C. Czerny
- 3] Сѣшваніе, соч. П. Молчанова.—4) Розовый вѣнокъ, соч. П. Макарова.—5) Mazur, par le C-te Ch. Soltyk.
- 6) Valse, par C. Herthum. — 7) Masurk par C. Herthum.
- 8) Quadrille Française, comp. sur des thèmes favoris de l'opéra la Fiancée et Pietro l'Eremito, par C. Herthum.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 13 Февраля 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.